

COAO

10

SOLO

1993

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

СОЛО
10

МОСКВА
„АЮРВЕДА“
РУССКИЙ ПЕН-ЦЕНТР
1993

101000, Москва, ул. Мясницкая, 40

Редакционная коллегия

Андрей БИТОВ
Анатолий ГАВРИЛОВ
Зуфар ГАРЕЕВ
Владимир ЗУЕВ
Леонид КОСТЮКОВ
Александр МИХАЙЛОВ
Евгений ПОПОВ

Редактор-составитель
Александр МИХАЙЛОВ

Представитель редакции за рубежом

Дмитрий ДОБРОДЕЕВ

Müncher Ring 2, 8044 Unterschleisheim Germany

Tel. (089) 317 54 86; Fax (089) 310 49 47

*Продажу журнала «СОЛО» за рубежом
осуществляет книготорговая фирма*

Kubon & Sagner Buchexport-Import GMBH

8000 München 34, Postfach 340108

Telefon: (089) 52 20 27; Telex: 2 216 711 kusa d;

Telefax: (089) 5 23 25 47

В НОМЕРЕ

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Владимир СМРЕНОВ

Тактика индивидуального террора	4
Прощаю всем, кому я должен	22
Maj. Bradford	27

Юрий ЦЫГАНОВ

Воры (глава из романа-пьесы)	35
--	----

МОНОЛОГИ

Александр ШАРЫПОВ

Владимир Ильич Ленский как зеркало русской революции	74
---	----

ПАНТЕОН

Пекка ПЕСОНЕН

Пародия в «Петербурге» Андрея Белого	81
--	----

РЕТРО

ЛИАНОЗОВО. Предисловие и комментарий Г. Сапгира

Евгений КРОПИВНИЦКИЙ, Ян САТУНОВСКИЙ, Лев КРОПИВНИЦКИЙ, Дмитрий САВИЦКИЙ, Эдуард ЛИМОНОВ, Генрих САПГИР, Игорь ХОЛИН	87
---	----

Владимир СМРЕНОВ

ТАКТИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТЕРРОРА

1

Титов открыл глаза. Полежал еще пару минут, ожидая, когда зазвенит будильник. Тот зазвенел. Титов встал и пошел на кухню. Поставил чайник. Зашел в туалет, пописал и умылся.

Выпил чашку чая, съел бутерброд и немного посмотрел в окно. Включил радио, послушал куранты, гимн и выключил. Вернулся в комнату, достал из-под дивана гантели и стал ими махать, затем дрыгал ногами и отжимался.

Закончив зарядку, прикурил папиросу.

Слегка помутилось в голове, и Титов открыл форточку. Сел за стол, достал фотографии. Немного посмотрел. Слишком сильно дуло из форточки.

Титов встал и пошел на кухню. По дороге захотелось в туалет. Покакал. Оказалось, что нечем подтереться. Он добрался до комнаты, нашел газету и вернулся в туалет. Подтерся, вымыл руки, пришел на кухню и включил радио. «Заявил председатель комитета...» Выключил. Немного подумал и снова включил. «Немедленное освобождение...» Выключил и посмотрел в окно. От остановки отъезжал троллейбус. Мимо окна пролетел голубь. А, может, не голубь.

Титов открыл холодильник и достал коньяк. Налил пятьдесят граммов и выпил. Потом пошел в комнату, надел джинсы, рубашку и свитер, взял книгу и сел на диван. В книге лежала фотография. Немного посмотрел, затем начал читать:

«Крокодилы в Ниле плескаются, со слезами меня ждут, отпусти меня к деточкам, Ванечка, я за то подарю тебе пряничка. Отвечал ему Ваня Васильчиков...»

Взглянул на часы. Без двадцати семь. Встал, пригладил волосы, посмотрел в зеркало, пошел в прихожую, достал кроссовки и надел их. Взял прут и вышел.

Добрался на автобусе до метро, постоял на солнышке и покурил. Спустился в метро, доехал до «Третьяковской». Переходя, попал сначала на еще одну «Третьяковскую», но затем нашел что нужно. Вышел на «Автозаводской», направо, потом еще раз направо. По улице, дальше дворами, Нашел подъезд, вернулся немного назад и удостоверился, что не ошибся.

Сел на скамейку возле подъезда. Оставалось еще десять минут. Закурил, но сразу почувствовал себя хуже и бросил папиросу.

Мимо пробежала кошка. «Ладно», — подумал Титов, встал и зашел в подъезд, хотя было еще рановато. На четвертом этаже остановился около окна и положил прут на подоконник. Хлопнула дверь наверху, сбежал по лестнице подросток. Титов взглянул на часы. Еще минут восемь.

Опять хлопнула дверь, повернулся замок, затем, кажется, еще один. И вдруг с пятого этажа стал спускаться *ублюдок*. Титов на пару секунд оцепенел, потом быстро нащупал за спиной прут и начал подниматься. Прут задел за стекло, раздался скрип. Ублюдок внимательно посмотрел на Титова.

«Понял, за что?» — сказал Титов, сверля глазами лицо ублюдка. Тот замер на мгновение, затем сгруппировался и выбросил вперед и вверх ногу. Титов взмахнул прутом.

Удар ноги пришелся по пруту рядом с пальцами. Прут чиркнул по стене. Титов крепче сжал его в руке, увидел летящий кулак ублюдка и быстро махнул прутом, целясь в голову.

Кулак коснулся лица, и в тот же момент Титов почувствовал, что прут встретил мягкое препятствие. Он с силой вел железку дальше, одновременно отводя свою голову от кулака. Все же врезался затылком в окно, услышал звон стекла, но движение кулака прекратилось. Титов оттолкнулся задом от подоконника и, опять поднимая прут, осмотрелся.

Ублюдок садился на пол. На его горле виднелась розовая дыра, но крови почему-то не было; ноги подгибались и разъезжались, словно бы сминаясь, как пластилиновые.

Титов поднял прут повыше, схватил его обеими руками и с силой опустил на голову ублюдка. Голова разошлась, пропуская металл. Из раны на горле полилась кровь, Титов выпустил прут из рук, ублюдок окончательно сел на пол и пригнул голову с торчащим из нее прутом. Железка вывалилась и звякнула о пол.

Титов перешагнул через убудка и двинулся вниз по лестнице. Вышел из подъезда и остановился. Солнце уже припекало. Он подумал, что можно снять свитер, но было лень. Прикурил и направился к метро. По дороге попил «Фанты» из автомата.

В метро оказалось холодно. Титов с трудом попал монетой в щель — тряслись руки. Он вспомнил, что вроде бы снимал свитер, но тут же обнаружил его на себе. Отовсюду дуло — сквозняки.

Он доехал до «Коломенской», вышел из вагона, перешел на другую сторону и поехал обратно. На пересадке, однако, на сей раз не ошибся.

Выбравшись из метро, остановился у газетного стенда и достал папиросу. Было холодно, хотя солнце светило вовсю. Почитал программу телевидения. Подъехал автобус, но не тот; потом тот.

Выходя на своей остановке, споткнулся и упал на четвереньки. Долго не мог подняться. Какая-то слабость в руках и ногах. «Наверно, заболел», — предположил Титов.

Наконец встал и пошел к дому. Войдя в квартиру, присел в прихожей на пол и немного отдохнул. Потом добрался до кухни и сел около холодильника. Еще отдохнул, открыл холодильник, достал коньяк и стал пить. Потемнело, после чего захотелось спать. Титов попробовал добраться до дивана, но не получилось. Тогда он подложил под голову локоть и уснул.

... Звонил телефон. Это было чем-то приятно. Титов сначала долго слушал звон, затем решил все-таки взять трубку. Открыл глаза и увидел, что лежит на кухне. Болела шея. Он сел на полу и осторожно повертел головой, телефон в это время смолк. Поднялся на ноги и увидел стоящую около стены бутылку. Коньяка там было чуть меньше половины.

Опять зазвенел телефон. Титов убрал бутылку в холодильник, пошел в комнату и сел к столу. Взял трубку и приложил к уху.

— Игорь Тимофеевич? Алло! — сказала завуч.

— Алло... — ответил Титов.

— Вы дома? Сегодня же педсовет, и уже половина третьего...

Титов дунул в трубку.

— Алло. Алло! — Она тоже подула в трубку.

— Я слышу вас, Ольга Станиславовна, — произнес Титов и замолчал.

Она тоже молчала. Через минуту Титов сказал:

— Я не смогу быть.

— Я все... я все понимаю... Но ведь... Вы не смогли бы все же быть?

— Извините, Ольга Станиславовна. До свидания. — Титов аккуратно положил трубку.

Затем открыл ящик стола, достал фотографии и начал медленно раскладывать перед собой. Мальчик с отцом, мальчик с отцом и матерью, мальчик один, мать с мальчиком, мальчик на трехколесном велосипеде, отец и мальчик выглядывают из машины, мальчик в пионерском галстуке...

Заболела голова. Титов взял папиросу, прикурил и несколько раз сильно затянулся. Поднялся из-за стола, дошел до кухни, достал коньяк и отхлебнул. Свело горло, но через секунду отпустило, и он осторожно поставил бутылку среди фотографий. Отец и мальчик играют в шахматы, отец в гамаке, мальчик у отца на плечах...

Опять свело горло. Титов сглотнул, закрыл глаза, положил на лицо руки, прижав пальцами веки, а ладонями подбородок, и напрягся.

Когда отпустило, он собрал фотографии и сунул их в стол. Откинулся на спинку стула и опять закурил. Затем достал записную книжку, открыл на последней странице и поставил напротив слова «ублюдок» маленький крестик, а рядом написал: «27.08». Отодвинул книжку, придвинул перекидной календарь, перелистнул на три дня вперед и написал: «подонок». Откинулся на стуле, два раза глубоко затянулся и бросил окурок в форточку.

2

Шашлычная была заперта изнутри. Титов обошел строе-ние, остановился у служебного входа и достал папиросу. Продул ее, но прикуривать не стал. Через некоторое время в дверях показалась тетка с картонной коробкой, набитой мусором. Она бросила коробку на землю и что-то буркнула себе под нос, затем взглянула на Титова.

— Как дела? — сказал он.

— Нормально, — с неясной интонацией произнесла тетка, немного помедлила, как бы для приличия, и вошла обратно. Титов вошел за ней.

За дверью был коридор. Тетка заковыляла по нему, прихрамывая, Титов двинулся следом, намеренно отставая и поглядывая по сторонам. Увидел дверь с надписью «Моечная»,

толкнул ее, дверь открылась. Среди тарелок и стаканов сидели две женщины и курили.

— Как дела, девушки? — сказал им Титов и сунул в рот папиросу. — Спичками не угостите?

Одна из них молча протянула зажигалку, он прикурил и сказал:

— Премного благодарен! — и улыбнулся.

Женщины переглянулись и одновременно произнесли:

— Не за что! — и: — Кушайте на здоровье! — после чего опять переглянулись и засмеялись.

Титов широко улыбнулся им и молча направился к дальней двери, приоткрыл ее и заглянул. Это была раздаточная — как раз то, что нужно.

Он осторожно вошел. Здесь был полумрак, а в банкетном зале, отделенном от раздаточной двухметровой перегородкой, горел яркий свет и негромко гудели голоса. Перегородка имела несколько декоративных отверстий размером с ладонь — можно было посмотреть в зал.

Титов бросил на пол папиросу, раздавил ее ногой, выбрал отверстие поудобнее и стал изучать застолье. Во главе стола сидели женщина в темном платье и лысый урод. Всего присутствовало человек двадцать — двадцать пять. Титов поискал глазами *подонка*. Нашел, хотя и не сразу, и удовлетворенно сплюнул через отверстие. Никто этого не заметил.

Затем вернулся в мочную. Там была уже только одна женщина. Титов сел около нее и спросил:

— Моих покурим? — и достал пачку «Винстона».

— Давайте, — слегка сурово ответила женщина и взяла сигарету.

— Вот что, подружка, — сказал Титов. — Сделай милость, пока не прикурила — сходи, позови дружка моего, он там на помипках в зале, а мне неудобно... Пожалуйста, девонька... — добавил он нежно, уловив сердитый отблеск в ее глазах. — Дружок нужен, а мне без мазы... Пятый с края сидит, по левой стороне, Юркой зовут...

— Ладно, уговорил, красноречивый, — прервала его женщина и пошла, качая бедрами, к раздаточной. — Бутылка с тебя. — И нарочито засмеялась.

— Умница, — нежно сказал Титов ей вдогонку.

Как только она скрылась за дверью, он встал и прошелся по мочной, осматриваясь. На одном из столов лежали большие ножи. Титов выбрал самый большой, взвесил его в руке, махнул пару раз туда-сюда, потрогал лезвие. Покачивая но-

жом, постоял и подумал. Сделал два полуприседания, проверяя упругость ног. Покосился на дверь.

Подонок заставлял себя ждать. Титов подошел к широкому баку у стены, заглянул в него и увидел свое отражение в воде. И удивился: глаза выпучены, нос торчит, щеки совсем черные... «Ты кто?» — усмехнулся сам себе Титов и тут услышал, что дверь открывается. С той же усмешкой на лице он повернулся к двери, одновременно опуская нож в бак (острием — в дно, рукоятку — к стенке).

В дверях показалась женщина. Титов вынул руку из воды и сказал строго:

— Спасибо, доченька! — Тряхнул мокрой рукой, достал пачку «Винстона» и кинул в ее сторону. — Держи, кошечка!

Пачка пролетела у нее над головой и стукнула в лоб подонка, который вошел следом.

— Шо, бля?! — произнес подонок и посмотрел на Титова.

— Иди сюда, — ответил ему Титов.

Женщина с некоторой тревогой взглянула на подонка, затем на Титова и, оценив ситуацию как опасную, сразу пошла к двери, ведущей в коридор.

— Сигареты... — начал Титов и замолк. Подонок стремительно приближался.

— Шо, бля?! — повторил он и резко выбросил вперед кулак.

Титов непроизвольно подался назад, и в то же мгновение в носу у него что-то взорвалось, а во рту появился вкус железа. В лицо обильно хлынула вода. Он сделал было вдох, но воздух в легкие не пошел. В глазах потемнело. С трудом соображая, он подтянул колени к груди и задвигал руками. Рукам что-то мешало, он старался шевелить ими как можно энергичнее, напрягался изо всех сил и быстро слабел... Вдруг почувствовал спиной какую-то опору, дотянулся до нее руками, затем ногами и оттолкнулся. И услышал, как в горло, булькая, вошел воздух. Стало светлеть в глазах.

Вскоре он увидел подонка. Тот стоял рядом и курил.

— Ну, козел, искупался, бля?! — поприветствовал он Титова и стряхнул пепел в бак.

Титов тупо наблюдал, как пепел тонет в воде, попробовал подняться в полный рост, но ноги плохо держали; он встал на колени, опираясь руками о стенки.

— Не мути воду, е... ный крокодил! — сказал подонок и громко засмеялся.

Титов ощутил растущую ярость, заморгал, тряхнул не вполне еще ясной головой и тут вспомнил про нож, скосил глаза и сразу его увидел. Нож лежал на дне бака.

Титов опустил правую руку под воду и взялся за рукоятку. Сжал ее крепче и стал осторожно поднимать руку с ножом — так, чтобы не было видно подонку.

— Ты что, бля, дрочишь там, что ли? — усмехнулся подонок.

Когда рука вышла на поверхность, а лезвие ножа было еще в воде, Титов плюнул в подонка и попал ему в глаз. В тот же момент, ухватившись левой рукой за край бака и резко выпрямляя ноги, взмахнул ножом. Нож описал дугу, ударил подонка в шею и прошел насквозь. Шея скрипнула, голова глухо стукнулась о бетонный пол и брызнула кровью. Титова по инерции повлекло влево, но он устоял. Затем опустился на колени, чтобы отдохнуть.

Подонок лежал рядом с баком, из его шеи густо лилась кровь. Титов толкнул его, и подонок раскинул руки. У него из куртки выпал пистолет, Титов поднял его и сунул к себе за пояс. Затем наклонился к голове и перевернул ее лицом вверх. На лице была ярость. Титов сполоснул руку и двинулся к выходу.

В коридоре услышал: «Подтирай тут за ними...», и вышел на улицу.

Был сильный дождь. Титов спрятался под дерево и достал из кармана фляжку. Отпил половину. Немного постоял и сделал еще пару глотков. Достал папиросы, но они были совершенно мокрые, и он кинул пачку в лужу. Затем не спеша допил оставшееся. По телу нежными волнами расходилось тепло.

Он увидел такси и поднял руку. Машина остановилась, и Титов спросил: «Водка есть?» Таксист отрицательно мотнул головой.

— Тогда открывай, — сказал Титов.

Таксист приоткрыл дверцу, обвел его взглядом, собрался что-то сказать, но вдруг округлил глаза и схватился обеими руками за руль. Титов влез на переднее сиденье и спросил:

— Не замочу? Извини — дождь.

— Да... уж... — проговорил таксист и рванул машину с места.

— Авторучка есть? — немного помолчав, попросил Титов.

Таксист суетливо покопался в кармане и протянул стержень. Титов достал записную книжку, поставил крестик и дату.

— Куда едем? — поинтересовался таксист, не поворачивая головы.

— Ах, да... К Рижскому.

Дальше ехали молча. Время от времени Титов ощущал жжение в глазах, опускал веки и проводил ладонями по лицу, стирая капли. Лицо было горячим, а ладони холодными.

Подъехали, Титов дал таксисту пятерку и спросил:

— Хватит?

Таксист быстро кивнул, сунул деньги в карман и опять уцепился за руль.

Вылезая из машины, Титов выронил на сиденье пистолет и только тогда вспомнил о нем. Таксист покосился и сразу отвел глаза. Титов взял пистолет, повертел его в руках и сказал:

— Не ссы...

Захлопнул дверцу и повторил:

— Не ссы!

3

Он потянулся и откинул одеяло, чтобы немного охладиться. Снилось женщина: он взял ее за задницу. Задница была очень круглая и приятная... Лицо у женщины тоже было приятное, и незнакомое. Брюнетка.

Титов сел в постели и почувствовал головную боль. Но несильную, к тому же он сразу вспомнил, что оставил вчера целую бутылку пива — как раз на этот случай. Он встал и зашагал голый по прохладному полу.

Бутылка стояла на кухонном столе. Титов открыл ее и вылил в себя половину. Постоял, ощущая, как пиво стекает в желудок. Затем пошел принимать душ. Сделал очень горячую воду, потом очень холодную, потом нормальную, после чего повторил то же.

Хорошо взбодрился. Стряхнул с себя капли и пошлепал в комнату, за полотенцем. Открыв шкаф, увидел себя в зеркале и остался доволен. Если не считать некоторую покатость плеч, то фигуру можно принять как вполне классическую. Бицепсы, пресс и все такое — на месте и в установленном объеме. Половые достоинства тоже в норме. А возможно, и сверх...

Зазвонил телефон.

— Кому там! — сказал Титов, достал полотенце и стал вытираться. Вытерся, надел трусы и наконец подошел к телефону.

— Игорь Тимофеевич! — закричала завуч.

— На х...! — сказал Титов то ли ей, то ли себе и положил трубку. Взял со стола пистолет и примерил его к руке. Вернулся к шкафу и посмотрел в зеркало на себя и пистолет. Выглядело неплохо.

Пошел с пистолетом на кухню и сделал несколько глотков из бутылки. Снова зазвонил телефон. Титов присел к кухонному столу. «Может, сделать из него зажигалку?» — подумал он и положил пистолет перед собой. Прикурил папиросу. «А может, это и есть зажигалка?» Взял пистолет и осторожно опустил палец на курок. Телефон все звонил. Титов отхлебнул еще пива, пошел в комнату и снял трубку.

— Игорь Тимофеевич!!!

Он кинул трубку и направился обратно. Телефон опять зазвенел. Титов остановился, поднял пистолет, прицелился и нажал на курок. Раздался грохот, телефон подскочил, распался на части и посыпался за стол. Титов немного постоял в той же позе, подумал: «Не зажигалка», и пошел на кухню.

Допил пиво, открыл холодильник и осмотрел его. В комнате вдруг снова зазвонило, он захлопнул холодильник и сжал в руке пистолет. Затем сообразил: «А, это будильник...» Достал из холодильника сыр и колбасу, отрезал по куску, сложил вместе и сунул в рот, после чего отправился в комнату.

Включил телевизор, нашел чистую рубашку и стал одеваться. «День знаний. Заслуженный учитель российской...» — прогрелся телевизор. Титов быстро протянул руку и щелкнул кнопкой, вышел в прихожую, надел куртку и положил в правый карман пистолет. Затем причесался и покинул квартиру.

Доехав до Сретенки, он купил в мясном магазине три маленькие бутылочки коньяка и зашел в чебуречную. Выпил сто граммов и проглотил четыре чебурека, потом вышел в сквер и сел на скамейку. Покурил и опорожнил третью бутылочку.

Вечер был теплый и довольно приятный. Титов побродил вокруг метро, дожидаясь восьми часов; коньяк подействовал мягко и ненавязчиво, краски вокруг стали чуть-чуть ярче, шум машин на Садовом обрел некоторую гармонию. Обоня-

ние, правда, тоже обострилось, а бензиновых паров в воздухе хватало. Да еще школьники шлялись повсюду по случаю начала учебного года... Титов старался не вспоминать о работе и отводил от них взгляд.

Без пятнадцати восемь он спустился в метро, без пяти был на месте. Минут через десять появилась *паскуда*. Титов вслед за ней вошел в подъезд, и они остановились перед лифтом. Паскуда мельком взглянула на него и отвернулась. Он осмотрел ее ноги и зад в короткой юбке. Приехал лифт, они вошли. Титов нажал на шестой этаж и сразу сказал:

— Привет, паскуда.

Резко и внимательно посмотрев на него, она сунула вдруг руку в сумочку и крикнула:

— Ты что, козел!..

Титов быстро вынул пистолет и поднес к ее лицу.

— Смирно, — сказал он тихо. — Заткнись. Про поминки слыхала? Это я вашего подонка разделал...

Он упер дуло ей в нос и заметил, что ее лицо крайне побледнело, и явно обозначилось, где грим, а где просто кожа.

— Сейчас пойдем к тебе, — сообщил он и немного отвел пистолет. — И чтоб без... как его...

Лифт открылся, он пропустил паскуду вперед и ткнул ее в зад пистолетом:

— Быстрее.

С минуту она возилась с замками, наконец вошли. Титов захлопнул дверь и прислушался, затем приставил пистолет к ее спине, подтолкнул, и вошли в комнату. Он огляделся, зачем-то понюхал воздух и сказал:

— Ладно, отдыхай пока.

Паскуда присела на стул и, напряженно глядя на Титова, молчала. Губы ее подрагивали, лицо стало совсем серым. Грим чуть ли не отваливался.

— Отдыхай, говорю, — повторил Титов и уселся в кресло.

— Что ты хочешь? — проговорила она хрипло.

— Ни х... . Пива принеси, — подумав, ответил Титов и убрал пистолет в карман.

Она неуверенно поднялась со стула и двинулась на кухню.

— И чтоб там без блядства! — напутствовал он паскуду и рассмеялся.

Она быстро вернулась с двумя банками пива.

— Ваше здоровье, — сказал Титов, взял у нее одну банку, вскрыл, разинул рот и плеснул туда пива. — М-м... — И еще отпил. — Ты почему не пьешь?.. Ладно, к делу. — Он отста-

вил банку и прикурил. Посмотрел на нее и засмеялся. — Ты что, обосралась? Сильно не переживай: мне, в основном, *урод* этот ваш нужен... — И раздельно произнес: — А тебя — могу — не — убивать.

На последнем слове она заметно напряглась. Титов вылил в рот остатки пива и сильно затянулся папиросой. Потом кивнул на люстру и спросил:

— Где такой фонарь наблындила?

— В магазине... — помедлив, выговорила паскуда. — Где же...

— Тебе что, банку открыть?

Она посмотрела на банку в своих руках и помотала головой. Поковырялась, открыла банку, припала к дырке и с некоторым трудом стала глотать пиво. Титов немного понаблюдал за сокращениями ее горла и покачивающимися серьгами, затем спросил:

— Сколько здесь комнат?

— Две, — сказала паскуда и как-то по-собачьи взглянула на него. Потом взяла сигарету и начала ее мять. Сломала. Взяла другую...

«Надо ж так испугаться!» — подумал вдруг Титов и его неожиданно передернуло. Он зажмурился, сделал глубокий вдох, задержал дыхание, потом открыл глаза и выдохнул:

— Еще!

Она сразу вышла и вернулась с тремя банками. Титов откупорил одну и присосался.

Пиво мягко и прохладно, слегка пощипывая, гладило рот и струилось через горло... Он опустошил банку и бросил ее на ковер рядом с первой, взял следующую и сделал несколько глотков. Почувствовал на себе ее взгляд, оторвался от банки и рассеянно провел глазами по ее фигуре, слегка задерживаясь на выпуклостях и впадинах, дошел до лица и остановился. Бледность почти пропала, но губы дрожали, вытягивая из сигареты дым. Она настороженно глядела на него и о чем-то усиленно думала.

— Я буду у тебя сидеть, пока урод здесь не появится, — заговорил Титов спокойно. — Крайний срок — завтрашнее утро. Бери телефон и звони. Он должен прийти один. Если к восьми часам его не будет, я тебя убью. — Паскуда закашляла. — Если он придет не один, я тоже тебя убью. — Он развалился в кресле и стал небольшими глотками отпивать из банки.

Она прокашлялась и спросила:

— Можно мне в туалет выйти?

— Вы совершенно свободны, мадемуазель! — засмеялся Титов. — Только в толчке топиться не надо — а все остальное можно делать! Писать, какать, пить пиво, водку, жрать икру и ананасы, онанировать и разлагаться... Морально, я имею в виду...

Она боком вышла из комнаты. Титов вздохнул и закрыл глаза. Потрогал в кармане пистолет. «Славное приспособление. С тобой мы их всех повыведем. Паскуду эту можно оставить... Баба...»

Он услышал ее шаги, приоткрыл глаза и спросил:

— А как тебя зовут?

— Наталья, — чуть поколебавшись, ответила паскуда. У нее в руках был небольшой поднос, она помялась, поставила его перед Титовым и сказала: — Перекусим?

Титов осмотрел поднос. Водка ноль семьдесят пять, лимон, колбаса копченая, сыр.

— И это все?! А где же ананасы с рябчиками?

— Не жру я ананасов, — с обидой произнесла паскуда. — Налейте лучше...

— А-а, мы до сих пор на вы?.. — усмехнулся Титов, открывая бутылку. — Кстати, за это и выпьем. — Он разлил по рюмкам. — Будем на ты!

Она сразу взяла рюмку и выпила. Надкусила, морщась, дольку лимона. Титов проследил за ее действиями, после чего тоже выпил, закусил сыром. Помолчали. Он снова налил в рюмки, тут же выпил свою, положил в рот кусок колбасы и откинулся в кресле.

— А теперь носи сюда телефон. Можешь еще рюмку хлопнуть, а потом звони. Чем скорее он сюда прибудет, тем лучше. В твоих интересах. Но не позже восьми часов утра — потом я занят. Я ж человек трудящийся... на ниве... — Он улыбнулся одной стороной рта.

Паскуда задумчиво посмотрела на Титова и тоже слабо улыбнулась. Выпила рюмку. Принесла телефон, села на диван и положила ногу на ногу. Затем прикурила и сказала:

— У него ж там жена... — И погладила себя по колену.

— Насрать на жену! — сразу разозлился Титов. — Через двенадцать часов она будет уже вдовой! Или ты — с дыркой за пазухой! На х...!

— Ладно, ладно... — Наталья с готовностью схватилась за трубку. Сильно затянулась сигаретой, морщась то ли от дыма, то ли от своих мыслей, и набрала номер.

— Здравствуйте! А можно Николая Аркадьевича к телефону? — Она опустила веки и слегка скривилась. Потом уселась поудобнее, придвинула пепельницу и кокетливо улыбнулась. — Алло... Николай Аркадьич? Здравствуй, Коленька, как твои говённые дела? А как же? Послушай, я тут... скоро е...нусь с тоски — приехал бы, сколько не виделись!.. Вот и я о том же... Ну так давай сюда — прое... за милую душу... О-ой, Колюш, или ты... А дождешься — заведу себе... мужика, а ты, б..., и не узнаешь... Завтра? Ты все завтраками кормишь? С утра? А... Ты завтра... служишь? — Она коротко взглянула на Титова. — Да я согласная! Х... с тобой, говорю!.. Всегда со мной. Я поняла... Ну приезжай!

Она опустила трубку, Титов налил в рюмки водку и спросил:

— Ну?

— Завтра утром. Часов... в семь — ему к восьми дежурить.

Она вздохнула, выпила, сильно сморщившись, рюмку, вынула из пачки сигарету и отвернулась к окну.

Титов тоже выпил, опять наполнил рюмки и сразу еще раз выпил. Засунул в рот два куска колбасы и стал жевать. Запил пивом. Достал папиросу, шелкнул зажигалкой и протянул Наталье прикурить. Она прикурила, кивнула и сказала:

— Открой мне пиво.

Титов открыл банку.

— Я сейчас... — Она встала с дивана, взяла у него банку и вышла из комнаты.

Он прикурил папиросу. Послышался шум воды в ванной. От папиросы мозги быстро мутнели, и Титов с удивлением понял, что его развезло, и всего от двухсот граммов водки — хотя бы и поверх пива... Затем он вспомнил, что пил еще и коньяк... Веки неудержимо слипались, голова клонилась, он бросил папиросу в пепельницу, попытался проморгаться, потряс головой, но добился лишь того, что все вокруг закачалось...

В ванной шумела вода, он силился проснуться и одновременно хотел посмотреть сон, как мальчик с отцом у воды строят дом из песка, но необходимо было срочно просыпаться, чтобы подготовиться к сегодняшнему дню — сегодня у него контрольная, и мама сейчас будет ругаться, что он соня и лентяй, — вот она уже выходит из ванной, чтобы стаскивать с него одеяло, но ее опережает жена — обнимает, гладит по груди и по животу, шарит, лезет, он старается не

пустить ее руку, загоразивается коленями, но рука все лезет и лезет, и шарит — он хватается за руку: «Ты что — там же пистолет!»

Открыв глаза, он еще пару секунд ничего не видел, уже, однако, зная, что держит за руку Наталью. Она начала вырываться и что-то кричать — не то жалобно, не то агрессивно. Он резко крутнул ее руку и с силой оттолкнул, затем проверил, по-прежнему ли пистолет в кармане, и произнес:

— Сейчас, паскуда, пришибу!

Паскуда упала боком на ковер и замолкла. На ней был желтый халат, он распахнулся, обнажив правую ногу до самых трусов и левую грудь.

Титов вылез из кресла и встал перед ней, не зная, что предпринять.

— Прости меня... — вдруг сказала Наталья.

Титов шагнул через нее (она дернула рукой, загоразивая лицо) и направился в туалет.

Опорожнившись, он зачем-то взвесил пенис на ладони, затем вытащил пистолет и сделал с ним то же самое. Пистолет оказался тяжелее. Несколько удивленный своими действиями, он зашел в ванную, вымыл пенис, руки, лицо, посмотрелся в зеркало и не очень-то себе понравился, но решил, что неплохо бы выпить. Достал носовой платок, вытерся и пошел обратно.

Паскуда сидела на полу, закутавшись в халат и уткнув лицо в колени. Титов налил себе рюмку, стоя выпил и куснул лимон. Она судорожно вздохнула. Он наполнил обе рюмки, подумал и сказал:

— Выпей.

Сам еще раз выпил, обошел паскуду, сел на диван и развалился, весело и спокойно себя чувствуя. Оглядел ее сжавшуюся в комок фигуру и сказал:

— Не ссы, Наталья, прорвемся...

Она качнулась, отняла лицо от коленей и осторожно и внимательно посмотрела на него. Титов провел рукой по волосам, почесал щеку и повторил:

— Выпей.

Она, будто только этого и ожидала, быстро и изящно поднялась, взяла рюмку и, запрокинув голову, выпила водку. Уже выпив, на несколько мгновений задержалась в этой позе. И Титов мог ее рассмотреть — ногу, выставленную из халата, проем меж грудей в разошедшемся вороте, выгнутую шею, беспорядочно упавшие волосы, полузакрытые глаза и приот-

крытый рот. Затем она, вскользь глянув на Титова, поставила рюмку, взяла со стола сумочку, порылась, достала пудреницу и торопливо захлопотала над своим лицом. Вернула пудреницу в сумочку, после чего взяла бутылку и разлила по рюмкам. Титов понаблюдал за ее манипуляциями, хлопнул ладонью по дивану и пригласил:

— Садись, сволочь! Будь как дома, — и криво улыбнулся.

Она сразу же села; подняли рюмки и чокнулись.

— Ты прости меня ей-богу, — быстро заговорила Наталья. — Я просто ох... ла совсем, испугалась... — Она дотронулась пальцами до его колена. — Ты какой-то... страшный, б...

— Стой! Не п... ди! — оборвал ее Титов. — Выпьем, Наташка, и будем пьяные. Вот — тебе!

Он забросил в себя рюмку, громко выпустил отрыжку, строго взглянул на Наталью и жестом приказал пить. Она выпила, он взял ее за лицо, повернул к себе и обхватил губами ее рот. Наталья зашевелила пальцами у него на затылке, другой рукой поползла по животу и стала расстегивать брюки. Он пощупал ее за одну грудь, потом за другую, полез вниз, просунул руку между ног. Ноги раздвинулись, он провел там пару раз пальцами по коротким и жестким волосам, вернулся к грудям, почувствовал на пенисе ее ладонь, навалился и замычал. Она опрокинулась на спину, расставила ноги и, потянув за пенис, ввела его в себя и сразу же энергично заколыхалась. Ее влагалище было большим и влажным, пенис ходил легко и поначалу даже излишне свободно. Через некоторое время он стал доставать до дна (Наталья при этом охала), и влагалище стало уже. Захотелось увеличить темп и она его поддержала. Вскоре он понял, что приближается конец, стал бить в нее со всего размаха (она вскрикивала), наконец почувствовал, что уже — все! До упора — дальше — отвел — опять, сбросил сперму и закричал. Она закричала: «О-е-е-е-ей!», закрутила головой, впиалась ногтями в его задницу и вдвое быстрее замахала своей. Ему было уже достаточно, он высвободил пенис, расслабил руки и ноги, раздумывая, слезать ли (или так полежать)? Она обняла его за шею и спину и что-то шептывала, он поудобнее пристроил голову у нее на груди, но в стороне от ее дыхания, и закрыл глаза.

Увидел перед собой высокую траву, за травой на голубом небе был отец, который улыбался и звал к себе, но путь преграждала трава, он путался в ней и падал на колени,

поднимался и спешил опять к отцу, чтобы тот взял его на руки и подбрасывал вверх, и вдруг попал ногой в ямку и сильно упал лицом во влажную и щекотную траву, на шершавую землю, и в живот впилась ветка, и ему показалось, что нет больше ни неба, ни отца, что он остался совсем один, и так сильно упал... так...

Он как только мог быстро открыл глаза, оторвал лицо от дивана и увидел паскуду, которая наклонившись стояла около него. Титов попытался сразу вскочить на ноги, но запутался в спущенных штанах и вынужден был встать на четвереньки. Он бросил руку к карману с пистолетом, однако не мог найти, где карман, поскольку куртка перекрутилась и съехала с плеч. Тогда он ухватил паскуду за волосы, потянул к себе и заорал:

— Ты, б... что?!

Она без сопротивления подалась за его рукой и хрипло прошептала:

— Я ничего, б... ты что!..

Он прижал ее голову к своему животу, и тут же выяснилось, что пистолет — на месте: карман тяжело стукнул его по бедру. Титов отпустил ее волосы и удостоверился, что так оно и есть, после чего устало лег на бок, не вынимая руку из кармана, проложив другую руку между щекой и шершавой поверхностью дивана.

Наталья задержалась у него на животе, поерзала там и вдруг обхватила ртом пенис. Титов ощутил, как горячо у нее во рту, с минуту еще полежал не двигаясь, потом приподнял голову, взял бутылку и сделал глоток из горлышка, затем еще два. Наталья оставила пенис, вынула молча у него из руки бутылку и выплеснула остатки водки себе в рот. Титов погладил ее по волосам и осторожно намотал их на пальцы. И некоторое время лежал, слегка сжимая кулаки и чувствуя в одном из них упругие влажные волосы, а в другом — рукоятку пистолета.

4

Наталья стала освобождать волосы, но Титов сопротивлялся: чтобы спокойно ее отпустить, нужно было сначала открыть глаза, а они не открывались.

— Колян, б... пришел, слышишь? — сказала Наталья.

— Слышу, — выговорил Титов, поднатужился и наконец разлепил веки. Разжал пальцы, выпустил натальины воло-

сы и проверил, на месте ли пистолет. Наталья села на диване, запахивая халат. Опять переливами зазвучал дверной звонок.

— Открывать? — спросила она, затем добавила как бы самой себе: — Он же меня ... на х...

Титов сел и начал застегивать штаны. Пальцы слушались плохо. Он, качнувшись, встал с дивана, добился, чтобы штаны все-таки не спадали, затем обследовал вчерашнее застолье. Из спиртного обнаружил полбанки пива, вылил его в себя и сел обратно на диван. В голове немного прояснилось.

— Открывай, твою мать! — сказал он Наталье, закинул ногу на ногу и взялся в кармане за пистолет.

Наталья прикурила сигарету, держа зажигалку обеими руками, и, слегка пригнув голову, направилась в прихожую. Титов проводил ее взглядом. Походка ему не очень понравилась, но волосы разлетались довольно красиво. Под халатом качалась круглая задница...

В комнату широким шагом вошел милиционер. Титов на мгновение оторопел, а затем усмехнулся.

— Здравия желаю, товарищ майор... твою мать! — произнес он весело и вытащил пистолет.

Урод резко остановился посреди комнаты и часто заморгал правым глазом. В левом глазу его появилась слеза и, поскольку ресниц там не было, сразу покатилась на щеку, растекаясь по рубцам. Титов наставил на него пистолет и спросил:

— Молиться умеешь... твою мать?! Тогда молись. Тут твой п... ец!

— Ты что, б... о... ел совсем? — крикнул урод силным тенором.

Титов качнул пистолетом и нахмурился:

— Не люблю мата, на х...! Я ж учитель — чтоб ты знал. Разумное, доброе, вечное, на х...! — Он взял папиросу, увидел, что из прихожей показалась Наталья, и добавил: — Натюлька, водки!

Урод опять заморгал и неуверенно обернулся к Наталье. Титов сильно дунул в папиросу, табак вылетел и просыпался ему на колени. Урод вдрогнул. Наталья, чуть поколебавшись, вышла, тут же вернулась с начатой бутылкой коньяка и налила в две рюмки.

— Кого это ты обделила? — спросил Титов и сразу выпил, не опуская пистолета. Поморщился, затем кивнул уроду: — Дамы с утра не пьют. Е... ни перед смертью...

Урод, задумчиво глядя на Титова, подошел к рюмке, поднял ее, понюхал и вылил остатки к себе в рот.

— Садись пока, — приказал Титов. — Раз уж ты мент...

Тот сразу сел на край ближайшего кресла и напряженно замер. Наталья снова наполнила рюмки.

— Короче так, на х..., — произнес Титов и два раза качнул пистолетом. — Два выродка уже там. Сегодня — ты, на х...! — Он вытянул ноги и покрутил ступнями. Урод внимательно следил за ним. Титов взял рюмку, посмотрел на свет коричневатую жидкость и залил в себя. Немного помолчал и сказал: — Тимоша будет доволен... — Еще помолчал. — Маринка тоже...

Внезапно ему захотелось плакать. Он глотнул и с трудом проговорил, неизвестно к кому обращаясь:

— Мариночку я так и не видел... Говорят — головешка... И тачка — на х...! Шашлычок...

Он закрыл и тут же открыл глаза, махнул пистолетом и стукнул себя по бедру...

...Мальчик упал и ушиб ногу, к нему подбежал папа и прохладно дул на ушибленное место, потом посадил на плечи и понес...

— Я же, б... не трогал... твоего парня, — сказал вдруг урод. Титов навел на него пистолет. Урод, глядя в дуло, торопливо добавил: — И Марину никакую не знаю, б...!

Титов стиснул пистолет так, что побелели пальцы, прицелился уроду в левый глаз и сказал:

— Мариночка, чтоб ты знал, — моя жена, которая в тачке сгорела. Тимошу, чтоб ты знал, вы ни за х... от... дили в кабаке, чтоб ты знал!

— Почему она горела-то? — суетливо вставила Наталья.

— Да ты, б... что — ей поверил, что ли, этой паскуде?! — зашепшил урод. — Это ж, б... она, пальцы ему ломала, твоему...

Титов перевел пистолет на паскуду и нажал курок. От выстрела его качнуло к спинке дивана, рука пошла вверх, и он еще успел увидеть, как урод выхватывает пистолет, направляет ему в живот и в дуле появляется огонь.

Удар горячей боли, разорвавший внутренности, немного напоминал ощущения от рюмки водки, выпитой натошак.

ПРОЩАЮ ВСЕМ, КОМУ Я ДОЛЖЕН

5 января. Начинаю вести дневник, в котором буду фиксировать события. Возраст мой таков, что не позволяет тратить время попусту. Дело надо делать.

Дел у меня выше головы. Вера Михайловна не догадывается об этом. Да ей и ни к чему. Сердце у ней слабое, пусть побережет здоровье.

6 января. Сегодня этот подлец позволил себе усомниться в моей порядочности. Никто и никогда не мог ставить под вопрос мое отношение к исполнению своего долга! Ни за что не прощу подлеца!!! Пусть даже и Наташа попросит — ни за что!!!

6 января. Вечер. Был Неприходько, принес газету. Прочитаю, когда буду в умственном спокойствии. Завтра предстоит тяжелый день, так что прочитать не успею.

29 января. Дела мои движутся успешно, хотя и несколько медленно. На днях заканчиваю подготовку. Приведение в исполнение наметил на 1 февраля.

Немного волнуюсь.

3 февраля. Прошлую запись сделал в минуту душевного волнения под влиянием статьи, принесенной Неприходько. Полностью отвергаю составленные мною в минуту волнения планы.

4 февраля. Изготовил мукú, проверил ее действие в малых дозах (1/2 чайной ложки). Действие незаметное. Когда дойдет до дела, то руки мои окажутся чисты.

Наташа сегодня плакала от этого подлеца. Ни за что не прощу ему разрушение моей семьи и всего самого святого. Нет — прощению! Долой (*зачеркнуто*) и их преступную деятельность! Никакой пощады!

5 апреля. Почти два месяца провалялся на больничной койке. Сейчас чувствую себя гораздо лучше, но все еще дают о себе знать боли в груди. Отвратительное дело — болеть! Надо повнимательнее относиться к своему состоянию. Ведь мне столько еще предстоит!

Умер Неприходько. Я на похоронах не был, Вера Михайловна рассказывает, что все было хорошо. Присутствовал новый начальник отдела, его заместитель и два члена бюро. Но Неприходько и не пользовался большим авторитетом у товарищей.

Гроб и музыку организовали по линии общественных организаций. Пришла первая жена.

20 апреля. Сегодня удачнейший день! Окончательное решение созрело у меня очень быстро. Подлец только на минуту вышел, а я тут же подсыпал этой кобелине муки. Будет знать наших!

А Вера Михайловна, ни о чем, конечно, не подозревая, угостила меня рюмочкой отборнейшего коньячка! Почувствовала, видимо, женским своим добрым сердцем!

Что за прелесть этот коньячок!

Сегодня Г. опять выступал. Вот ведь х... сос!!!

Созонов не звонил, хотя я его просил!

30 апреля. Магазины доведены до крайнего запустения. Грубость грузчиков и продавцов переходит всякие границы. В подсобных помещениях стоят ящики с продуктами, которые в торговый зал не поступают. Несколько ветеранов провели проверку с целью выявить незафиксированные запасы продовольствия, но не были допущены в подсобные помещения персоналом магазина. Вор на воре сидит!

19 мая. Действие моей муки почему-то задерживается. Этот подлец только ходит и улыбается. Чему улыбаешься, сука?

Наташа на меня почему-то обижается. Я хотел у нее спросить, но что-то мешает. С работы она возвращается поздно и сразу уходит в свою комнату. А один раз я слышал, как она плакала в ванной. Я почти ее не вижу.

А этот драный кобель все ухмыляется во всю свою вонючую пасть. И беззастенчиво шастает по всей квартире! И дела ему нет ни до чего!

20 мая. Сегодня он заболел, и я даже помолился. Будем ждать дальнейших событий.

27 мая. Сказали, что была простуда. Они же не знают всех обстоятельств. Я уверен, что это моя мука подействовала. Но видимо, я дал слишком слабую концентрацию. Что ж, опыт — дело экспериментальное. Продолжим свои усилия. Упорные — вознаграждаются. Заготовил большую партию и теперь буду ждать удобного момента.

Я добыю тебя, пес драный, клянусь!

29 мая. Сегодня разговаривал с этим кобелем. Внушал ему быть благоразумнее и культурно себя вести. Не забывать, в чьей квартире он живет, уважать людей, превосходящих его по умственному развитию и общественному положению. Быть внимательнее к окружающим его людям. Не срать там, где жрет, и т. д. И что же я получил в ответ? Невразумительное бурчание, наглый взгляд и поганую ухмылку!

Созонов не звонит уже третий день.

17 сентября. Только что вернулись с Верой Михайловной от Трухова. Ох, и напоил же меня, старая сопля! Самогончка у него, отметим, отменная! Закусочка тоже — не встанешь! Сальце во рту тает, а хлебушек его половина сама печет! Но обдирку — ворует!! И ведь отрицает, кобель, данный факт!

Таксист, мерин недоделанный, все настроение испортил...

Прошли мы с Верой Михайловной по морозцу как молодечки! Песни молодости нашей незабываемой попели — и домой. Как выразилась Верочка.

Мысль мне сейчас в голову пришла: а не продрать ли мне мою ненаглядную до самых ноготков, а? Тряхнем стариной!

23 сентября. Позавчера этот подлец позволил себе глумиться над моей жизнью, исполненной достоинства человека, посвятившего всего себя благородству, служению, верности идеалам, полученным с молоком покойной моей матери и отца, завещавших мне оставаться до конца моих дней верному впитанным с молоком матери честности, доброты, достоинства и беззаветного служения добру, противостоящего злу, всему, что мешает жить достойно, увлеченно и уверенно, быть непреклонным в отстаивании честной трудовой жизни поколений людей, посвятивших всего себя мечте о тех днях, когда осуществляются их мечты!!! Несомненно, я просто вынужден уничтожить этого жалкого пса, недостойного проживать в моей квартире, гадить в моем доме, отравлять жизнь мне и моим близким, портить тут воздух и жрать там, где надо срать, и наоборот!

30 октября. Проверил муку на себе. 1/2 столовой ложки вызвали: 1) жжение в пищеводе; 2) нервное оцепенение; 3) тяжесть в желудке; 4) интенсивное отделение газов; 5) позывы к дефекации (правда, не подтвердившиеся).

Эффект, таким образом, налицо. В чем же тогда дело? Продолжу размышления над проблемой.

Утром звонил Созонов. Сообщил, что Е. готовит незаконные действия. Не должны дать рабочие спуску этому негодяю, не должны!

3 ноября. Сегодня сорок дней со дня кончины дорогой Веры Михайловны. Сходил на кладбище, помянул мою дорогую. Предложил Наташе, но она отказалась. Прибрали могилку, сделали столик. Буду теперь регулярно носить цветы. Хоть и не всегда ладили мы с моей женушкой, но было

у нас и много светлых моментов в нашей с ней жизни. Давно уже простил я ей ее оскорбление, сказанное мне в минуту невменяемости полной. Бог простит!

3 ноября, 22-00. Эта б... нагло заявила, что желает, видите ли, отправить меня, своего отца, в сумасшедший дом! И смеет еще, сучка паршивая, ссылаться на свою мать при этом! Как можно! Живого отца! Можно подумать, что отец у нее сумасшедший! Да с Верочкой мы душа в душу жили! И давно я уже простил ей ее оскорбление, сделанное в минуту волнения! А этот подлец все сидел в их комнате и носа даже не высовывал! Это я точно знаю: он ее подзуживает!! Каков подлец, а!!! Как низка подлость человеческая, прости Господи!

Выпил валерианки и полстакана настойки. Нужно успокоиться, а то неровен час и сам сыграешь в деревянный ящик. А дел — полно.

Подумал: может быть, и я неправ по отношению к Наташе? Не больно-то я участвую в ее делах. Не может один человек быть полностью неправ, а другой — полностью прав. Наверное, мы оба неправы частично. Я уже не мальчишка, нервы не те, так что и не выдерживаю иногда. Нужно повнимательнее быть к своим ближним, мягче и добрее — тогда и сойдет благодать на человека, тогда и откроется ему тишина и спокойствие, мир и тишина во всем мире и мирное небо над планетой Земля, продолжающей, несмотря ни на что, свой бесконечный бег по кругу вокруг Солнца.

30 ноября. Бесстыдники, шарлатаны и мошенники! Только так можно охарактеризовать попытки... (зачеркнуто две строки).

1 декабря. Я больше знать не желаю этого подлеца, видеть его не хочу и объявляю ему абсолютный и полный бойкот!!!

2 декабря. Сегодня этот подлец в полной уверенности в своей безнаказанности говорил по телефону. Они, видите ли, сучьи дети, считают, что я полностью невменяем и подлежу поэтому помещению туда, где содержат людей, лишившихся душевного рассудка. Я протестую и требую незамедлительного оправдания себя как достойного члена общества. Созонов поддерживает меня в этих требованиях, хотя советует, старый, воздержаться от активного противодействия незаконным действиям. Обещал какую-то раковину на кухню.

Сейчас посмотрел на кухне: раковина почему-то разбита. А откуда об этом известно Созонову?

Что значит — «воздержаться»? Засадят — и все!

Наташа позвала меня сейчас ужинать и сказала, что приготовила салат. Может, пойти?

4 декабря. Наташа болеет. Я видел в их шкафу шприц и ампулы. Может быть, у нее что-нибудь с сердцем или с желудком? Надо проконсультироваться у врачей. Возможно, лекарства ей не помогают? Я давно замечал, что у нее руки прямо исколоты... Болезнь — дело опасное, запускать нельзя.

10 декабря. У меня нет больше дочери! Моя дочь — наркоманка! Я, всю жизнь трудившийся, и не помышлял никогда ни о каких наркотиках! А моя дочь — наркоманка!! Как это пережить?!

30 февраля. Продолжаю вести дневник, все-таки дело необходимое. И задачу свою я не забросил. Вчера приготовил литровую банку муки, а сегодня наметил подсыпать.

Будь что будет, дорогой Василий, как говорит мой друг Триухов! Старый друг, душа-человек! Не бросает старых друзей в трудную для их жизни минуту, никогда не оставит в беде. Слава Богу за то, что есть еще такие товарищи на белом свете.

14 марта. События этой недели можно охарактеризовать одним словом: чрезвычайное происшествие. После того как этот кобель подох, я не подал виду, что имею какое-либо отношение к данному происшествию. Наташа денек поревела и успокоилась. Но потом сделали вскрытие. Что за порядки теперь, ей-богу! Вскрывать какого-то паршивого кобелину! Да от него же вони на всю округу!

Короче, они там кое-что нашли. А этот подлец нашел у меня банку с остатками моей муки. И сказал, что такой же, якобы, состав обнаружен при вскрытии.

Что тут началось, мамочки мои! Меня и смех разбирает, и грех. Эти сраные наркоманы еще какие-то условия ставят? Я им так и сказал. Смотрю — примолкли. А мне что — я свою задачу выполнил. Где наша, как говорят, не пропала!

Сейчас позвоню Созонову.

3 мая. Сегодня, в третий день Международной Солидарности Трудящихся, я заявляю со всей ответственностью, что никогда не допущу никакого скотского отношения к Людям, к Добру и к Правде. Я нарочно, добрые люди, употребляю эти слова с заглавной буквы, стремясь подчеркнуть непреходящий Смысл этих слов, означающих самое святое в жизни людей!

Мне никогда не приходило в голову, что, может быть, я жил не так, как нужно было бы при моем положении? Но сегодня я даю себе клятву, что никогда не предприму каких-либо действий, противоречащих морали, признанной общечеловеческими ценностями. Мне не нужно будет краснеть за свою нелегкую жизнь перед лицом новых поколений, вступающих в осмысленную жизнь в этот час нелегких испытаний для нашей любимой Родины!

«Никогда больше!» — как крикнул Петр, скрученный по рукам и ногам представителями администрации.

И я даю себе несомненное слово более не попадаться в учреждение по трезвлению неумеренно «с горя да с радости пьющих» дорогих наших сограждан, как выразился Петр. Пить — только в меру! И редко!

Когда я пятнадцать лет тому назад завязал, думал: все — проблема решена! Но палка, оказывается, с двумя концами, и мне другим концом за все про все...

Наливаю себе еще и внимательно слежу за своим состоянием. Главное — не напиваться! Потом пойду поговорю с Натшей... Потом нужно...

МАЖ. BRADFORD

1

Вам нравится то, что вы читаете? У вас лицо умного человека — такой человек читает, очевидно, что-то стоящее? Впрочем, это, конечно, всего лишь мелкая лесть. Подобного дерьма я бы и в руки не взял. Хотя, что же еще можно читать, пия коньяк...

«Фабрика грез» — это про Голливуд, что ли, так говорят? У нас здесь — тоже фабрика грез. Или, скажем так, мастерская по ремонту. Наливаешь рюмку, достаешь книжку... Если книжки нет — вот тебе телевизор. Фильм.

Сегодня неплохой фильм крутят. Это вот — Бронсон. В других фильмах он получше, но здесь тоже ничего. Драться, однако, по-настоящему не умеет. Сомневаюсь также, умеет ли стрелять. Пока он целится, я б его уж десять раз замочил.

Вы не сердитесь, что я так выражаюсь? Сам не люблю эти дурные жаргонизмы, но иногда они лучше определяют суть дела. Когда загоняешь всю обойму в мозги очередному... Как

бы его назвать? Вот видите — даже затрудняюсь... Не будешь же тогда говорить, что убил человека выстрелом в голову? Скажешь: снес крышу подонку. Неужели я ошибаюсь?

Вы больше не хотите выпить? А я — возьму. Сегодня хороший день — пока, по крайней мере. Ни единой осечки с самого утра, и ни одного действительно серьезного дела. Нет, ей-богу; не люблю серьезных занятий. Люблю телевизор поглядеть, с человеком побеседовать или с бабенкой перепихнуться, да и выпить рюмку-другую. А ломать голову, суетиться-напрягаться, считать, как говорится, копейки и минуты — не люблю. И знаете, почему? Не потому, что результата нет или, скажем, он неадекватен усилиям. В этом отношении как раз порядок. Не люблю потому, что скучно. Сам процесс скучен. Даже сильнее скажу, если только вам не отвратительны парадоксы: именно высокая результативность и делает процесс скучным. Мечтаю о неудаче — с одной стороны, мечтаю, а с другой — не могу ее себе позволить: так у меня все сложилось, что неудача для меня — вещь невозможная...

Хорошо, когда день такой, как сегодня, и можно тихо посидеть с рюмкой гнилого коньяка в этом засраном подвале с детским названием «Рюмочная». И побеседовать с вами. Вы вот хорошую, наверное, книжку читали, а я к вам со своей беседой. А вам и пересесть некуда. Терпите. Бог терпел и нам велел. То есть не Бог, а — как его? Такие вещи стал забывать. Ну да — Христос. Ну вас совсем — запутали меня, сбили с толку!

Ваше здоровье. Охотно принимаю ваши извинения. Я тоже частенько бываю невнимателен к ближнему, особенно к малознакомому. Суета, опять же, виновата и дела всякие дурацкие, якобы серьезные. Спешка и нервное напряжение. То заденешь кого-нибудь невзначай, то совсем прибьешь, просто чтобы силы сэкономить... Я шучу. Шучу...

Вам пора? Очень жаль...

Ну и дуй отсюда...

2

Я тоже вас узнал. Сегодня я сильно пьян. А у вас сегодня нет книги? Нет, я вас спрашиваю: в чем дело?! Гляди-ка — Гилмор. «Пинхлоид», как говорится. Типично совковый, между прочим... Вокально-инструментальный ан-сам-бль — влагально-менструальный... Ха-ха-ха-ха!

Опять этот свой боевик затащили. Ни играть, ни петь не могут, а вон... С такой харей разве споешь? А музыку передрали. Знаете такого: Карлос Сантана? Незабываемый чувак. А у этих — куриные мозги. Нет, я вас спрашиваю: в чем дело?! В благопристойной Британии — совок благоденствует! Ядрена шишка!

Я на днях как раз шлепнул одного такого. Ладошкой по заднице. Ха-ха-ха!

Вы меня спрашиваете: в чем дело? Ладошкой — рукой, в смысле... рукояткой. А задница у него — на месте головы, ха-ха-ха!

3

Здравствуй, если не шутишь. Ты вчера здесь был? Припоминаю... То тебя месяц не было, а то — каждый день... Слуцилось что-нибудь?

Мне тоже все осто... Устал как бугай после случки. Зачем живу: чтобы уставать?

Сейчас спать пойду. Еще сто грамм — и все. Остановка.

Два дня назад чуть не гамкнул меня один засранец. Можете себе представить? До сих пор, видите, рука плохо шевелится. Нет, он на самом деле засранец: когда я его в конце концов достал, у него были полные штаны. Ха-ха-ха, наверно, это его и погубило — центр тяжести переместился... Ха-ха-ха-ха-ха!

Давайте еще по полстакана. Нет? Не финансовые ли затруднения у молодого человека? Я всегда все знаю. Но я вам возьму порцию. На этот раз, кстати, попросим чего-нибудь получше: сей вонючий квазиконьяк — худший в мире напиток данного класса...

Вот, извольте. Это нечто болгарское. Также, конечно, не коньяк, но и не моча приговоренного мутанта.

Зоя попозже обещала пузырь венгерского вермута. Не знаю, таким образом, смогу ли я сегодня остановиться? Но нынче такой, право, славный вечерок! К тому же и последний: с завтрашнего утра у меня многодневное воздержание по поводу очередного получения работы...

Работка, правда, в этот раз нетрудная, хотя и не очень чистая. Ну да мы же не в белых, понимаете ли, одеждах. Предлагаю прямо по полному стакану!

А теперь послушайте, что я вам расскажу. Причем прошу некоторое время слушать молча — не перебивая и без вопро-

сов. Потом вопросы будут возможны — я скажу, когда. Но вначале — тссс! Налейте-ка себе еще...

Итак... Как говорится, в один непостижимо прекрасный день... Я шел по улице в отвратительном настроении после не совсем удачного осуществления одного предприятия. Мой автомобиль томился в незапланированном ремонте, вследствие чего нервы мои посредством муниципального транспорта были энергетически переполнены. Причем — и это меня бесило, можно сказать, больше всего — не было денег на извозчика. — такое со мной тоже случается, хотя и крайне редко.

И вот двигаюсь я, стало быть, в означенном состоянии вдоль по улице... Слезши с троллейбуса и имея в виду ухнуть в метро... Замечу, что последний вид коммуникаций ненавижу особенно беззаветно — за его подземность и мраморность.

Как говорится...

Завершаю на этом рекогносцировку и стремительно перехожу к сути. А суть вот в чем. Я, представьте, спорадический импотент. То есть случаются времена, когда я совершенно неспособен к соитию. Причем, что особенно прискорбно, каких бы то ни было сопутствующих этому казусу явлений не бывает... Определить, то есть способен я сейчас или не способен, я могу только уже, условно говоря, в постели. То есть, буквально: лезешь на бабу, а сам косишься себе в пах: стоит или нет...

Вот так! Теперь о другом. Есть такой тип женщин: полногрудые, ширококостные, с длинными и тонкими ногами. Чаще это брюнетки, но есть и блондинки, и вот они, скажу без стыда, для меня самый что ни на есть высший смак! То есть — это все! За такую женщину я отдам что угодно!

Итак, уже понятно, о чем я рассказываю... Отвратительное настроение на омерзительной улице и явление на той же улице женщины, о которой нет слов. Она фланировала через проезжую часть, расшвыривая бедрами автомобиля. «Жигули» и ЗИЛы робко объезжали ее оленьи ноги. Такие женщины, кстати, всегда носят короткие юбки, и эта не была исключением. Колени ее немного сходились внутрь, а выше — о, это была перспектива! Выше — зазор между ногами расширялся, расширялся... — до нескольких сантиметров! И — короткий кусок ткани, скрывающий итог этого расширения! И можно себе представить: что там!

И я представил... У меня захватило дух. Я бросился за ней, и догнал, и остановился в полуметре... Она сразу все поняла и, проехав по моему лицу полным сучьего торжества взглядом, внесла свои широкие кости в коммерческий магазин.

А я не мог туда пойти! Бог ты мой, ведь встретиться ты мне в другой день, я бы бросил под твои копыта половину этого сраного ларька! А сейчас, с одним червонцем — что мне там делать?! Стоять подобно затурканному совку и лупить zenки на эти отходы западной цивилизации?! Может, наскрести на банку пива? Я чуть было...

Но все-таки я вошел. И остановился, пихаемый безумным населением. Я смотрел на нее: как она продирается сквозь толпу, треплет свои великолепные груди о поганые тела большевистских подданных, как капельки пота выступают на ее небольшом лобике, как блядское выражение появляется в ее глазах, снедающих прилавков...

Она так ничего и не купила. Поплыла к выходу, неся на лице отпечаток прерванного оргазма, не обращая никакого внимания на то, что вот, я здесь стою и безусловно готов на все... И я в полном иступлении от происходящего достал свой шестизарядный и пару раз ковырнул из него потолок этой колониальной лавки...

Самое замечательное произошло через минуту, когда основная масса баранов уже выбежала на улицу... Несколько человек после этого остались лежать на полу магазина, в том числе и моя вождеденная! О, это была поза! Не говоря уже о том, что одна лямочка у бюстгальтера оторвалась и даже, кажется, виднелся краешек соска, — само положение тела, рук и особенно ног звало к немедленному совокуплению! Я сделал пару шагов вперед, надеясь разглядеть ее трусы и получить таким образом исчерпывающую информацию о том, чем же, бог ты мой, завершаются ее ноги, но юбка, к моему несчастью, задралась недостаточно высоко!..

А она — смотрела на меня! Она поймала мой взгляд и страстно всасывала его в себя... Вы не замечали, что женский глаз напоминает, простите, п... — там даже есть свой клитор?! Так вот, обеими своими... этими — она принимала меня, влвигала в себя, сжимала веками и не хотела отпускать...

Но я знал, что мне теперь нужно поскорее... Пришлось вырваться из нее и быстро сделать ноги. Вот такая история... Вы торопитесь?

Привет. Благодарю, я сегодня — только кофе. Тяжелая но-ченька предстоит...

Рассказать анекдот? Встречает тигр крокодила и гово-рит: «Ты зачем моего тигренка с берега утащил? Мы же до-говорились, что ты моих тигрят не трогаешь, а я — твои яйца не ем!» А крокодил отвечает: «А ты мои яйца все равно есть не станешь...»

Не понял, что ли? Пить надо меньше! Слушай еще... При-ходит один мужик в наркодиспансер и говорит: «Снимите меня с учета — я пить бросил». Врач ему отвечает: «В стране зарегистрировано пятнадцать миллионов алкоголиков. Ты ду-маешь, что ты лучше всех?» А мужик и говорит: «Нет, я про-сто пить бросил».

Теперь смешно? Ну вот, а ты грустил! Ладно, налей грам-мулечку — у тебя там водка? Водки — выпью...

Посмотри на мою рожу. Как думаешь, сколько мне лет? Тридцать пять... Подходит однажды ко мне какой-то мудака... Было это лет десять назад. Говорит, мол, так и так, надо убрать одного козла. Ну, я его послал, сажу дальше, винцо посасываю. Подваливают еще двое. Либо, говорят, пара штук у тебя в кармане, а у нас борода этого козла, либо тебя едят коровы, поскольку мы уже засветились. Что, спрашиваю, за козел такой вредоносный? Оказалось, начальник какой-то партийный им задолжал, и сам же их закласть собрался. Ну, я коммунистов с детства не люблю. Согласился. Все сделал как надо: придушил его, подвесил, инсценировал са-моубийство, получил бабки. Через месяц приходит еще один. Тут я даже не сопротивлялся — сразу согласился. Оказа-лось — надо мента. С ним были сложности: ногу мне про-стрелил, сука! Но далеко не убежал. Я после этого себе ре-вольвер прикупил.

Жизнь пошла почти веселая. Каждый месяц — два-три заказа, я уж и горя не ведал. Хотя и не расслаблялся: меня весь город знал, так что бдительность нельзя было терять. А через полгода мне пришло в голову, что я занимаюсь чем-то не тем. Надоело, проще говоря. Всех ведь мудаков не пере-бьешь, да и то сказать: заказчики мои — не лучше...

И начал я понемногу сачковать, не на все соглашался, а потом и вовсе в самодеятельность пустился. Кое-чем хрено-вым мне это вылезло, но зато и приятнее стало... Пить, в частности, меньше хотелось, а то уже и опасным питье это

становилось, а мне и так риска хватало. Когда, знаешь ли, в жизни не рискуешь, то пить — дело оправданное: нужно же периодически ощущать неустойчивость... В переносном, хе-хе, смысле.. Зыбкость, я хочу сказать, бытия... А у меня этого и так было достаточно.

5

Позже я узнал, что это была всего лишь попытка ограбления, причем случайная. А тогда я был убежден, что мне мстили и что я, следовательно, виновен в гибели моего малыша и жены... Их убили зверски: жену всю изрезали, а мальчик лежал на полу со сломанной шеей — наступили ногой. Ему было полгода...

Предположив месть, я, естественно, уже решил — чья, и довольно быстро составил план действий. Я находился в странном состоянии: не было никаких эмоций. Я не злился, не плакал, не боялся, не смеялся. Все пропало в тот момент, когда раздавленный малыш... И это мне поначалу, можно сказать, помогло.

Я легко убил первого, затем второго. С третьим вышла некоторая возня, потому что он оказался с женщиной, а я считал, что должен действовать четко и целесообразно. Потом выяснилось, что женщина эта смерть вполне заслужила, так что получилось все чисто.

Хуже произошло с четвертым. Он почему-то не умер. Попал в больницу, а когда я туда пришел, то добить его не смог. Он и сейчас жив.

После этого я кончил еще двоих и завязал. Точнее, потом еще одного убил, но как бы случайно: неожиданно встретились. Еду, вижу — он на обочине стоит, из канистры в бак переливает. Я подошел — спичку бросил. Судьба...

Через какое-то время, когда мне стало уже ясно, что к смерти жены и сына те люди не причастны, я, конечно, себя ругал... Но не очень сильно. Более того, я ведь узнал, кто настоящие убийцы... И не тронул их. И дело не в том, что может быть, прошло уже много времени, и злость, боль во мне затихли, или я насытился, или... устал. Дело и не в том, что те, кого я по ошибке отправил... были, очевидно, даже подлее... Дело, скорее... Я, короче, не знаю, в чем дело!

Несколько раз я сам с собой объяснялся по этому поводу. Иногда вроде бы вопрос казался исчерпанным. Но потом он вставал снова, и объяснения возобновлялись...

Во мне, ей-богу, не было ни жалости к убитым мною, ни ненависти к оставшимся в живых. И — это больше всего меня удивляло, я не чувствовал никакой вины перед сыном и женой! А ведь хотя те козлы вломились на дачу случайно, сама-то дача вовсе не была случайной, да и мой недосмотр все-таки был: в отношении мер предосторожности!..

Нет, ты пойми, ведь я же их любил, мне было страшно жалко их, но я совершенно не чувствовал себя ни в чем виноватым!

Как будто бы их и не убили зверски, а просто, скажем, жена ушла от меня с ребенком к другому мужику... Иногда я, кажется, даже ловил себя на чем-то вроде обиды...

6

Привет алкоголикам! Шучу...

Устал до мозга костей: видишь — руки дрожат... Нальешь стакашек? Погоди, не гони — позволь сказать фразу!..

ТЬфу, б...! Дай человеку отдохнуть! Ну п... я тебе: никого я и никогда не убивал! Все?!

Это что там у тебя? Три семерки, е-мое! Ты что, лей скорей! Эх, нае...ся! Три недели, б..., посуху хожу! Как раз! Сейчас к Зойке метнемся — она раскрутит по полной схеме! Не ссы! Бабки на бочку — и порядок!

Смотри у меня, чтоб без всякой х...!

Майор Брэдфорд хоть и мирный человек, но нервировать его не стоит! Как, бишь, это по-русски: «Не тронь говно — оно не завоняет!»

Ха-ха-ха-ха-ха!

Ты меня за руку не дергай, пидор, у меня руки — в крови...

Юрий ЦЫГАНОВ

БОРЫ

(глава из романа-пьесы)

М-да... Да уж... Так-то вот. Поди ж ты!

Ничего не скажешь, отоварился по всем статьям. Сейчас, сейчас, минуточку, в зеркало только гляну и расскажу все по порядку.

Ой-ей-ей... Где-то я вас встречал, молодой человек... Ну, как же, как же, точно. Рожа, как у Малинки после битвы с Колей Глазом. Только что «оливье» на ней нет.

Били меня долго, нудно и непрофессионально. Я, разумеется, не отвечал. Зато крутился и перемещался, как черт. Сберегал себя для этой главы. Жаль, что мелькать не выучился, как Маузер, а то бы я им показал революционную ситуацию.

Теперь объяснюсь. Что такое и почему «Морковка». Все очень просто. Когда-то на Трубной улице был магазин «Овощи — фрукты». И среди прочих полезных продуктов продавалась там морковка. Потом чью-то светлую голову осенила счастливая мысль: переименовать «Фрукты — овощи» в «Вина — соки», а морковку заменить горячо любимой всеми водкой. Ну, а поскольку память народная жива и никакие переименования ей не помеха, то и по сей день скучные «Вина — соки» именуется лирически нежно «Морковка».

Теперь, за что меня били. Ну за что могут бить в этой заколдованной и напуганной стране нашего брата писателя? Конечно за правду.

Я так и сказал ему: э, мужик, ты тут не стоял в натуре! И это была сущая правда. И что же ответил мне этот хам? Этот разбойник, потерявший всякую совесть и честь? Он мне ответил бесцветным рыбьим взглядом, жарким спиртовым выдохом и угрозами. А словами, в переводе на литературный язык, он выразился так:

— Выступаешь, говно такое, смотри у меня!

Вы думаете, я ничего не понял? Вы думаете, я так наивен, что не поверил ему? Как бы не так! Я поверил ему, как отцу родному. Даже больше, как матери.

Однако стоял на своем. Почему? Да потому что, если не я, то кто же? Кто, как не российский писатель, в столь судьбоносный для страны час, восстанет из пепла, сверкнет лучом света в темном царстве и скажет всем этим фокусникам да прохвостам громогласное и свободное НЕТ. Поэтому я сказал: мужик, в натуре, ты здесь не стоял. И выдворил его из нашего коллектива.

Бить меня стали сразу. Мужик с рыбьими глазами, потом такой маленький в прыщах и квадратный в телогрейке. Я подумал: почему только трое, а не все? И зря так подумал.

Когда я вырвался из «Морковки» на свободу, их стало гораздо больше. Вдоль всей очереди, тянувшейся по «Трубе» до дома Политпросвещения, стояли бойцы. Что они тут делали? Занимались делом: продавали купленную в «Морковке» водку по коммерческим ценам. Когда они увидели меня, ужасно обрадовались. Прямо засветились счастьем, замахали руками: давай к нам, родной! Но я не поддался на провокацию и побежал в противоположную сторону, к Садовому кольцу. Вернее, хотел бежать, потому что бежать, собственно, было некуда. Путь мне преградил котлован, залитый водой. Мне бы нырнуть да перебраться вплавь на тот берег, но — каюсь — сплеховал. Не хватило мужества в решительную минуту. Опять разворот. И куда прикажете бежать? До улицы Хмелева метров сто, но на пути к ней боевые порядки. И все руками машут, всем хочется опрокинуть правоборца. В Большой Головин переулок? Так там вообще римский амфитеатр, эпохи гладиаторов. Все крови жаждут, пальцы вниз опустили.

И пока я так метался в выборе пути, меня настигли. Малый в телогрейке, квадратный в прыщах и хам с мутными глазами. Да еще два ублюдка из добровольцев. И принялись меня мудохать. И все бы хорошо, да не попадают. То есть бьют со всей силы, а попасть не могут. А это же форменный кошмар. Эдак себя до зверства довести можно.

А я опять от них — нырь — и ушел. И бегу что есть силы, куда меня ноги несут. А они меня зигзагообразно несут через все их редуты и боевые построения. Недолго несли, шагов десять. Подсекли меня на очередном вираже. И мутный в прыщах с квадратной мордой первый летит: «Дай я!» Дали. Он и вlepил ногой по зубам. Кровь пошла. Бойцам вроде

легче стало. Однако мало. Опять бьют и опять не попадают. Потому что я всю свою, данную природой, изворотливость в дело употребил. На все сто процентов. Кручусь и перемещаюсь, как падла. Все мысли, как главу номер три от варваров убереечь, как будущее литературы отстоять для потомков.

А что же народ? Тот, которому я посвятил души прекрасные порывы? Народ, как и положено, скорбел. И заповедь Христову выполнял свято: мужественно не противлялся злу. А один герой, пожелавший остаться неизвестным, не побоялся и крикнул псам: «Что же это вы делаете, а?» Я ему безмерно благодарен и посвящаю главу № 3 от корки до корки.

Была ли кульминация в «драме у Морковки» (назовем ее так)? Была. Да еще какая.

Когда малый с квадратными глазами, мутный с синюшным отливом, два добровольца из ублюдков и четыре малолетки решили кончать со мной и потащили в ближайшую подворотню, подальше от мужественных взглядов моего народа, я понял: главе № 3 конец, а мне вечная слава. Тогда я сделал рывок, назвать который можно беспримерным. Или не знающим аналогов. Я сделал беспримерный рывок, оставив куртку синюшному в прыщах, а половину рубашки малолеткам, и полетел к своему народу. Но не долетел. Меня сбили влет, как голубя мира — ястребы из военно-промышленного комплекса. Я рухнул к ногам вечно скорбящих. Разорванная рубашка, как сломанное крыло, свисала со спины немym укором.

Я решил, что в моем положении лучше откинуться и застыть. Казаться мертвым — надежное средство от побоев. Ястребы еще кружили надо мной. Народ задыхался от скорби и читл божьи заповеди. Его немота действовала отрезвляюще. Ястребы успокоились и занялись коммерцией. Великий народ, когда он един, может все. Я лежал и любил его. И смысл жизни небольшими порциями проникал ко мне в душу.

Вы думаете, я не взял водки? Как бы не так! Ястребы настолько присмирели, что вернули мне куртку, половину рубахи и продали водки по коммерческой цене без ограничения.

Жизнь продолжается! Я хочу выпить за ее непредсказуемость.

И пусть две половинки моих шикарных передних зубов остались на Трубной улице, пусть под моим левым глазом черный, с кровавым отливом синяк, пусть рубашка моя изорвана, а куртка со следами ярости безумца с мутным отливом валяется в углу, пусть... Но я все-таки сберег себя для главы номер три и в душу мою, тронутую неверием, пробилась живительные ростки смысла.

Так я пью за тебя, Жизнь! Я наклюкаюсь сегодня до потери пульса и пусть кто-нибудь только скажет, что я не прав.

.....

— Ну что ж, приступим, — сказал я, просыпаясь. И подумал: Труд облагородит меня, придаст силы для дальнейшей борьбы за сосуществование, а также даст покой, забытьё и зализжет раны.

Три с половиной бутылки из пяти стояли передо мной, как солдаты, готовые умереть за правое дело в неравном бою. Они смотрели на своего главнокомандующего преданно и прямо. Я уважал этих храбрых ребят. Я был горд за них.

Итак, в бой, мой славный взвод! Нас мало, но пусть боятся они, а не мы. Мы еще им покажем, перед тем как отлетят наши души. Мы им покажем, как умирают настоящие мужчины.

В атаку. Вперед!

* * *

... по спине пробежал неприятный холодок — толчок в затылок и — мощная энергетическая волна разрядилась в голове Козлодоева. Козлодоев охнул и проснулся.

Стоп. Забыл самое главное. Этой главе предшествует эпиграф. И еще: глава настолько фантастична, фантазмагорична, кошмарна и абсурдна, что подходить к ней без бутылки — все равно что закусывать, не выпивая.

Итак, пейте и слушайте. Чем больше выпьете, тем понятней и достоверней покажется вам ее содержание. С Богом, друзья.

А теперь обещанный эпитафия:

Сползает по крыше старик Козлодоев
Пронырливый, как коростель.
Стремится в окошко залезть Козлодоев
К какой-нибудь бабе в постель.

.....
А ныне, а ныне попрятались суки
В окошки отдельных квартир.
Ползет Козлодоев, мокры его брюки,
Он стар, он желает в сортир.

Народная песня
(авт. Б. Гребенщиков)

... по спине пробежал неприятный холодок — толчок в затылок и — мощная энергетическая волна разрядилась в голове Козлодоева. Козлодоев охнул и проснулся.

Он знал по опыту: если сразу не встать, разряд повторится. Козлодоев встал. Электронный суфлер зашуршал в уши: — Соблюдайте спокойствие и солидность. Ваш доклад. Да очнитесь же, Козлодоев! Ваш доклад.

Козлодоев знал, как быть солидным. Он раздул щеки, выкатил глаза и издал угрожающе-надменное пфыф-ф-ф...

Дальнейшее предприятие было сложнее. Нужно было дойти до трибуны. Идти долго, одному, в бесконечно огромном, ослепительном зале, под овации и грохот ликующих сограждан.

Электронный суфлер, теряя терпение, терзал его уши: «Ну же, голубчик, смелее... пошел, мать твою, ну!»

Козлодоев слегка подался вперед, качнулся, хватил ртом горячего воздуха и пошел, как канатоходец, боясь посмотреть вниз.

Зал взорвался, взвыл, закипел многотысячной пеной голов. Ур-ра Козлодоеву! Даздрррра... Поднялось человечье море многоярусными волнами.

Козлодоев приостановился, приподнял растопыренную паятерню и сделал ручкой в бушующий зал. Сладкая мысль капелькой зависла в его голове. Старик сегодня похвалит его и даст что-нибудь вкусненькое на ужин.

Но он поспешил радоваться. Просто дойти — это слишком немного для поощрения. Впереди ждало испытание посерьезней. Впереди его ждал электрический стул, камера пыток распахнула свои двери, ощерившись зловещими инструментами. Впереди его ждал доклад. И его нужно прочесть.

Читать Козлодоев умел. А когда-то... (собственно говоря, когда это было? и с ним ли?) когда-то, говорят, он читал превосходно. Читал воодушевленно, много, годами напролет. Кто-то где-то что-то писал, давал ему в руки, а он читал, читал, черт знает как красиво, как поэт, как великий артист, любуясь музыкой звуков и откинув кудрю со лба.

Теперь же... о! теперь же... Он жалок и немощен. Ему хочется спать. Ему хочется плакать... тихохонько в полумраке и тишине своей спальни. Ему хочется чего-нибудь тепленького и сладенького вовнутрь. И все! Больше ему не хочется ни-че-го. Но Старик! Этот проклятый, гадкий Старик разбудил его сегодня утром и дал текст доклада. И посмотрел... п-фффы-ф... как же он посмотрел! Вредный, вредный Старик, злой, гадкий, противный.

Старика звали Бесс. Товарищ Бесс. И был он Особый Секретарь при Козлодоеве. Но беднягу приводило в трепет это жуткое имя и он про себя называл его просто Старик.

Козлодоев опустился в электронное шарнирное кресло дистанционного управления, установленное в трибуне, и жадно отпил из стакана специально приготовленный для него раствор. Сердце мгновенно успокоилось, в мозгу прояснилось и по всему телу пробежал приятный бодрящий озноб.

Козлодоев посмотрел в зал осмысленно. Догадался, где он и что происходит.

Шел юбилейный пятидесятый съезд их партии. Партия теперь называлась так: Партия Генеральной Линии и Полнейшего Процветания. ПГЛПП. А он Генеральный Кормчий этой ПэГээЛПеПе.

Козлодоев взял в руки текст доклада. Зал заурчал, задохнулся, зажал себе рот и затих. Чувство долга возобладало над эмоциями.

Чувство долга было основным у сидящих в этом зале. Оно так было развито, что не только подавило все оставшееся, но сумело активно вмешаться в физиологию и анатомию этих людей. Это было доселе невиданное, массовое вмешательство и, очевидно, единственное за всю предыдущую историю всех государств и народов.

Оно так распирало их неподготовленные к этому тела, что тела стали видоизменяться и эволюционировать.

А чувство долга все росло и росло. И однажды разрослось до того, что, потеснив все остальные, задело ненароком иммунную систему. Вследствие этого тела стали бескон-

трольно ползеть и как бы расползаться, подбородки непомерно увеличиваться, а лбы, соответственно, уменьшаться. Стали вдруг расти лишние зубы, естественно, удлиняя челюсти.

Движения, потеряв координацию, стали неловкими и как бы все время хватающими. И пальцы на руках стали тоже как бы хватающие. А глаза, как бы не видящие этого. И от постоянного такого не-видения развилось повсеместное косо-глазие.

Этим страдали как высший эшелон партии, так и все рядовые члены.

Козлодоев заглянул в текст доклада и замер. К этому тексту у него сразу сложилось двойное отношение. С одной стороны, он ему понравился. На глянцевой поверхности белоснежной бумаги красовалось много знакомых букв и это было отрадно. С другой стороны, он нашел несколько незнакомых букв и это его сбilo с толку. Но главное — и это привело его в трепет — он обнаружил два знака совершенно непонятного происхождения. Один знак был похож на паука и выглядел так: Ж; другой — на очковую змею, и вид его был ужасен: %. Чьи это проделки — он догадался сразу. Конечно же, Старик подпустил сюда эту гадость, чтобы напугать его, запутать, а потом устроить выволочку. Вредный, гадкий, подлый Старик.

Козлодоев повертел в руках текст и положил его обратно. В зале стояла гробовая тишина. Ему вдруг представилось, что никого нет, что он один-одиошенек и нечего ему тут торчать, а нужно слезть с кресла, незаметно подобраться к боковому выходу и смыться.

И тут же (будто читая его мысли) в ушах затрещал электронный суфлер:

— Что, Козлодоев... — (бедняга вздрогнул и с перепугу сделал два больших глотка живительного раствора, что безусловно — перебор). — Что? будем мечтать или все-таки займемся делом?

Козлодоев покорно закивал, мол, какие вопросы, конечно же займемся делом.

— Слушай и повторяй: Дорогие товарищи пэгээлпэписты!

Козлодоев и сам знал, что говорить:

— Дорогие тур-дяшшиесе!

— В ознаменование 125-й годовщины коммунистического учения великого Маузера разрешите открыть наш юбилейный пятидесятый съезд!

— У связи (125 Козлодоев показал на пальцах. Сначала один палец, потом два, потом выставил пятерню и подмигнул) ... ксисько ого у чения Мао зэра сшите ткрыть наш у билейный (опять пятерня и подмигивание) сход! — сказал Козлодоев и нажал на кнопку «аплодисменты», и следом на «аплодисменты, переходящие в овацию». (Чрезмерная доза живительного раствора сделала свое дело.)

Зал взорвался и загромыхал. Чувство долга перехлестнуло через край и закипело.

Козлодоев оглянулся на Президиум, хитро улыбаясь, мол, как он смешно придумал, взял, да и нажал на две кнопки разом. Кхи-ии...

Но товарищ Бесс не оценил юмора. В затылок шутнику полетел мощный энергетический разряд. И следом электронный суфлер проскрипел назидательно:

— Слушай, придурок, перестань паясничать и пороть отсебятину. Еще вылезешь с подобными штучками, получишь тройную порцию по мозгам.

Вот так.

Жизнь у Козлодоева, прямо скажем, была невеселая. Черт знает, на что похожа была его жизнь. По традиции, заведенной у них, окружали верховную Власть жулики и проходимцы. И первым среди них был товарищ Бесс. Хотя, если быть точным, он и был той самой верховной Властью, хранителем традиций, блюстителем законов, завещанных отцами, и идейным вдохновителем всех крупномасштабных Дел.

А Дела в той республике свободной делались только крупномасштабные. Так было принято.

Вторым жуликоватым лицом был Жора Черновой — Секретарь по Особым Поручениям, приставленный к Козлодоеву лично товарищем Бессом. Собственно сам Жора ничего стоящего собой не представлял. Обыкновенный наперсточник, каких тысячи, раскиданных по бескрайним просторам и темным закоулкам той огромной страны.

Но сыграла Судьба с ним в Игру, а он возьми и выиграй.

Повстречал он однажды на извилистой дорожке своей толстозадую Сару и пронзила его догадка судьбоносной значимости: с Сарой я кум королю, без нее — пыль дорожная.

А стареющая Сара была щепетильна и вьедлива в этих делах. Ей любовь нужна была пылкая, а страсть зверская, иначе она не согласна. Смотри, Суслик, надуешь, до конца дней своих рвать тебя на части буду и по куску на тот свет отправлять. Я тебе не девочка, чтобы со мной шутки шутить.

И то была горькая правда. Четверть века прошло с тех пор, как глупой пташкой попала она в лапы к Малинке. Иссошил и истоптал ее душу беспределов сатрап. Но и она многому научилась в той безжалостной школе. Вынесла она оттуда мудрость змеи, волчий оскал да хватку железную. И всё-то она поимела через ту школу в жизни своей. Первой дамой стала при Дворе. Сам Бесс ее уважал и советовался в крупных Делах.

Но терзал ее душу огонь желаний невыраженный, мука невысказанная. Недолюбила Сара в молодые годы свои. А уж как хотелось любви, как хотелось...

— Да не тем мои ласки девичьи достались! — открывала она свое израненное сердце заскучившему Жорику. — Чьей только любовницей не была, господи, под кого меня только не подкладывали... У, кобелиное племя!

— Молчи, Суслик, молчи... У Сары радость великая. Услышал Господь молитвы мои, сошлись пути-дороженьки наши. Но только смотри у меня... Страшна я во гневе. Любить, так любить, как в песнях поют, всего себя до копеечки, чтоб ничего за душой, никаких помышлений...

— Мой ты, мой! А уж Сара тебя в обиду не даст, в нужном направлении выведет. Пройдешься ты еще гоголем по дорожкам дворцовым, в лимузине черном прокотишься... Люби меня только, люби, мой бриллиантовый!

И зажил Жорик сладко и весело. Быстро сообразил: что к чему. Кому надо подморгнет, где надо прикинется, а сам ходит-улыбается, да никак в толк не возьмет, что за метаморфоза с ним приключилась.

Только скучно стало без дела. Да и Сара — старая змея, знает — без дела мужику маята. И решили они в камушки поиграть, да золотишком побаловаться, в мировой бизнес свою лепту внести.

И то — думает Сара — не век же мне в этой дыре прозябать. Махнем с Сусликом в Калифорнию... А то еще, говорят, на Канарских островах хорошо. Уж кто-кто, а я заслужила лазурное море с золотым песочком.

Ну и потащились во дворец толпы разного жулья с помятыми мордами и потными пальцами. Ни днем, ни ночью от них покоя нет.

Барабанит какой-нибудь хлюст среди ночи в драповом пальто, из-под шляпы немые патлы свисают. Дворецкий открывает: «Вам кого, товарищ?»

— Слышь, папаша, Жорика позови, дело, скажи, есть на мулион.

— Совсем охренел, парень, вместе со своим Жориком? Это тебе что, общага? Здесь государственные мужья отдыхают, думу за всю страну думают. Ну-ка, канай отсель, пока в КэБу не сдал!

— Ой, папаша, ты что, не здешний? Я ж Гриша Пфенинг, секретный сотрудник и КэБэ и ГээЛ. Вот осерчаю, да закаю тебя в асфальт. Ладно, не бойсь, я взрывной, но отходчивый. На тебе чернявенькую, и больше не груби.

А Жорик и сам тут как тут. Из-под дворцекого вынырнул, как есть, в халате и тапках, даже пальто не набросил.

— Где тебя мотает, Григорий, Сара извелась вся.

— Тык где... подгуляли мал-мал. Сам знаешь.

— Товар принес?

— Не-а.

— То есть?

— А шеф говорит, с тобой мультён терзаний. Ты еще за то недодал, и вообще, на хрена козе баян?

— В смысле?

— Непонятно? Я сам сначала не понял. Шеф долго ругался, все ГЛПеПе поливал, а под конец сказал, что чернявенькие ему ни к чему, пусть, мол, ими подотрутся и еще кой-чего добавил. А если тебе товар нужен, тащи вашингтоны. Ни на что другое он не согласный.

— А больше твой шеф ничего не сказал?

— Сказал. Если будешь брыкаться и показывать фокусы, то он тебе не советует, потому что он всех вас видел... и вот так показал.

— Так и показал?

— Да. И сказал, что если надо, он купит и тебя, и Сару, и ГЛПеПе полным составом, и дворец с дворцеком и дворцовой площадью.

— Так и сказал?

— Так и сказал.

— Ну, а ты что?

— А я — Гриша Пфенинг. Человек маленький, но пронырливый. Мне сказали — я передал. У кого бабки ломовые, тот и заказывает музыку.

— А с властями мы уже не дружим?

— Я этого не сказал. Мой шеф сам за себя, а мы сами за себя. На западный манер. И если у них крыша съехала,

то нам это смешно до слез. А власть, она понятис вечное. От нее одна польза, особенно, когда со смазкой.

— Сколько?

— Я человек маленький, мне и чернявчики сойдут. На керосин хватит — и ладошки, на большее не претендуем.

— Сколько?

— Восемьсот пятьдесят.

— Пятьсот и проездной билет на квартал.

— Семьсот пятьдесят, и я весь ваш со всем внутренним содержанием и подкоркой головного мозга.

* * *

Сара рвала и метала.

Рвала волосы на голове Суслика и метала разные мелкие предметы в него же.

— Ты не мужик, Суслик, ты размазня, кисель и баба; ты жлоб и проходимец! Где Зуб Вельзевула?! Где, где, я тебя спрашиваю!

(Справка, полученная от 2.12.90 г. из справочника Всемирной Лаборатории цветных металлов и драгоценных камней при Международной Академии естественных наук. Город Пенсильвания, штат Американа:

Зуб Вельзевула (рейтинг 2114) — второй по величине бриллиант. 248 карат после огранки. Первый, как известно, *Слеза Пенелопы* — 250 карат. Первое упоминание обнаружено в древнеаравийских берестяных летописях, примерно 833 г. до н. э. Это поистине самый кровавый камень за всю историю человечества. Убито 23 тыс. 865 человек (из них 53 царских и великокняжеских фамилий). Ранено и покалечено бесчисленное множество люда.)

— Будет Зуб, клянусь Козлодоевым!

— Будет?! Да он уже месяц, как должен быть у меня! Сколько он за него просит?

— Единичку.

— И ты пожалел для своей Сары вшивый миллион?

— Не вшивый. Он просит вашингтонами.

— Да ему цены нет! Равно, как и мне... И ты для нас пожалел миллион долларов? Не-е-ет, ты не мужик, Суслик, ты пошляк. Жалкий зануда и пошляк.

— Да где я наберу столько валюты?

— На рестораны у тебя есть, на рыбалку с Козлодоевым ты находишь... а я... в кой веки раз! попросила об одолжении...

— Не болтай чепухи, Сара! Рыбалка, рестораны; ты еще загранку сюда приплети... Это моя работа. Да, моя дорогая, и тебе это хорошо известно.

— Ну, миленький, ты совершенно несносен... Ну неужели твоя Сара должна тебя учить очевидному? Купи, мой хороший, эти поганые вашингтоны!

— Купить!? Да ты хоть знаешь, сколько они теперь стоят?

— Пять чернявеньких, моя радость, не такие уж деньги...

— Ха-ха! Пять чернявеньких! Да ты когда последний раз на рынке была? В пятнадцатом годе?

— Негодяй! Подонок! Ты смеешь напоминать мне о моем возрасте?!

— Прости, дорогая... Я хотел сказать, что цены выросли беспредельно. Теперь за одного вашингтона восемнадцать наших дают.

— Что ты говоришь?! Это неслыханная наглость... Куда контора смотрит?!

— Ой, Сара, не надо. Она смотрит туда же, куда и мы. Все куплено, дорогая, не мне тебе говорить. Поэтому и обнаглел Сопатый. Поэтому и рвет с меня последнее. А откуда у меня столько денег? И все я, все с Жорика тянут! Покрышки у Козлодоева облысели, Жорик достань; ночью за водкой бежать — опять Жорик. До смешного доходит! Вчера в ресторан пошли с Козлодоевым... чмокал, чмокал (я тебе скажу: жрет этот прикинутый за троих). Ну, хватит, говорю, поехали. — А дэсэрт? — Какой тебе еще десерт? — Вон тот пэрсик хочу. — Я вначале не понял, какой такой персик. Оказывается, девочку ему захотелось. — Я ишшо ничего, мушшина видный! — А сам раствор свой втихоря из мензурки отхлебывает. И так, знаешь, развонялся, пришлось взять ему персик. Не знаю, что уж он там с ней делал, однако выходит от него эта молодая засранка и говорит: пятьсот. — Может, тебе еще кусок отвалить? — Нет, говорит пятьсот. Так твой хозяин сказал. — Но помилуй, лапочка, за что такие бабки? — За моральную травму. — Вот так! И опять за все Жорик платит. И за ресторан и за моральные травмы.

— Суслик, а ты займи денюжку...

— Кто ж мне столько даст?

— В Министерстве Культуры. У них много, я знаю. Они недавно Васю Кандинского втихоря толкнули. Возьми у них. Они все замазаны, дадут. Ты им про Васю намекни только и они сами предложат.

— Нет, Сара, я решил по-другому. Я Сопатого крутить буду. Он меня за живое задел.

— Не связывайся с ним, Суслик. Поверь мне, я виды видала. Он парень хваткий и тебя съест, и меня попачкает. И камушек навеки от нас уплывет. Давай, золотко мое, помирному. Помирному оно завсегда лучше. Сара много жила, знает. Иди, иди, милый в министерство. Там люди умные, войдут в положение. Иди, мой красавец. А я прилягу. Устала я нынче. Совсем ты Сару свою не жалеешь...

* * *

Итак, друзья мои, пришло время приоткрыть занавес. Я надеюсь, вы последовали моему совету и нагрузились — как говорили в старину древние выпивохи — зело изрядно. До понимания происходящего на этих страницах? Если нет, то торопитесь. Сейчас начнется самое увлекательное. Я поведу вас скрытой тропой в святая святых — *в их темное прошлое*. Вы станете свидетелями заговора. Но — тс-с-с... Ни слова более. Как сказал кто-то из классиков: конспирация и еще раз конспирация. А уж классик в этих делах понимал толк.

Итак, на посошок, и в путь!

Мой взвод поредел. Мы потеряли самого храброго товарища в последнем бою. Оставшиеся в живых сплотились вокруг главнокомандующего и присягнули на верность. Мы поклялись отомстить за него или погибнуть. Вечная слава отважному воину и верному другу!

— Что это такое? — спросите вы, перевернув страницу. Это опера. И ее написал я.

Памятуя о конспирации, мой творческий дух преобразился и заговорил высоким штилем трагедии. Музыка и либретто навеяны днями минувшими, но кто знает, кто знает... не актуально ли она прозвучит и в наши тревожные дни.

Опера...

Играется на малой сцене. Можно в подвале, на чердаке, на конспиративной квартире. Можно в глухом лесу. Но категорически без зрителей. Исключаются всякие посторонние, как на сцене, так и вне ее. Только проверенные товарищи.

События и факты, развернутые в опере, а также основные направления мысли действующих лиц изложены достоверно и правдиво. Залогом служит моя безупречная репутация.

А впрочем, судите сами.

ЗОЛОТОЙ КОЗЕЛ

опера

Действующие лица:

<i>Бесс Егор Ильич</i> , он же <i>Старик</i> (баритон)	— Особый Секретарь.
<i>Вилкин Василий Лукич</i> , он же <i>Козлодоев</i> (меццо-сопрано)	— Секретарь ПГЛПП
<i>Сара</i> (глубокое контральто)	— Фаворитка.
<i>Жора Черновой</i> , он же <i>Суслик</i> (пронзительный дискант)	— Секр. по Особым Поруч., он же первый любовник.
<i>Чпок</i> (тенор-кастрат)	— Председатель КБ (контора им. Беспредела).
<i>Севастьян</i> (бас)	— Главнокомандующий Всех Войск.
<i>Санек</i> (фальцет)	— Нач. ВОХР. Секретный сотрудник КБ, майор.
<i>Сильвстр</i> (драматический тенор)	— Министр Внешних Сношений.
<i>Изот. Раф. Скоч. Бахор. Ульянов. Соболят.</i>	— Правое крыло
<i>Антон. Адвокат. Плут</i> (хор)	Бюро ПГЛПП.

Действие 1

(заговор)

Шел седьмой год правления Кочета. Его сила и мужество с годами угасали. Энергичные действия по реконструкции государства увязли в интригах и междоусобных войнах правого и левого крыла ПГЛПП. Тень Беспредела наполнила на его правление. Беспомощность и неуверенность стали раздражать всех. Правые готовили переворот.

Вступление

- Хор* — Историческая необходимость
Позвала нас на штурм роковой.
Идеалы разбиты, но мы их
Восстановим железной рукой.
- Мы оказались не у дел.
Веди нас в бой, товарищ Беспредел!
- Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.
Нам не указ ни черт, ни царь, ни бог.
Ты, Кочет, мертв. Ты скоро станешь пылью.
Отряхнем его прах с наших ног.
- Мы оказались не у дел.
Веди нас в бой, товарищ Беспредел!
- Кипучая, могучая, наша ярость единая,
Плечом к плечу, ноздря в ноздю —
пусть мы погибнем в том бою.
Но мы непобедимые!
- Мы оказались не у дел.
Веди нас в бой, товарищ Беспредел!
- Бесс* — Все в сборе? Или как? Быть может,
Кого-то нет?
- Жора
Черновой* — Все в сборе, шеф. Проверить лишь охрану
нам осталось.
- Санек* — Уже проверено. Все на местах.
- Севастьян* — Блокированы все пути к столице,
И танки уж моторами гудят,
и выданы патроны боевые.
Ждут моего сигнала...
- Бесс* — Хорошо.
Вы славный полководец, маршал,
и верность идеалам нашим
я вам зачту...

Севастьян — Но я не маршал...

Бесс — Как? Еще не маршал?
Но это дело поправимо, генерал.
Осталось малость, сколупнуть козьявку,
ничтожество бездарное, блоха!

Хор — Блоха? Ха-ха! Ха-ха,
ох, ха-ха-ха-ха-ха!

Бесс — Есть мнение начать собрание.
Пусть выступят желающие все
товарищи. Повестка дня:
Убить иль не убить?
Вот в чем вопрос насущный!

Сара — Достоин смерти этот негодяй!
Он на Отца родного руку поднял!

Вилкин — На папу руку поднял негодяй...

Сара — Достоин самой лютой смерти ирод.
На дыбу вздернуть, на кол посадить..
А под ногами мы костер разложим.
Железом, раскаленным добела,
его пытать мы будем и иголки
под ногти я сама ему воткну!

Вилкин — И я воткну иголку, если можно...

Бесс — Конечно, можно... Только что
Контора Беспредела скажет
на это предложение? Чпок,
вам слово, генерал; надеюсь,
вам три минуты хватит для доклада?

Чпок — Не хватит мне и тридцати часов,
чтоб выразить всю ненависть свою
к отцеубийце,
достойному гнить заживо в подвале!
Там крысы, крысы будут его рвать
и норы в его теле прогрызать.
Но это тоже мало, мало, мало!!
Одна мечта, что этого шакала
сто лет подряд я буду убивать!

Бесс — Мысль интересная. Однако нам торопиться следует, друзья. Поэтому, при всем к вам уваженьи, я вынужден прервать вас, генерал, и слово предоставить для доклада товарищу Сильвестру. Очень важно нам знать теперь, что скажет заграница. Какие настроения умов За океаном?

Сильвестр — Настроенья плохи. Акула пастью щелкает и ждет сигнала толстосумов. Только свистнут — она все связи перекусит враз. Зерна нам не дадут, консервов тоже и лес у нас не станут покупать. А пресса желтая поднимет вой всемирный, и злопыхать начнет, и клеветать, и могут даже выгнать из ООН! И с заграницей прекратится связь. Для нас чревато это разложением моральным.

Бесс — Что ты предлагаешь?

Сильвестр — Я предлагаю новое мышление. Пусть жажду мести победит расчет. Все очень просто: Кочет не опасен, морально сломлен, слаб и не клыкаст. Ему мы только скажем: слышь, папаша, подвинься. Новые настали времена. А не поймет, так пару раз ударить по печени, не так ли, генерал? И он, поджавши хвост, пойдет на свалку истории и там заляжет гнить. Зловонием своим напоминая, всем, кто еще не понял, чья взяла.

Бесс — Да, ты не зря мотался по загранкам — Тут есть зерно...

Севастьян — Зерно, консервы, вина заморские...

Бесс — Тут есть зерно, друзья,
и здравый смысл присутствует. Однако
два предложенья было. Голосуем.
Кто за убийство — палец опустить.

(Сара, Чпок и Вилкин опускают пальцы. Вилкин смотрит на Бесса и, поколебавшись, отдергивает руку.)

Ну что же, Вилкин, «за» ты или «против»?

Вилкин — Я вроде «за» и в то же время «против»,
поэтому я лучше воздержусь.

Бесс — Кто против, пусть поднимут пальцы
вверх.

(Сильвестр, Севастьян и Бесс поднимают пальцы.)

Решенье принято. Наш кандидат
оставлен жить пока на этом свете.
И это меня радует, друзья.
Стратегия и тактика теперь
будет иная в нашем государстве.
Власть станет мудрой, хитрой и коварной.
Не следует топить страну в крови,
чтобы достичь желаемой победы.
Достаточно лишь вожжи натянуть,
и птица-тройка полетит послушно
туда, куда мы ей закажем путь.
Нам Беспредел в наследие оставил
податливый, как глина, матерьял:
сексотов армия, наседок миллионы.
Так неужели мы слепить не сможем
из этой глины глупого раба,
испуганную заводную куклу?
Ха-ха-ха-ха! Я рассмеюсь любому
в глаза, кто усомнится в этом.
Я буду хохотать над ним всю жизнь!
Я буду ласков с этой глупой куклой,
то ручку опущу, то подниму.
Потом скажу «кругом», потом «направо»,
Скажу — мать-Родина зовет погибнуть
за дело правое. И побегут,

друг друга обгоняя, кто вперед,
подставить свое глупенькое тельце
нам на съеденье. Ха-ха-ха-ха-ха!
Как преданность прекрасна! Но
прекраснее вдвойне осознавать
творенье рук своих в послушных человечках!

Все — Восхитительно! Удивительно!
Будем жить мы в стране чудес.
Изумили нас, вразумили нас,
вы наш Бог, товарищ Бесс!

Бесс — Сейчас, друзья мои, я объявляю
пятнадцатиминутный перерыв.

Действие 2 (перерыв)

(Все вышли. В зале Сара и Бесс.)

ПЛАЧ САРЫ

Душа моя готова разорваться!
Готова Сара крокодила съесть,
Все кончено. Святая месть
Не сможет состояться.
О-о-о, о-о-о!
Не сможет состояться!

Пошто, пошто злодей прощен,
Ужель Отец наш будет не отмщен?

Рву волосы, кусаю локти,
Душа в конвульсии, как раненая птица.
Я не воткну в него клыки и когти,
И кровью не смогу я насладиться.
О-о-о, о-о-о!
И кровью насладиться!

Пошто, пошто злодей прощен,
Ужель Отец наш будет не отмщен?

Оставили вы жить отцеубийцу,
Попрали Истину, нарушили Закон.
Когда и кем он будет осужден?
Где идеал? Кому теперь молиться?
О-о-о, о-о-о!
Кому теперь молиться?

Пошто, пошто злодей прощен,
Ужель Отец наш будет не отмщен?

Бесс — О, Сара, как ты хороша!

Сара — Молчи, проклятый, ты достоин
презренья моего!

Бесс — О, Сара!

Сара — Молчи, Егор, тебя я слушать
не желаю!

Бесс — О, Сара, я тебя любил!
Всю жизнь тебе я посвятил,
Страдаю, о, как я страдаю!

Сара — А кто меня Малинке подложил?
Кто девичью попортил красоту?
Нет, никогда меня ты не любил.
Меня, как книгу, ты перелистал.
Всю истрепал, измял, порвал
и каждому подсунул по листу.
Сосуд любви ты вдребезги разбил.
Любовь мою навеки иссушил!

Бесс — Не я! Не я!

Сара — Но кто же?

Бесс — Обстоя-
тельства заставили.

Сара — Ты оборотень, Гоша!

Бесс — О, змея!
О, Сара, как ты холодна!
Отдайся мне!

Сара — Тебе? О, никогда!
Другому Сара отдана —
и будет век ему верна!

Бесс — А-а-а-а-а-а-а-а!!!

Действие 3
(посвящение в Козлодои)

Вступление

Хор — Историческая необходимость
Подказала нам путь иной.
Восстановит Бесс справедливость
И направит железной рукой.

Сатана здесь правит бал!
Плети интриги, Серый Кардинал!

Все выше, и выше, и выше
Пойдем мы с тобой до конца.
В твоём выступлении слышим
Мы голос родного Отца.

Сатана здесь правит бал!
Ты наш избранник, Серый Кардинал!

Сегодня — конец лихолетью,
Разрухи и прочей напасти.
На долгое тысячелетье
Мы встанем стеною у Власти!

Сатана здесь правит бал!
Веди нас к власти, Серый Кардинал!

Бесс — Товарищи, настал момент избрать
главу ПГЛПП. Есть мнение
начать дебаты и назвать
возможных претендентов.
Кто хочет выступить?

Чнок — Я буду краток. Малость поразмыслив,
пришел я к убеждению такому:
достоинейшая смена Беспределу
беспорно вы, Егор Ильич.

- Севастьян* — И я
поддерживаю и одобряю.
И малость поразмыслив, я считаю,
двух мнений тут не может быть, друзья!
- Хор* — И я, и я, и я, и я, и я...
- Сильвестр* — В вас, дорогой, Егор Ильич, соединились
чудесным образом все качества Главы.
И ум, и честь, и совесть — это вы!
И дай вам Бог, чтоб ваши дни продлились!
- Вилкин* — Я просто умираю от восторга!
Да здравствует товарищ Бесс! Ура!
- Бесс* — Но что же Сара? Ты молчишь...
Ты против?
- Сара* — Нет-нет, помилуйте...
Достойней претендента я здесь не вижу! Но
есть соображение у меня на этот счет. Негоже
нам подставлять достойного из нас
на суд толпы. Я в этом вижу
немалые опасности для власти.
Чтоб власть устойчивой была, а также дабы
предотвратить возможное крушение,
я предлагаю скрыть Главу за маской
другого человека, объявив
его Главой. Тогда
нам не опасен будет новый Кочет!
- Бесс* — Хитра ты, Сара, как пятьсот питонов!
Твой ум так изощрен и логика бесспорна...
Я только удивляюсь одному,
как эта мысль мне раньше не явилась?!
Кого же прочишь ты на эту роль?
- Сара* — Вот — Вилкин. Лучше кандидата
едва ли ты найдешь среди друзей,
нас окруживших...
- Бесс* — Как ты сказала? Вилкин? Это странно...

Сара — Совсем не странно. Ты взглядишь получше и убедишься — он незаменим!
Смазлив, и голос ровен, и читает великолепно. (Всё, что мы напишем...)

Бесс — Что ж, Сара, мысль не лишена известной логики. Однако, что скажет ПГЛПП?

Чпок — Я буду краток. Малость поразмыслив, пришел я к убеждению такому: что лучше не найти нам кандидата на эту роль.

Севастьян — И я — поддерживаю и одобряю!
И малость поразмыслив, я считаю, двух мнений быть не может тут, друзья!

Хор — И я, и я, и я, и я, и я...

Сильвестр — В вас, дорогой Василь Лукич, соединились чудесным образом все качества Главы.
И ум, и честь, и совесть — это вы!
И дай вам Бог, чтоб ваши дни продлились!

Вилкин — Я просто умираю от восторга!
Да здравствует товарищ Бесс! Ура!!

Бесс — Ты что, не понял, Вилкин? Предлагают тебя на этот пост.

Вилкин — Меня?!

Бесс — Тебя, болван. А ну-ка покажи, как может Вилкин стать солидным?

(Вилкин раздул щеки, выкатил глаза и издал угрожающе-надменное пфы-ф-ф-ф...)

Теперь пройдишь и ручкой сделай так...

(Вилкин прошелся и сделал ручкой.)

Ну что ж, талантливо.
 Беру и утверждаю Главой ПГЛПП!
 Ты понял, Вилкин?

Вилкин — Пфы-ф... Конечно, понял.

Бесс — Друзья мои, в столь судьбоносный час
 для всей страны, хочу я присягнуть
 на верность Делу нашему. И все
 вы присягнете! Отступника пусть ждет
 суровая расплата. Для того
 я новый Символ возвещаю вам.
 На нем и совершим мы клятву.
 Внесите черный ящик...

(Санек и Жора вносят черный ящик.)

Друзья мои, Собачья Голова
 осталась с Беспределом. Мы же
 много идола воздвигнули себе!

(Достает из черного ящика Золотого Козла со свирепо оскаленной мордой. Все встают вокруг него. Взявшись за руки, танцуют ритуальный танец и поют.):

Золотой Козел!
 Ты ночь, ты свет!
 Присягаем тебе —
 На тысячу лет!
 Быть верным Делу
 И Беспределу —
 КЛЯНЕМСЯ!!!

Бесс — Теперь ты, Вилкин, подойди к святыне
 и, руки простирая над Козлом,
 облобызай его, как ты умеешь.
 Произнеси ЫЛЗОК ЕСВЫМ и следом
 тебя я в Козлодои посвящу.

(Вилкин подходит к Золотому Козлу, простирает над ним руки, целует, говорит: «Ылзок есвым». Далее товарищ Бесс достает из черного ящика двурогую золотую корону и надевает на голову Вилкину.)

Отныне и вовеки Козлодоем
 ты будешь. Для страны и Царь, и Бог!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хор —

Настала жизнь иная,
Сбылись наши мечты.
Страна наша родная,
От края и до края —
Козлы, козлы, козлы!

(занавес)

* * *

И воссияла над страной во всей красоте и величии золотая голова Козла.

И во всех грандиозных свершениях виделся его свирепый оскал.

И рабы, мечтавшие о свободе, вновь были обмануты.

И народы страшились зубов его и копыт.

И изрыл он землю копытами, и изгадил реки, и истоптал луга.

И рогами продырявил небо.

И где бы ни прошел он, везде были смрад и запустение.

И много громоздких машин было поставлено ему в услужение.

И много механизмов служило на потеху ему.

И черный конвейер на паучьих ногах вытягивал из земли ее недра.

И в гигантских мясорубках перемалывалось все, что было добыто.

И он сжирал все, и только зловоние испускало его брюхо.

И не осталось земли, где не нагадил бы он.

И воры поднялись из черных дыр своих, почуя добычу.

И принялись доить Козла, и золото полилось им в карманы.

И он подставлял им брюхо, и смотрел в небо пустыми глазами.

И небо было черное от копоти и зловоний.

И земля была отравлена, и вода.

И народы, бродившие по скудной земле той, были обворованы и обмануты.

И ели они пищу, рожденную отравленной землей, и пили смрадную воду.

И матери рожали детей с козлиными головами.

И дети смотрели на них пустыми глазами Козла.

Съезд продолжал свою работу.

Козлодоев больше не искушал судьбу и читал без остановок все, что мог прочесть. Что не мог, он пропускал, но на эти вольности никто не обращал внимания. Шестичасовой доклад утомил уже всех, кроме Козлодоева. Он вошел во вкус и, прихлебывая живительный раствор, вдохновенно читал. Сладкая истома разливалась по телу и грела конечности. Ему казалось, что он молод, хорош собой, и женщины, эти игривые вертихвостки и бесстыдницы, смотрят на него из зала с жадным обожанием. Было, было времечко, любил он полакомиться этим сладким продуктом. Этим рахат-лукумом, этими персиками, этим зефиром в шоколаде... м-м-м-м... Многие мог порассказать Козлодоев, если бы вспомнил.

Но не было в зале ни персиков, ни вертихвосток. В зале сидели помятые пиджаки с размякшим и взмокшим содержимым, да сто три крашенные хной делегатки с ярко-красными губами и металлическим блеском глаз.

Не обошлось и без инцидента. Который, впрочем, не был замечен делегатами в силу вышеописанного сильного благоприобретенного косоглазия.

Случилось же вот что.

Девяностовосьмилетний почетный член президиума, маршал всех родов войск, ветеран всех войн, старейший член ПГЛПП, побитый некогда Кочетом и обласканный Егором Ильичом Бессом, бравый Сева Королек рухнул со своего кресла и скончался, не приходя в сознание.

Грохот от падающего Севы был изрядный, так как на обширной маршальской груди разместилось 8 кг отечественных наград и 2,5 кг зарубежных. Плюс сам Сева, страдавший последнее время крайним ожирением.

Козлодоев вздрогнул, прекратил чтение и испуганно осмотрел зал, решив, что именно в нем произошел провокационный взрыв динамита. Зал же решил, что выступление окончено, и, естественно, разразился треском и грохотом, переходящими в овации.

Только в президиуме сообразили, что к чему, да западные журналисты и наблюдатели переглянулись многозначительно. По сигналу Чпока к месту трагедии сразу рванул Санек с двумя сотрудниками КБ, пригибаясь за рядами и вскрывая на ходу индивидуальные пакеты неотложной помощи.

Искусно перевязав голову прославленному полководцу, Санек понял, что опоздал, и сообщил по рации Чпоку о

трагической развязке, прибавив, что поскольку в покойнике, вместе с орденами, верных полтора центнера и вынос тела имеющимися в наличии средствами не представляется возможным, то он, Санек, ввиду экстремальной ситуации, берет ответственность на себя и принимает решение оставить вышеуказанное тело в расположении президиума, на что испрашивает разрешения у вышестоящего Чпока.

На это Чпок сказал, что никогда не сомневался в преданности Санька, и дал добро.

На этом инцидент был исчерпан.

От себя же хочу добавить, что погиб маршал Сева на посту, как истинный солдат, что у меня (в прошлом солдата) не может не вызвать законного восхищения.

Козлодоев, переждав натиск восторженных соплеменников и отчасти успокоившись, продолжал чтение.

Забегая вперед, хочу сказать, что этот инцидент был так себе, мелочь, частный случай, в сравнении с тем, что случилось после.

Вскоре разразился грандиозный скандал, повлекший за собой массу событий с непредсказуемыми последствиями, которые повлияли не только на судьбы многих людей, но и на исторический процесс развития всего государства. А возможно, и на все мировое сообщество.

Дело в том, что в докладе было одно скользкое место, вписанное лично товарищем Бессом, специально для наблюдателей ООН, приехавших проследить присутствие духа Женевы на съезде.

Так вот, для того, чтобы дух присутствовал, а проверяющие доложили своему начальству, что, мол, все путем и следить за этими ребятами больше не следует, Бесс, скрепя сердце и обливаясь холодным потом, написал, что, наряду с грандиозными свершениями и полнейшим процветанием, в стране еще есть недостатки. И главный из них (кое-где, порою, в некоторых местах имеет место быть) воровство! И его, не откладывая, необходимо вырвать с корнем, заклеить и обезглавить в духе Женевы!

На этой Женеве Козлодоев и закончил. И, пропев на прощание здравицу Маузеру, ПГЛПП и светлому будущему, в котором они оказались, под стоны и вой ревущего зала, отправился, как умел, на свое прежнее место.

Проверяющие остались довольны, но из зала не ушли, пожелав послушать прения.

Первой на трибуну ворвалась крашенная хной делегатка и, допив остатки живительного раствора и выкатив металлические глаза, сказала буквально следующее:

— Это что же такое дается, товарищи, а? Это что ж такое творится? Кошмар творится, товарищи, и свистопляска!

Это пока я, к примеру, мать троих детей, швея-мотористка и делегат, ишачу, как проклятая, в цеху и партячейке, какой-нибудь ворюга-забулдыга растаскивает по винтику да кирпичику нашу родную страну? Так получается?!

Я человек простой. Я вам прям так и скажу! Так прям правду-матку и резану в глаза! Это для того наша родная партия пригрела нас, обула-одела, накормила, как смогла, чтобы мы ее подвели в ответственный момент? Не бывать тому! И пока этот вор-тунеядец трескает икру и нашей кровушкой рабоче-крестьянской запивает, нам отдыхать не след!

Так я предлагаю, как у древней Греции... хоть и сплаторы, а и у них против воровства боролись. У них было как? Поймал какого ханурика... там на базаре ихнем, скажем, апельсин скрал — все, держи ответ! Хрясь по руке топором или там какой саблей — руки нет! Попался во второй раз — хрясь! — и второй нет! Вот так! Не балуй! Карман государственный — это тебе не бездонная бочка. И все! Как шелковый станет, не посягнет боле на народное добро. Вот такое мое рабоче-крестьянское, материнское слово!

(В этом месте Козлодоев уснул. И приснился ему кошмарный сон.)

КОШМАРНЫЙ СОН КОЗЛОДОВОЕВА

Стоит Козлодоев во главе Бюро ПГЛПП на центральной трибуне, а под ним течет человеческая река. Все, как полагается. Цветы, транспаранты, оркестр, хор из динамика прославляет ихнюю деятельность. Портреты на тележках везут. И его, и товарища Бесса, и Сару с Жорой. А самый большой — товарища Маузера.

Народ ликует, поет, славословит.

Но странный какой-то этот народ. Идти вроде идет, а руками не машет. Пригляделся — Бог мой! — а рук-то и нету! Одни культы да пустые рукава.

Что за чертовщина, думает он. К Старику повернулся... ох! — задрожал Василь Лукич мелкой дрожью — стоит товарищ Бесс, как есть, в выходном костюме, а рукава пид-

жака в карманы заправлены. Он к маршалу Севастьянову оборачивается, а тот стоит и протезом честь отдает. А протез скрипит, скрипит на ветру, да так жалостно...

Холодный пот прошиб Козлодоева. Думает, может, сплю я, дай-ка ущипну себя. Хочет ущипнуть, да нечем. Два обрубка болтаются с боков. Закричал Козлодоев страшным криком: а-а-а-а-а-а-а-а-а!! и описался...

(Ах, Козлодоев, Козлодоев, что ж ты наделал! Впредь наука: не пей на сон грядущий столько жидкости.)

Расправа была молниеносной. В затылок бедняге полетел трехкратно усиленный энергетический разряд. И оказалось — перебор. Вместо того чтобы блокировать мочеиспускание, разряд, нарушив сдерживающий центр, спровоцировал еще больший поток.

Козлодоев уже проснулся, уже понял, где он, понял, что он делает и что этого делать нельзя, а из него течет и течет и протекает к самой трибуне.

Крашенная хной делегатка, баба бывалая, она и не такое видела, поняла народным умом, как женщина и как патриотка, что не следует на это обращать внимания, и, спокойно перешагнув через лужу, пошла к своему месту, с вызывающе гордо поднятой головой.

Но эти-то, из ООН, их как людей в первый ряд посадили, уважение оказали, а они... Ой-ля-ля! — языками зацокали, заерзали — что это есть такое? Откуда такой большой лужа? «Никоном» щелкают, по телетайпу с места события оперсводку передают.

У товарища Бесса сдали нервы и он, не объяснив ничего, объявил о трехдневном перерыве в работе съезда.

* * *

Наутро вся западная пресса пестрела сенсационными сообщениями: «Скандал на съезде ПГЛПП. Лидер движения генеральной линии поливает наблюдателей из ООН. Демарш в Большом Дворце. Демонстрация силы — ответ на предложение о разрядке».

В дипкорпусе начался сумасшедший дом, курс доллара на Нью-Йоркской бирже запрыгал, а наблюдатели стали строить версии.

На снимке, перепечатанном всеми крупными газетами мира, запечатлена большая лужа с отраженным Президиумом, легкая зыбь на ней и занесенная нога делегатки крупным планом. Подпись гласила: «Переступит иль наступит?»

Бесс рвал и метал. Рвал западную прессу и метал гневные слова и яростные выражения в Козлодоева:

— Ты недоносок, Вилкин! Я таких в детстве бил по почкам, а в юности ставил к стенке. Я тебя на сухой паек посажу до конца дней твоих!

Козлодоев плакал и обвинял во всем крашеную делегатку.

— Это она, подлюка, хрясь, хрясь! Я думал, нам всем руки отрубить хочет...

Бесс не слушал оправданий, топал ногами и обвинял:

— Твое протеже. Сара! Пустила козла в огород! А он нас на весь белый свет ославил!

— Так ведь кто знал, что из него с годами получится? Такой в детстве прехорошенький был...

— Что же нам делать? Думай, Сара, думай! Ты же умница, придумай, как нам теперь отмыться? Может, убьем его, а в некрологе сообщим, что начавшаяся на съезде болезнь прогрессировала...

— Я не хочу! Я ишло ничего, мушшина крепкий. Нашли тоже, козла отпущения...

— Молчи, засранец! Ты уже высказался! Так как, Сара, убьем — и концы в воду...

— Ох, не знаю, Егор. Времена сейчас лихие, непонятные. Все друг на друга стучат. Ничего святого. Журналисты эти, западные, все вынюхивают, да высматривают... Вот кабы при Отце — дело другое. Хуже бы не получилось, Егор... Чую сердцем, не спасет это нас. Вот если войну развязать на Востоке, думаю, это бы их привело в чувство...

— Войну, говоришь?

— Непременно. Вся дурь у них мигом слетит! Давно мы им зубы не показывали. А то эти проверки, газеты, смотреть тошно... Забыли, видно, с кем дело имеют...

— Севастьян, готовь операцию! Завтра в шесть ноль-ноль выступаешь!

— А какую страну брать будем?

— У тебя что, карты нет? Близлежащую! Всё! Иди и не морочь мне голову дурацкими вопросами.

— Ну, а ты что думаешь. Чпок?

— Я не думаю, я исполняю. Разрешите доложить, товарищ Бесс?

— Что там еще у тебя?

— Провокационные стихи. Народ поет на всех углах. Не хватает сотруddников проследить за каждым.

довался за инакомыслие. Проходил по статьям 33 и 34 УПК — публичное оскорбление секретаря ПГЛПП и нарушение паспортного режима. Осужден на 8 лет строгого режима, с конфискацией группы «Асса». 9 из них отсидел. Освобожден под нажимом западной общественности и лично президента Франции Черчилля. Принудительно выслан за рубеж. За рубежом боролся за освобождение Кувейта. Впоследствии вел замкнутый образ жизни. Увлёкся Буддизмом. В настоящее время местонахождение его неизвестно. Предположительно — район Гималаев.)

Егор Ильич пришел в неопишущую ярость и принялся орать, размахивая сухими и длинными руками, словно он дирижер.

Орал он про все разом.

И про то, что это не государство, блин, а Бермудский треугольник, блин, все куда-то девается, блин, и концов не найти. И что пора уже, блин, ставить к стенке. И первым, блин, будет, конечно, Вилкин, блин. А потом, блин, каждого второго — и не ошибешься. И что Контора Беспредела, блин, недостойна носить, блин, столь славное имя, а достойна носить, блин, имя Вилкина, с чем он всех и поздравляет. Что спецпайка, блин, он лишает каждого на три года вперед. И чтобы ему срочно, блин, (час на выполнение), блин, привели этого грязного писаку, блин, и он сам, лично, блин, размажет его по стене. А если Чпок этого не сделает, блин, то по стене он размажет Чпока. И вообще, блин, он размажет всех и сию же секунду, потому что все, блин, — проходимцы и воры — сидят, блин, на его шее и растаскивают государство. И что Сопатый его терроризирует, блин, и грабит и никому дела никакого, будто так и надо. Что краны во дворце, блин, текут, охрана пьяная, блин, с утра до вечера, дворецкого не дозовешься. Механик, блин, машину уже третьего дня обещал сделать, а где она, блин, спрашивается?! Лифт не работает, блин, и весь изгажен. На кухне бардак, блин, а повара снимают сливки со всего и с ним, блин, не делятся. Снабженец вообще пропал, блин, и жрать скоро будет нечего. И что он чует, блин, измену задницей. Что в умах — брожение, разложение и, блин, разгильдяйство. И он не удивится, если завтра начнется, блин, революция. С таким, блин, славным войском можно ожидать всего.

Когда Егор Ильич — дирижер и оркестр в одном лице — бессильно опустил руки и смолк, все, потупив взоры, скорб-

но молчали. И думали, каждый в отдельности, одну и ту же думу: «Может, хватит, а? Поорал и будя? Не мальчик же... Жить-то, может, осталось всего ничего, а все проблемы решаешь, все за государство воюешь. Жил бы спокойно, не грубил и у тебя бы все было. И повара бы тебе отстегивали и машина у подъезда стояла помытая. Не жалеете вы себя, Егор Ильич».

Козлодоев сидел с обиженным видом и, беззвучно шевеля губами, читал стихи: «...и дюжину враз ублажал». Пф-ф-ф...

— Вилкин, — позвал его Бесс.

Козлодоев посмотрел невидящим взглядом куда-то в сторону и вновь уткнулся в листы.

— Вилкин, тебе говорят! Ну-ка, дай сюда бумажку...

— Бумажку? — повторил Козлодоев и побледнел — Не-е-ет.

Темная глухая ненависть блеснула в глазах.

— Отдай бумажку! Или ты меня не понял?

— Мое!! — заорал вдруг Козлодоев — Не подходи! Укушу! Мое!! — торопливо смял лист и спрятал за пазуху. — Про меня тут написано, про меня! «Всякий его уважал!»! Понял! Вы поняли? Гады... Все вы гады, гады, издевались надо мной, смерти желали... Но нашелся человек... Хороший человек! Стишки посвятил... Хорошие, хорошие стишки! А вы — гадкие, противные, злые!

Пятнадцать лет минуло с тех пор, как всеильный властитель и опытный дворцовый интриган Егор Ильич Бесс в торжественной обстановке короновал двурогой золотой короной раба своего Вилкина и присвоил ему высший титул государственной власти — Козлодоя.

И все эти годы тишайший и послушнейший Василий Лукич и помыслить не мог, сказать и, тем более, действовать поперек своего благодетеля — всеильного Бесса.

Все присутствовавшие, затаив дыхание и зажмурив глаза, ожидали самой кровавой развязки. И она наступила.

— Бунт!! — заорал Бесс и шагнул к Козлодоеву.

Козлодоев был готов к этому. Корона сверкнула в его руках. Мгновение — и тишайший Василий Лукич превратился в свирепое животное о двух рогах. Пригнув рогатую голову и издав угрожающий вопль, он кинулся навстречу врагу. Раздался глухой удар и треск ломающихся ребер. Егор Ильич Бесс был повержен.

Он лежал на полу в луже дымящейся крови. Над ним же, свирепо скалясь и устремив пустые глаза к небу, застыла голова Козла.

Это было последнее, что видел Бесс на этом свете.

* * *

Козлодоев зажил спокойно и сыто. Никто его не угнетал. Сара и Жора были добры к нему, окружили повсеместно заботой и ни в чем ему не отказывали. Его водили на прогулки, хорошо кормили, а случалось, и подносили рюмку сладкого ликера.

Вечерами же, закрывшись в своей полутемной спальне и проверив, что за ним никто не следит, Козлодоев доставал заветные листы и самозабвенно читал: «... кумиром народным служил Козлодоев и каждый его уважал...» «О... так-то! Уважал...» Так и засыпал, счастливо улыбаясь и бормоча любимые строки.

Дворец же зажил новой жизнью.

Не стало жестокого надсмотрщика, но осталось еще много добра. Воровать стали дружно и весело. Все вместе. Появилась даже в отношениях некая солидарность и взаимовыручка. Братство появилось и равенство.

— Ты там был?

— Не-а...

— Ну и не ходи. Там нет ничего.

— А где же есть?

— Прямо, потом направо. Дверь открываешь — в дальнем левом углу. Но туда пошли. Торопись.

Воровали убежденно и вдумчиво. Никакой поспешности. Только сосредоточенность на предмете и осознание необходимости. Вернее, сначала осознание необходимости, потом сосредоточенность на предмете.

Сначала воровали с радостью и интересом.

Потом с интересом, но без радости.

Потом с плохими предчувствиями.

Потом...

Все с трепетом ждали одного, когда же, наконец, все кончится и воровать будет нечего? Но *она* все не кончалось... Возникла тревога, переходящая в страх. Потом равнодушие. Потом апатия.

Воровать стали отрешенно, с некоторой брезгливостью на лице.

Жизнь во Дворце стала скучной.

* * *

Ходит Сара по Дворцу добрая, кроткая, всем все разрешает.

После похорон Егора Ильича Сопатый прислал ей подарочек. Невзрачная коробка из-под канцелярских скрепок. Открывает, а там — и-и-и-и!! Мамачка моя дорогая, рано ты, мама, ушла, порадовалась бы за свою Сару — там лежит Зуб Вельзевула!

Ах, Сопатый, Сопатый, до чего ж ты мужик обходительный! И записочка внутри: «Дуся, прими сей скромный дар от ничтожного почитателя твоей дьявольской красоты и мудрости. Твой верный слуга Сопатый. Завтра жди гостя».

С утра ходит Сара сама не своя от хороших предчувствий. Как девушка зарделась и мечтает. Уж кто-кто, а Сопатый устроит ей и Калифорнию, и Канарские острова с золотым песочком. В бумажку завернет, ленточкой перевяжет и преподнесет, премило улыбаясь.

Пришел Сопатый с огромным букетом роз, коробкой конфет и шампанским.

— Как живешь, старуха?

«Ну, до чего ж галантен, дьявол... Таких букетов мне отроду никто не дарил!»

— Да какая наша жизнь... ташимся и мелко скребемся. Вот ежели б пятилеток семь-восемь сбросить...

— Ну, ну... Эка, мать, ты придумала. Да и что тогда хорошего было? Ходили сопливые, гривенник за душой, всякий обмануть мог.

— Это верно. Крепко нам жизнь бока поднамяла.

— Что это ты расхандрилась, голубка, давай-ка по шампанскому!

— Что ты, что ты, родной! Не слушай старуху, ворчлива стала. Ты меня, можно сказать, воскресил. Какой подарочек Саре сделал! Век не забуду. Чем тебя и отблагодарить — не знаю...

— Пустое, милая, пустое... Мы с тобой уж, поди, лет сорок знаемся? Так что, какие благодарности...

— Да уж... сорок лет, как один денек... Ты Колю-то Глаза помнишь? Спился он мне тут.

— Как не помнить, Колян Мазила. Наглый был, смерть, наглей меня. Да пил много! Вино и сгубило парня.

— Его Малинка отравил.

— Что ты говоришь?!

— Да. Я точно знаю. Сам Малинка мне и проболтался по пьянке. Но я никому тогда не сказала. Сильно боялась этого зверя.

— Понятно. Крутые мужики были. Не то что теперь. Бобики. Смешно и воевать с ними...

— Сам-то как?

— Да парикмахерствую потихоньку. Дамский мастер экстра-класса. Наставник молодежи. Приходи, такую прическу тебе наведу — Париж закачается!

— Так ты что, еще и работаешь?

— Не говори глупости, Сара. В этой жизни есть только работа. Остальное — мура и побрякушки.

— А насчет Парижу ты не шутишь?

— Что ты имеешь в виду?

— Мне тут чудной сон приснился. Будто гуляем мы с Жориком по Калифорнии. Попугаи на пальмах, негры в белых штанах... Суставы, понимаешь, ноют. На песочке золотом просятся полежать...

— А где твоя Калифорния-то находится?

— Где-где, не знаешь, что ли, — в океане.

— А-а-а...

— Я уж собираюсь начала...

— Сколько?

— Что-ты, Сопатый, у меня все свое. Мне бы переправить в надежное место. Говорят, банк такой есть в Европе, под водой. Туда деньги ложишь — и никто тебя не спросит, где взяла.

— Хорошо. Узнаю.

— Ой, миленький, я ж тебе по гроб жизни...

— Ладно. Что это ты в бега решилась?

— Да гори оно все синим пламенем! Ты же сам видишь — ловить здесь больше нечего...

— Ну это ты зря, Сара, страна богатая...

— Да я не в том смысле! Хочется, чтобы культурно все, с достоинством... А тут, за твои же кровные тебя и облажают. И потом... знаешь, одному тебе скажу. Чует сердце: пора сматывать удочки. Закисло все и бродит, бродит... не век же бродить будет? Как шарахнет все — к чертям собачьим! Да новые шакалы придут... Чего доброго, еще укусят. Тогда поздно будет чемоданы собирать. Мне тогда другая дорожка заказана.

— Не паникуй, Сара! В этой стране еще долго ничего не случится. Ваш брат крепко в землю зарылся. А новых

ты не бойсь! Такие же, в точности, и придут. Тоже, поди, жрать хотят пожирней, да спать помягче. А куда они без нас? Вот они, все ниточки, на наших пальчиках.

— Так-то оно так, да что-то беспокойно мне... Может, старею. Но ты все-таки узнай мне про тот банк подводный...

— Узнаю, узнаю... Да, чуть не забыл! Я тут бумажки составил. Кое-каких людишек поменять хочу. Министра торговли — на заслуженный отдых. Совсем мышей не ловит, конъюнктуры не чувствует. Все по старинке хапает. И этот, как его... Генеральный Прокурор, вообще, хам. Мы с ним больше не водимся. Его и посадить можно. Ну и там, по мелочи... Я все расписал. Подмахни у Козлодоева. К завтраму. Я тебе Гришу пришлю. Он хоть и на вас работает, да больно смышлен...

— Ох, Сопатый, тебя не проведешь!

— Да что ты, милая. Просто пожадничал твой Жорик. У меня Гриша две штуки получает, плюс процент. Таких, как Гриша Пфенинг, ценить надо... Так как, подпишешь к завтраму?

— Какие вопросы...

— Ну все, Сара. А вот это — Козлодоеву лично передай. С поклоном передай. Скажи, от всего нашего мира... За подвиг его бесценный. Ну, пока, голубушка, засиделся я у тебя. А меня там клиентки небось заждались...

ЭПИЛОГ

Вскоре Козлодоев умер. Умер тихо и безболезненно в своей спальне. Просто заснул и не проснулся.

Подарок Сопатого, переданный через Сару, ему очень понравился. Это был большой орден со всякими штучками и блестками. На ордене, в центре, был выгравирован вензель К. О., что означало «Крестный Отец». Очень красивый был орден. Козлодоев минут пять цокал, а под конец расплакался. К ордену прилагалась грамота на право его ношения. В ней, в частности, говорилось: «За мужество и личную смелость, проявленную в борьбе за наше общее Дело».

Только утром обнаружили труп Козлодоева. Он лежал спокойный и умиротворенный. Слабая улыбка была еле заметная на мертвых губах. Под сердцем, прикрученный прямо на ночную рубашку, сиял и искрился разноцветными камнями орден. В окоченевшей руке мертвой хваткой был зажат листок со стихами. Строки из этих стихов и послужили эпитафией на могиле раба Божьего Вилкина Василия Лукича:

КУМИРОМ НАРОДНЫМ СЛУЖИЛ КОЗЛОДОВЕВ И ВСЯКИЙ ЕГО УВАЖАЛ

Сару предчувствия не обманули. Новая власть не замедлила объявиться. К этому времени она успела перевести солидную сумму в подводный банк. Но саму Сару взяли при переходе границы. Жора Черновой был с ней. При описи была обнаружена коробка из-под канцелярских скрепок с зубом Вельзевула внутри. Специалисты определили зуб как искусную подделку, от чего с Сарой случился глубокий обморок. Учитывая преклонный возраст и заслуги перед ПГЛПП, суд определил ей наказание в виде ссылки с частичной конфискацией имущества. Жора, как жена декабриста, проявил мужество и верность и последовал за подругой своей по бескрайней равнине в далекий провинциальный городок.

На местном базаре и сейчас можно встретить старика, ловко манипулирующего наперстками. Милиция обходит его стороной. Злые языки говорят, что сам Сопатый проявил о нем заботу.

Генерал Чпок застрелился сразу же, после похорон Козлодоева. Новая власть пожимала плечами и удивлялась столь безрассудному поступку начальника КБ.

Санек здравствует и произведен в подполковники.

Маршал Севастьян вышел на пенсию и занялся пчеловодством. По вечерам, напившись медовухи, плачет, стреляет в пустое окно, пугая домочадцев, и грозит написать «Историю Восточной кампании».

Сильвестр назначен послом в Мавританские Эмираты.

Гриша Пфенинг съездил в Европу. Вернулся оттуда в новом драповом пальто и шляпе, на машине «Мерседес». Однако на следующий день был застрелен в уборной ресторана «Лафстория». Похоронен на Основном кладбище, рядом с выдающимися прозаиками и старейшими членами ПГЛПП. Зимой и летом могила утопает в цветах.

Сопатый парикмахерствует. За неоднократно перевыполнение плана, мастерство, усердие и подготовку молодых кадров премирован администрацией парикмахерской бесплатной путевкой в г. Сочи, в разгар бархатного сезона.

Я поставил точку и подумал: вот и все. И еще подумал: обидно расставаться со своими героями. Но что делать? Таково наше суровое ремесло.

Я, конечно, мог бы написать еще одну главу, посвященную новой власти, но решил оставить ее для будущего бытописателя. И правильно решил. Новая власть только протирает глаза и разводит руками, не поймет, что это тут происходит. Зачем же нервировать ее сомнительными оценками и прочими вымыслами? Пусть это сделает другой, с чистой душой, с мозгами, не замутненными алкоголем, и живущий выше уровня земли. Оттуда ему будет виднее...

Мне же пора собираться в редакцию.

Сборы были недолгими.

Я слил из пяти бутылок остатки себе в стакан и встал.

Мой взвод полег на поле брани. Бой был коротким, но яростным. Я произнес короткую речь над усопшими и почтил солдат минутой молчания.

Я сказал так: «Вы отдали свои жизни за правое дело. И пока будет биться в груди моей сердце, я не забуду вас!»

И выпил.

Ваш главнокомандующий пошел на последний штурм. Прощайте. Спите спокойно, братцы!

Александр ШАРЫПОВ

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНСКИЙ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Судьба Ленского в нашей истории — это самый жгучий, самый больной вопрос дня. Сопоставление имени милого поэта с революцией, которой он явно не понял, от которой устранился и даже, возможно, не подозревал о ее существовании, выглядит на первый взгляд странно. Однако наша революция — явление сложное, и среди ее участников то и дело встречаются сексуальные элементы, которые ничего не понимают и стремятся устраниваться, а между тем являются не только пособниками, но и организаторами революционных событий.

1

Мэр Петербурга Собчак, получив медаль за замену ласкающего слух имени в названии любимого всеми города на железный скрежет узды, впившейся в губы поднимаемой на дыбы России, — объявил теперь о намерении сдвинуть и скорбный камень с могилы у ручья в тени густой и вынести прах поэта на Волково кладбище. Румяная гимназистка Наташа, продававшаяся на порно-аукционе в Москве, на вопрос сутенера, в какой бы стране она хотела жить, отвечала: «В любой, кроме России». На первый взгляд, между этими фактами нет никакой связи. Но так ли это?

Ведь что больнее всего? Когда слышишь, что на этой Наташе, рассматриваемой блудливыми глазами публики, не было ничего, кроме маленького сердечка, наклеенного на интимное место, и спрашиваешь друзей, что это, по их мнению, за место и где оно? — все указывают одно и то же место на женском теле, причем на самой его поверхности. Больно, горько и стыдно. Мы напрочь забыли, что значит слово *intime*. А если вспомнить, что оно значит, если понять, что маленькое сердечко было наклеено в душу, — тогда становится ясно, что поток грязи и клеветы, по воле рока льющийся в могилу поэта, впрямую связан с другим потоком —

всего plus intime — самого сокровенного — от нас, туда, где пустые сердца бьются ровно, — и тогда видишь во мгле само зеркало — сократовский лоб Ленского, и его самого, слушающего в крещенскую ночь страшный рассказ о белом безмолвии, о ползущих рядом волке и человеке.

«Любовь к жизни» — так называется этот рассказ.

2

Литература, освещающая вопрос, обширна, однако разобратся в ней почти невозможно.

Я даже не имею в виду эту холуйскую порно-пресси. Ее творцы-борзописцы, эти «слуги народа», подобны лакеям, перепившим хозяйской сивухи и блюющим теперь в женском туалете. Нутро их до тошноты переполнено лицемерием и исторгает сплошную фальшь; своими корчами и утробным ревом они лишь стараются заглушить потребность прямого и ясного ответа на вопрос: «Что же мне так больно и так трудно?»

Однако и работы литераторов cercle intime — тесного круга (Ерофеев, Пушкин, Анна*** и т. д.) — полны в данном случае неточностей и недосмотров. Беда в том, что каждый рассматривает вопрос со своей стороны, и в результате рассмотренным оказывается только один, оторванный от остальных, аспект. А если смотреть не сбоку, а подойти спереди, сзади, со всех сторон — то увидишь, что казавшиеся оторванными аспекты — на деле связаны — и прочнее, чем рукава за спиной помешанного в дурдоме.

3

Ерофеев, подойдя к проблеме вплотную, не нашел ничего лучшего, как протанцевать канкан по поводу двух кондовых фраз из письма Ленского к Инессе. Как же Ерофееву не приходит в голову простой вопрос:

Почему в эпоху онуч и пестрых лаптей прекрасная французенка неслась стремглав в Россию и, отворачивая флер от шляпы, читала эти кондовые фразы затуманенными от слез глазами, — а теперь, когда искусство стало куда более утонченно — не то что французенки не рвутся сюда, но наши же россиянки рвутся отсюда?

«Эх!..» — хочется развести руками, как Ленский в опере Ерофеева «Жизнь с идиотом». Если уж автор гениальной

фразы «Все на свете должно происходить медленно и неправильно» ничего не понял — видать, прав был Толстой, и не утонченно стало искусство — напротив, оно стало чрезвычайно грубо.

4

Эседеку Вольскому простительно не понимать неведомого поэта и писать с тупым недоумением на полях его сочинений: «темно», «ахиная», «Ленский сугубо темен», «темная вода», «переход из количества в качество до того темен, что ничего не поймешь» («Волга», № 12). Но почему же Ленского не понял Пушкин?

Он тоже подошел вплотную и, в отличие от Ерофеева, с явным сочувствием к собрату по перу («Мой бедный Ленский» — «Е. О.», 4, 50), — откуда же появилась эта беспощадная резолюция, обидным клеймом легшая на все творчество Владимира Ильича: «Темно и вяло» (6, 23)? Это тем более странно, что чуть ранее Пушкин признал: «Его перо любовью дышит» (4, 31). Интуиция подсказывает нам, что Александр Сергеевич, читая, по обыкновению, в потемках при тусклой свечке, спутал волка с собакой и принял за сочинения Ленского опусы совсем другого революционера, Бабушкина, который как философ, может быть, резв, но как пиит — действительно, косноязычен.

Пушкин все время путает — то у него Ленский, то не Ленский, а Лунин; то обнажал кинжал, то не обнажал, а лишь предлагал какие-то меры — то все-таки обнажал, но не кинжал, а свою доверчивую совесть (?) — из этой неразберихи обыватель вывел то единственное, что он и мог вывести, — что Ленский скинул царя в 1917 году.

Пушкин вообще из-за своей легкомысленности стал виновником многих уму непостижимых несуразностей. Разбирая, что привез поэт из Германии, он к пылкому духу и вольнолюбивым мечтам приплел зачем-то «кудри черные до плеч», — раз Ленский в Германии был лысый, а в России надел парик — значит, хотел, чтоб его здесь не узнали — значит, он был немецкий шпион, — решил обыватель — и ему тотчас поддакнула холуйская пресса.

Уже совсем странно, как мог такой ценитель легкого пола заблудиться в трех парах женских ног и с прищуром близорукого генерала сосредоточиться на Татьяне, которая мало того, что была костлява и ласкаться не умела, — так еще

и с роком не боролась, напротив — всю свою жизнь «алкала пищи роковой»! (3, 7). Об Ольге написано так туманно, что удивительно, как еще падкому на всякие гадости обывателю не померещилась и в этом тумане какая-нибудь гадость. От Надежды же солнце нашей поэзии вообще почему-то отвернулось, хотя явно знало о ее существовании (см.: «Мой ум упорствует, Надежду презирает» и т. п.) Если Ерофеев в Аннах видел одно только тело (см. «Тело Анны») — то у Пушкина очевиден обратный — едва ли лучший — перекосяк.

А чем, как не легкомысленностью, можно объяснить тот факт, что Пушкин доводит Ленского лишь до падения в снег у мельницы и здесь бросает на полпути? Лучше уж тогда совсем было не упоминать про этот эпизод. Раз Ленский прятал у себя «Лепажка стволы роковые» — вывел наш обыватель — то значит, он не боролся с роком, а сам был его агент и вел подготовку к вооруженному восстанию. Вот ведь какой туман. Вот какая за ним галиматья.

5

Да, Ленский любил Ольгу, но даже не как Офелию — Гамлет (о детородных способностях родителей которого ходят чудовищные легенды). Ленский любил Ольгу любовью брата — быть может, чуть нежней, как верно заметила Анна*** — т. е. любовью двух или трех братьев, — но уж никак не тысячи или сорока тысяч.

Той же любовью, которой только и умеют любить в наше время, — он любил Надежду, и никого больше другого. Свидетельством тому — возникший от этой любви ребенок, Володя Крупин, унаследовавший от матери крестьянскую выпуклость глаз и простодушие, а от отца — не только бороду и сократовский лоб, но и тягу к борьбе с роком. Правда, борьбу эту он пока понимает как борьбу с деревянными танцплощадками — но это, кажется нам, следствие молодости, своеобразная болезнь роста. Придет время, и он увидит глубинные корни зла.

Его отец тоже не смог победить рок. Быть может, человеку вообще этого не дано. Но Ленский всю свою жизнь, как сокол, рвался на бой с этим роком, с гнетущими нас темными силами, и именно за эти порывы мы обнажаем пред ним свои головы.

Чуть отрок, увидев Ольгу, которая цвела в этой темноте, как ландыш потаспный, он интуитивно почувствовал, что

победить темные силы можно лишь в соединении с душой родной, — и как мотылек, в весенний впившийся цветок, пронес это чувство через всю свою жизнь.

Однако там, где Анне*** помогло ее женское чутье, — там женская недалекость ей помешала. Вселенная женщины ограничена комнатой; «покой» для нее значит «спальня»; а как могут Владимир и Ольга уединиться «от всех далеко», оставаясь в пределах девичьей? Остается лишь поместить их под диван — что и делает Анна*** с женским своим простодушием. Знаменитый лозунг Ленского: «Шагом марш из-под дивана!» она трактует вульгарно-материалистически, диван для нее — тот самый обыкновенный диван, на котором сидят. Надо заметить: еще ни один поэт в целом мире никогда не был понят как должно.

Он сказал: «Шагом марш из-под дивана!» — подразумевая: из-под гнета — к свободе, из темноты — к свету; это поняли; из-под дивана, из комнаты, из дома — на улицу, на панель, в грязь, в бордель, за границу.

Он сказал: «Сбросим эсдечества обветшавшие лохмотья!» — подразумевая: облегчим, раскрепостим свою душу; это восприняли как призыв к срыванию всех и всяческих шелковых поясков — и вот уже однообразная нагота женского тела, по меткому выражению Пушкина, «невольню докумачает взору».

Он сказал: «Дайте две пули и пистолетов пару; больше ничего!» — увидев в черной щетине Онегина (настоящая фамилия — Гаджикасимов) тени все тех же темных сил и ринувшись защитить от них любимую Ольгу; это вызвало взрыв насилия. Причем, если Троцкий, Бродский и Зарецкий еще что-то помнили про искусство — мол, человека надо растягивать «не как-нибудь, а в строгих правилах искусства» — то матрос в 1917 году просто брал секс-бомбы и бросал их в Волгу, а нынешний обыватель, равнодушно взирая на Ольг, Надежд и Наташ, растягиваемых представителями южных республик, произносит разве что: «Надо взять два хвоста, снять пару кож и пойти по этажам».

Везде — вел ли он шахматный бой, звучно ли резал коньками лед, пугал ли стадо диких уток или собирал в непогоду грибы — везде мы видим стремление духа разбить окопы, вырваться за пределы телесности. Надежда называет это стремление «ражью» («Волга», № 11). «Ночью, — вспоминает она, — он вдруг говорил: «Если кто-нибудь двинет

коня — я двину туру». По свидетельству Пушкина, съев фигуры противника, Ленский не мог остановиться и начинал есть свои. Но разве шахматы занимали его? Конечно же, нет! «Цель жизни нашей для него была заманчивой загадкой, — пишет Пушкин, — над ней он голову ломал и чудеса подозревал».

Кадры старой кинохроники помогают увидеть, как Ленский набрасывается на пространство, как ему тесно в трех измерениях наспех сколоченных досок, — и нам самим хочется идти в бой, с кем, куда — это неважно; и современники чувствовали то же и шли, и брали — телефон, телеграф, мосты, вокзалы, центры управления полетом, стартовые площадки ракет. «Есть речи, — сказал один из слушавших Ленского, — значенье которых темно иль ничтожно. Но им без волненья внимать невозможно».

6

Ленский отдавал борьбе с роком всего себя. В эти порывы он вкладывал столько энергии, что когда она иссякала — голова его падала на середину статьи («и на модном слове идеал», — как сказал Пушкин) — а если он был вне дома, то буквально валился с ног, иногда «как-то неловко и прямо в снег», — пишет Надежда («Волга», № 11). Однако такое падение и привело в ужас Онегина, с криком бежавшего прочь. Но что простительно сыну природы — непростительно Пушкину, который хоть и отметил, что «странен был томный вид его чела», — но тоже посчитал поэта убитым. Можно только предполагать, что было бы, если б все сведения о Ленском мы черпали из «Онегина». Чего доброго, он так и остался бы деревенским обожателем пышнотелых девиц.

Конечно же, он поднялся, отдохнув немного, — затем поехал в Финляндию. Он спит, он читает. Новый вопрос занимает его: красота. Почему она не спасает мир? Он вглядывается в окружающих женщин, он приходит к тому же выводу, что Достоевский: «Русская красота лишена некоей правильности; она всегда сворачивает на блин». Внезапно Ленский приезжает в Москву, идет на митинг и в страстной речи выдвигает свой лозунг: «Долой мягкотелость!» Отныне и до конца своей жизни он — борец с мягкотелостью. Это приводит в ярость Вандиковых мадонн; однажды раздался выстрел. Пуля попала в шею и пролетела за воротник: Ленский уже падал, энергия его иссякала.

Наташа, Наташа, стройная, как березка, — знаешь ли ты, откуда пошла эта стройность? Синеву своих глаз ты взяла у России, стройность — у Ленского; знаешь ли ты, что там, куда ты уедешь, таких людей быть не может?

Он успел еще написать, что не надо свободной любви, что свобода собраний будет на том свете — и перо его замолчало.

7

Да полно: умер ли он? Может, он просто спит, не оправившись после ражи, как спал в Финляндии, где дети прозвали его «дрыхалкой»? Маяковский, посетив угрюмый и тесный приют его, говорил, что Ленский живой — когда все уже говорили, что он мертвый. Я склонен верить поэту, а не какому-то Собчаку. Собчак хочет зарыть Ленского заживо. Закапывайте глубже, безжалостные палачи! А то Ленский поднимется из могилы, осмотрит вас всех, обнимет свою Инессу и скажет что-нибудь вроде:

«А все-таки я не променял бы сей судьбы на мир с пошляками!»

Я чуть было не поставил здесь точку, но после некоторых колебаний решил, что сказав «А», надо сказать также и «Б». Возможно, кому-нибудь из друзей это покажется странным. Но, друзья мои! Ведь так уже многие начали делать, более того — иногда уже сразу говорят «Б», не сказав даже «А», и потом — заранее отказываясь от борьбы, не уступаем ли мы сами наших Наташ року?

Итак: понимающий, чувствующий, в меру пьющий мужчина ищет женщину не моложе 18 и не старше 35 лет, имеющую рост 1675 ± 5 мм, обхват головы 555 мм, шеи — 315 мм, талии — 660 мм, бедер — 900 мм, в том числе левого — 615 мм, правого — 635 мм, коленей — 340 мм того и другого, длину пог от наиболее выступающей части ягодиц — не менее 950 мм, разность длин между левой и правой — не более 25 мм, высоту от уровня пола до сосков — не менее 1400 мм и расстояние между сосками — 225 мм — для установления связи любого характера, вплоть до прочной семьи.

Вот теперь — всё.

Пекка ПЕСОНЕН
(Финляндия)

ПАРОДИЯ В «ПЕТЕРБУРГЕ» АНДРЕЯ БЕЛОГО

«Петербург» Андрея Белого — пародийный роман. Способ повествования, персонажи, мифы, темы и содержание его — пародийны.

Элементами пародии являются имена персонажей и названия мест действия; внешние и психологические черты героев, само действие, исторический, литературный и автобиографический материал, картины и модели мира. Все в романе включено в эту игру, ничто не остается вне ее.

«Игра ума» как метафора, господствующая в ткани романа, придает тот шуточный и игровой характер пародии, о котором немало писали исследователи. В «Петербурге» читателю как бы дается возможность осознать сам процесс повествования и его фиктивный характер благодаря ярко выраженному отношению самого повествователя к изображаемому.

Художественное произведение, обращаясь к уже «рассказанному», созидает его по-новому. В этом процессе с помощью пародии и игры воссоздается атмосфера постоянных метаморфоз, которая является господствующей в мире «Петербурга».

М. Бахтин подчеркивал формирование амбивалентного, двухголосого слова в «мелких эпических жанрах», в его пародийном, ироническом и сказовом использовании. По Бахтину, именно в них происходит «социальная типизация полифонического слова». Каждое слово принадлежит кому-нибудь — общезначимых слов (в высшем смысле) нет. Существенными являются прежде всего образ говорящего и речевая ситуация. Первостепенность точки зрения говорящего как бы «уничтожает прямое слово». Пародийная амбивалентность, комически подчеркнутая противоположностью поведения и речи повествователя, — именно это делает полифоничными и открытия «картин мира» и персонажей «Петербурга».

Бахтин подчеркивает «веселый обман», при котором к прямому слову относятся с недоверием к силе слова как та-

ковой. «Употребитель» слова может делать им что угодно — и ставить тем самым всё (и себя самого) под вопрос.

Этот взгляд в целом противоположен теории «магии слов», которую А. Белый постоянно развивал в своем теоретическом творчестве. В своих теориях он верит в слово как таковое, подчеркивая магическое значение его творца. Но в своем художественном творчестве — особенно в романе «Петербург» — он сам пользуется зависимым от «употребителя» и ситуации, «обманывающим», амбивалентным, полифоническим словом, которым проверяет те истины (и идеологии), на которых, в сущности, построена вся игра. В повествовании Белого слово героя о себе самом и авторское слово о герое (терминология М. Бахтина) совпадают. Происходит бесконечный разговор, переключки, взаимосвязь «разных» авторов-повествователей в одном лице.

Амбивалентность, выраженная пародийной полифонией, подчеркивает своеобразие тех различных элементов повествования, из которых рождается сам текст. Текст, построенный на материале других текстов, «заимствованный», он состоит из скрытых «цитат». «Петербург» является в высшей мере интертекстуальным романом, особенно если «текст» понимать широко, как охват и литературного, и не-литературного материала.

Пародийность выражена в «Петербурге» прежде всего «цитированием». Пародия является полемикой и игрой в отношении к традиции — и к литературной, и к исторической. Цитаты в «Петербурге» в то же время «мифологичны», интертекстуальны, именно в них выражено бахтинское «чужое слово». Цитаты и создают господствующий в романе диалогизм: полемику с традицией.

Пародию вообще можно определить как особый вид цитирования, если под ним понимать такое повествование, в котором заметен след другого текста. Пародия при этом выражает текст как знак, а подтекст как модель, обладающую «структурным авторитетом». Только синтез двух текстов является знаком разрушения этой модели. Андрей Белый стремился именно к этому — к соединению разных моделей в одну собирательную и окончательную, но это «единство» реализуется в романе «Петербург» сложным, амбивалентным разрушением и «новой сборкой» исходных моделей средствами пародии.

По М. Бахтину, «в пародийном слове сходятся и известным образом скрещиваются два стиля, два языка...» Они

находятся в иерархическом отношении между собой. В пародийном тексте подтекст переоценивается и становится двухголосым, амбивалентным. По Ю. Лотману, пародия «любопытный и редкий пример, в котором подлинная новаторская структура находится вне текста, и отношение ее к структурному штампу выступает как внетекстовая связь, как отношение автора к текстовой конструкции».

Пародийное отношение к подтексту является полемическим и острающим. Таким острающим фактором можно считать «чужие слова». В романе «Петербург» «чужие слова» есть и в прямой речи повествователя, и в словах разных персонажей. Они образуют тот идеологический спектр, который острают «чужим голосом», с которым полемизируют и который оценивают. Пародия часто дает противоположную оценку тому материалу, который он затрагивает и цитирует. В «Петербурге» оценка не всегда является противоположной — ее часто вообще трудно заметить — существенным является использование пародии для создания амбивалентности, которая уже сама по себе является полемической. «Петербург» интертекстуален в отношении не только к другим текстам, но и к их контексту, и к пространству определенных культур. Пародийность здесь связана со значением другого, цитируемого произведения. Таким образом, анализ романа «Петербург» становится не столько изучением источников и влияний, сколько выявлением разных кодов и их употребления.

В «Петербурге» интертекстуальность выражена ярко. Подтексты можно находить всё более глубокие. Чаще всего они выражены пародией и имеют особое значение в структуре текста.

Каждое употребление слова в ином окружении или контексте является частичной переменной значения. В пародии всегда сохраняются оригинальные черты подтекста — она ведь является «цитатой». Но перемена эта происходит лишь во второстепенных чертах. В пародию всегда включены и черты из «контекста» самого подтекста. Она не только структурное, но и идеологическое явление. Речь идет лишь о новом толковании. От обычной цитаты пародия отличается своим «двойным голосом», который всегда «оценивает». У А. Белого подчас трудно определить разницу между пародийной и обычной цитатой, но можно со всем основанием утверждать, что и все интертекстуальные отношения в романе выражены пародийно.

В «Петербурге» это же касается и стилизации. Стилизация разных писателей у А. Белого во многом «сделанная», по определению Тынянова: она является не имитацией языка, а игрой с ним. И стилизация, и пародия живут как бы «двойной жизнью»: «За планом произведения стоит другой план, стилизуемый и пародируемый. Но в пародии обязательна неувязка обоих планов, смешение их...» При стилизации этой неувязки нет, а есть «соответствие друг другу обоих планов». В стилизации можно заметить первый шаг к пародии. Комически мотивированная или подчеркнутая — она становится пародией. Это отражается в манере Белого использовать и имитировать манеру повествования Гоголя и Достоевского. Пародия стиля совпадает с тематико-идеологической пародией.

Пародия господствует на интертекстуальных уровнях романа «Петербург». Она — основной признак его «аллюзивного метода». Поэтому цитаты у Белого никогда не являются прямыми.

Цитаты и параллели в «Петербурге» всегда «искажены» иронией. Они ставят под вопрос изложенное или придают ему другой смысл. Характер цитат часто фарсовый. Каждая сцена романа расширена цитатами и «перевернута» пародией. «Смех над всем» господствует на всех уровнях. Частью пародийности персонажей романа является и их «цитатная жизнь». Персонажи «Петербурга», может быть, более «произведены» из литературных стереотипов и моделей, чем психологически мотивированы. Их существование литературно обусловлено и пародийно подчеркнуто.

Герой, который с точки зрения автора и читателя выступает в «роли дурака», есть как таковой (по Бахтину) чрезвычайно полемический и диалогический образ; «своим непонимающим присутствием он остраивает мир социальной условности», его обманывает, ставя под вопрос, мир своим существом и своей «бессмысленной деятельностью». Как пародированный «дурак», он ищет свое «слово» и ставит выраженные им слова в ткань тематического и идеологического повествования романа. У Белого пародийность и ориентация на «чужое слово» соединяются таким же образом, как (по Бахтину) у Достоевского. И именно элементы полемического диалогизма реализуют полифоничность повествования.

С помощью средств интертекстуальности рождается, кроме «двойного освещения» подтекста, и полемика с той традицией, которая является исходным контекстом. Можно

сказать, что пародия рождается из единства подтекста и существующего вне его, чужой, оценивающей точки зрения.

Пародийный текст открыто осознает этот процесс: он выражает свою «литературность» (термин Р. Якобсона). Он является саморефлектирующим и самосознающим, в том значении слова, которое дает Р. Алтер. Пародия является основным средством такого типа «самосознающего» романа. Напекающие имена, игра слов, стилизация, которые типичны для «Петербурга», являются в этом главными средствами.

Их можно рассматривать как полемику с реализмом, и не столько с направлением, сколько с формой. Изображенная действительность формализуется, становится кодом. Доверие к самой действительности уничтожается. Законы такого фиктивного мира объявляются открыто. Пародия делает относительным все изображенное. Она связана лишь с этикой игры. Повествователь создает мир, который нельзя сопоставить ни с чем реальным. Он прежде всего «карикатура писателя», фиктивного автора, который сознательно стремится к «затуманиванию» границы меж произведением и действительностью. Обращения типа: «Автор!», «Читатель!» и комментарии к тексту являются типичными для такого рода пародийного изображения.

Ориентирующая на интертекстуальность, пародийная, самосознающая фикция основывается на симультанности (одновременности восприятия). Она дает возможность сразу видеть множество значимых миров и «жить» персонажам и идеям в этих мирах одновременно.

С помощью пародии Андрей Белый реализует в романе «Петербург» свое сложное теоретическое и идеологическое развитие.

А. Стейнберг видит в «Петербурге» разные типы пародий: 1) стилизацию (гоголевский сказ, стиль бульварных журналов); 2) жанровую (конвенции романа); 3) структурную; 4) пародию сюжетную (романы Достоевского); 5) пародию известных диалогов; 6) пародию мифологических образов; 7) пародию музыкальных образов и мотивов. Список можно продолжать, но самое существенное то, что с помощью всех этих элементов создается двуплановая, амбивалентная точка зрения на изображаемую действительность.

По А. Стейнбергу, Белый стремится пародией к: 1) снятию маски со своего героя; 2) минимизации эмоций в напряженных моментах; 3) автопародии; 4) открытой полемике с определенным писателем, композитором или самим со-

бой; 5) связи разных частей своего романа и созиданию целостной собственной картины мира.

В этой картине мира объектами пародии становятся отправные точки собственного мировоззрения А. Белого, учения Вл. Соловьева. И. Канта, Р. Штайнера. Образы Антихриста, Христа и Софии Премудрой пародируются в такой же мере и таким же образом, как и остальные литературные прототипы. Автопародия является типической чертой в художественном творчестве А. Белого с самого его начала. В романе «Петербург» она достигает кульминации.

Именно в отношении к чужому тексту, а также «собственному» как «чужому», выявляется сила пародии «Петербурга». Она становится новым приемом «самосознающей иллюзии». В этом отношении А. Белый усиливает понимание русскими формалистами «литературности» как главной силы художественного текста. Художественное произведение получает свою силу в контексте других произведений. Оно всегда находится в полемическом отношении к традиции. По Тынянову, «каждая литературная цитата» (он говорит о «литературной традиции и преемственности») является борьбой за «уничтожение старых совокупностей и перестраивание старых элементов»:

«Пародия существует постольку, поскольку сквозь произведение просвечивает второй план, пародируемый; чем уже, определеннее, ограниченнее этот второй план, чем более все детали произведения носят двойной оттенок, воспринимаются под двойным углом, тем сильнее пародийность».

Варьирование своих и чужих текстов является, т. о., центральным в литературной эволюции. Она «совершается не только путем изобретения новых форм, но и путем применения старых форм в новой функции».

Цитирование всегда является борьбой, и пародия — ее оружие.

ЛИАНОЗОВО

То ли это была Лианозовская школа, то ли Лианозовская группа, во всяком случае ее теперь называют и так и так. Но для меня, для моих друзей Оскара Рабина, Игоря Холина и еще небольшого кружка молодежи в те 40—50-е годы еще ничего этого не было. Был наш Учитель — Евгений Леонидович Кропивницкий — поэт и художник, который вместе с женой Ольгой Ананьевной Потаповой и дочерью Валей проживал в так называемом Райцентре на Долгих Прудах по Дмитровскому шоссе. Они жили в двухэтажном бараке, в белой аккуратной горенке, там как раз хватало места для печурки, лавки с ведрами (воду приносили с улицы), двух кроватей, сундучка, полки с книгами и стола с двумя стульями. Дочь Валентина, по-моему, спала на раскладушке. Сын Лев сначала был в армии, потом — в концлагере. Мы, ученики, если приезжали компанией, располагались кто на чем, на кроватях тоже. Сырые дрова в печурке не хотели разгораться. На них плескали керосином и чайник вскоре закипал. Пили чай, водку, читали стихи, разглядывали новые картины и рисунки. Во всей этой бедности был какой-то особенный уют, благородство общения, культ искусства.

Приезжали художники, из них — Коля Вечтомов и Володя Немухин, белокурая Лидочка Мастеркова, тогда еще нащупывающие каждый манеру своего письма. Потом приехал оригинальный поэт Всеволод Некрасов (его стихи уже печатались в «СОЛО» № 2), который стал аккуратно ездить к старику. А уж совсем после, в конце 60-х, из Харькова явился Эдичка Лимонов и тоже стал наезжать к Евгению Леонидовичу. Вообще, у него бывали многие; для нас, юных, влюбленных в жизнь, увлеченных творчеством, — это был магнит. Из-под сократовского, если хотите, лба — зоркие, синие глаза внимательно разглядывали вас в глубину, к уху подносилась ладонь — и вас слушали, слушали! — что было тогда немаловажно. Но и хозяина можно было послушать, он обладал даром прирожденного педагога. Стихи его были свежие, с натуры — конкретные, ироничные, сдержанные, примитивизм в них применялся как прием. Оголенность нашего быта и бытия («Оголенность» — цикл его картин), бараки,

барачные жители, порочные девушки Подмосковья — были обычные темы его стихов и картонок. Это было ново, это было непохоже на заказную официальщину, безликую сентиментальную тягомотицу. Этому хотелось следовать.

А вообще это был, возможно, последний подмосковный философ, который, как Мандельштам, всю жизнь держал только немного, самое необходимое. Учитель напоминал мне средневекового китайского поэта, пожалуй. Он говорил: «Жизнь — бред, мир — балаган». Да так оно и было в середине этого бредового двадцатого века, который, слава Богу, кончается.

Иногда мне кажется, будто мне приснился сон — сбивчивый, со множеством разных лиц и событий. А теперь, пробудившись, вижу — многие исчезли, покинули меня — там, во сне...

Но ведь что-то осталось. Да, осталось на холстах, картонках, на листах рукописей. Живой интерес к жизни разной, скорее — некрасивой и несправедливой. Многоголосье города, затаенная во тьме Россия... Было страстное желанье выразить весь этот Божий мир по-своему, своими найденными средствами — пусть даже в диссонансах, не разрешающихся в гармонию... Гармония и одновременно внутренний разлад пришли потом. Но тогда еще было некогда, еще было рано, еще империя давила всей своей мощью, потому мышцы побойцовски напрягались...

Да, а как же Лианозовская школа, Лианозовская группа? На две остановки ближе к Москве, чем Долгопрудная, в поселке Лианозово, в бараке жил мой друг и художник Оскар Рабин со своей женой Валентиной Кропивницкой, зять Евгения Леонидовича. Я тогда вернулся из армии и снял комнату, чтобы быть рядом.

В Лианозово стали ездить многие в те 50—60-е годы — из Москвы, из Питера. Называйте всех художников и поэтов того периода (стоящих, конечно), начиная с Бродского, Битова и Зверева, — не ошибетесь. Примыкала к ним еще и компания Хвостенко, и «васильевцы», в том числе и поэт Геннадий Айги. Дружили с нами и «сексуальные мистики», так именовала себя группа с Южинского переулка, где жил тогда их Учитель — Юрочка Мамлеев. Кружки пересекались и сливались. Но были особенно близкие, как поэт Ян Сатуновский, который однажды приехал в Лианозово, посмотрел картины Оскара, послушал наши стихи и так обрадовался, будто наконец нашел близких родственников, которых искал

всю жизнь. Помню экспрессивные холсты Калинина, Целкова, могучие скульптуры Эрнста Неизвестного... «Я список кораблей прочел до половины...» Все не назовешь, всего не упомянешь. Несмотря на пристальное внимание властей придерживающих, круг рос и ширился. Обозначу, в общем, всё это так: школа была Евгения Кропивницкого, а группа Лианозовская, то есть московская.

Генрих САПГИР

Евгений КРОПИВНИЦКИЙ

ДОМ

Дом. Он серого цвета.
Этажей — ровно два.
Если теплое лето —
Окрест дома трава.

Но зимою холодной
В нем и сырость, и хлад.
Для зимы он негодный
Ибо крив и покат.

В нем живут и зимою —
Голытьба в нем одна.
В щели воеет пургою,
В дырки зимка видна.

И зима лишь начнется —
Начинается мор:
Тот да тот вдруг загнется,
Хотя жил до сих пор.

Плохо нищему люду:
Холода мода — зло.
Ерзай, зябни, покуда
Не настанет тепло.

А тепло как настанет —
То другой разговор:
Сразу весело станет
И окончится мор.

ШЛАГБАУМ

Шлагбаум не закрыла... зевнула...
Черт вылез из печки, кургуз;
Хихикнул — и видит: заснула...
К шлагбауму ж шел автобус.

И поезд к шлагбауму подходит...
Хихикает пакостный черт;
Под носом у спящей проходит
И корчит ей тысячи морд.

Но спит она крепко и сладко:
 Ей снится Рудольф — ухажер...
 Черт дьявольской дрыгнул присядкой
 И смылся — как вор.

И в самое это мгновенье
 Раздался под окнами звон...
 Вскочила она в удивленьи,
 Пропал ее сон.

Вскочила. Все поняла... Поздно!
 Дрожала. Стонала от слез...
 Дышал над автобусом грозно
 Большой паровоз.

Кровавую видела кашу...
 Разбитый в крови автобус...
 Схватили... (Ее звали Маша.)
 А черт так и сгинул, кургуз.

РАКИ

В одном из трех барачков
 Ютились: Федор Раков
 И Николай Бараков.
 Они ловили раков.
 Они варили раков.
 И Раков, и Бараков.

Но черные от века
 (О зверство варки!) — раки,
 Стыдясь за человека,
 Краснели, словно маки.
 Сугубое мученье:
 Смерть через кипяченье!

У забора проститутка,
 Девка белобрысяя.
 В доме 9 ели утку
 И капусту кислую.

Засыпала на постели
Пара новобрачная.
В 112-й артели
Жизнь была невзрачная.

Шел трамвай. Киоск косился.
Болт торчал подвешенный.
Самолет гудя носился
В небе, точно бешеный.

1944

Его поймали и лупили
На перекрестке у ворот.
И кто они такие были,
За что словили и избили
На перекрестке у ворот?

А та, которая встречалась
На перекрестке у ворот,
Та, что ему в ночи отдалась,
Теперь от смеха содрогалась
На перекрестке у ворот.

1945

ЗИМА

1

Опять снежок посыпал
За матовым окном.
Сосед мальчишке всыпал,
Наверное, ремнем.

И вот орет мальчишка,
Орет, орет, орет...
А за окошком — ишь как —
Метелица метет.

2

Зимний холод нестерпим,
Топят печи, валит дым.

Если печи не топить,
Невозможно станет жить.

В результате — каждый кров
Пожирает массу дров.

1946

СТАРИЧОК

Тараканов поморил,
Предложив буры им съесть.
Да сигарку закурил —
Табачок в коробке есть.

Хмур осенний небосклон.
За окошком тишина.
Чу! — церковный перезвон,
«Память вечная» слышна.

Ничего, что старичок,
Ничего, что светит плешь. —
Есть картошка, чесночек:
Захотел — сварил — и ешь.

1943

СМЕРТЬ

Все бренно, все не вечно
И дан всему предел.
Но мы живем беспечно
Среди обычных дел.

Мы ссоримся и спорим,
Мужей меняем, жен,
Выдумываем, строим
И лезем на рожон.

Мы страстно ценим вещи:
 Комод, бюро, матрац,
 Пластинку, чашку, клещи...
 Вдруг смерть по шее — бац!

1946

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Все это только для живых,
 Все для живых — и только!
 А мертвые? — не спросят их, —
 Что, как они? — нисколько, —
 Нисколько дела нет до них:
 Вот помер, ну и только.

Живым и то, живым и се,
 А мертвые ни то, ни се,
 Отнимут и могилу.
 Живой народец удалой —
 Разроет — вышвырнет долой —
 Плевать, что это жило —
 Другим нужна могила.

1950

Ян Сатуновский был другом поэта Обалдуева, близким знакомым Виктора Шкловского, сам, можно сказать, явился оттуда — из конструктивизма. Но родственных душ, как он сам рассказывал, как-то не встретил. И когда Бугаевский (был такой переводчик и поэт) притащил его к нам в Лианозово и он увидел барачные холсты Оскара Рабина и услышал наши барачные стихи, он так обрадовался, будто действительно нашел близких родственников. Поэт Ян Сатуновский писал стихи, не похожие на стихи: ритм разговорный, ассонансы глубоко запрятаны, рифмуются слова, которые по всем правилам не должны рифмоваться, но — почему-то рифмуются. Большая тонкость построения, наследство конструктивистов.

(Г. С.)

Ян САТУНОВСКИЙ

... расстрелян Николай,
сыпняк на всем на свете.
«Пролетарий, на коня!» —
написано в газете.

С каждым днем все ближе...
Что ни день, то ниже...

... да, видит Бог,
что надо прощать,
когда слабó,
когда нет сил отмщать...

Хмурый денек, снулый,
и вдруг
солнышко показалось!
Нет, это тебе показалось...

... он для красного слова,
да нет, для словца —
вплоть до Господа Бога,
ну да, все продаст...

Возле клуба имени Карла Маркса
стоит еврей 1818 года рождения.

... теперь из ссылки,
с могильной шахты —
на перетырку,
на пересадку.
В лице ни кровинки —
Зинка Саввина
прелестна,
как прелюд Рахманинова.

Прелестная утренняя Москва,
и каменные дома,
и красный трамвай!
Я хожу по Москве весь в пуху.
как на старости лет некий Фет,
и готов я продолжить свой путь,
хоть и зыблюсь весь, и трепещу.

Лев Кропивницкий — художник экспрессивный, европейского склада, но с российским размахом и энергией. Психологичен. Стихи его тоже отличаются экспрессией и герметизмом. Пожалуй, это самый герметичный поэт среди нас, открытых; там темная глубь, где шевелятся, мерцают плотью стыдные облики подсознания, фантастические сочетания слов. Но то пришло позже — к 70-м. А здесь — начало. Естественно, как и все остальные, ироничен.

(Г. С.)

Лев КРОПИВНИЦКИЙ

Хочешь отдыха —
Ринешься
И помчишься.
В глазах рябит.
А удар! — Ха-ха!
По всем швам
Разрубят.

Но вам —
Размятым,
Разутым,
Распятым
Стать —
Не по праву,

Речь —
 Не поплавать,
 Спать —
 Не поправля,
 Бить —
 Не прославив.
 Быть —
 Стыть.

А отдых? —
 Отдыхай.
 Дуй в меха.
 Смажу. По уху.
 Что есть духу.

МУДРОСТЬ

В своем плане
 И — крошечный.

Ничего не просишь,
 А знаешь:
 Нельзя без паники.
 А знаешь:
 Ты знаешь,
 А знать нельзя.

Смотри назад —
 Видишь —
 Они какие —
 С башню,
 С высотный дом,
 С паровозный гудок.
 Конечно, страшно —
 Значит: так.

Ну вот: уходи —
 В страницу книги,
 В серую извилину
 Взмыленную.

Видишь светофор —
 Ты миллионер.

А шпагу
 Отнеси по первому снегу
 Другу.

И в дорогу.

Должен —
 И должен.
 Попадешь в яму.
 Дальше — дальше.
 Доставят к нему.

Отчет?
 Нет.
 Ответ?
 Нет.
 Развернешь знамя —
 Смешно самому.

Он,
Зная,
Что горды,
Не слышит.
По тому самому
Не хочет знать.
На каждой морде
Есть знак —
А как же?
Ведь ты считал,
Что хороший,
Все счёта
Рассчитал
С пересчетом
До гроша.
А он —
Еще.
У каждого —
Голова.
И место
Над головой.

Ощущай счастье —
Там пусто.
Это здорово —
Здоров.

Но я не знаю.
И ты не знаешь.
Никто не знает —
Не даст знака:
Скажет —
Не узнаю тебя.

Выпьешь — заешь.
Это не поза:
Не глядишь —
Не увидишь.

Удивишься,
Когда уже поздно
Будет удивляться.
И некуда уклониться.

Когда место
Не будет пусто.

СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Хочешь — пусть.
Зачем мараться.
Не нравится.
Не надо.

Кому?

Хомут — омут.
Омут — опыт.
Опыт — обет.
Обет — оплот.
Оплот — хомут.

Хомут —
Хохма.
Только.
А зачем?

Зачем мараться?
Лучше выкупаться.

Дмитрий Савицкий изначально городской и трепетный, сначала — поэт, затем — прозаик. Дмитрий был красив, ему шло быть влюбленным и непонятым, мучающимся от того, что любит и любим. Но ведь еще все время что-то брезжило за всеми нашими отношениями — мучительное и непонятное. И, конечно, нашу Москву мы воспринимали, как античный миф, как средневековые влачащиеся потоки грешников в аду.

(Г. С.)

Дмитрий САВИЦКИЙ

ДЕСЯТЫЙ КРУГ. ДАНТ В МЕТРО

I

храбрый Вергилий со мной
спускаясь в метро
за руку держит
но сердце мое в перепуге
мрачные толпы пред мной
вереницей ползут
лестницей движутся длинной
и молча вздыхают
мрамор я вижу
сандалии громко стучат
в жерлах туннелей ревет
полунощное пламя
статуи замерли вдоль
разукрашенных стен
дева с лопатой и юноша с
медным ведром наклонившись

но уже дальше Вергилий меня
увлекает
рот зажимает мне
крик не пускает на волю
как описать мне чудовище это
сверлящее мозг?

лучше молчать не тревожить
безумную память!
толпы рванулись из лязгнувших
напрочь дверей
девы невинные юноши старцы и
ведьмы
тяжкие мысли лежали у всех
на челе
общеею маской печали и страха

в тень колоннады меня
оттащил проводник
он «Энеиду» сложивший
шептал мне на ухо:
мрачен аид всякий попавший
сюда
черные мысли уже никогда не
прогонит
видишь ту деву смущенную что
на скамье
голову пышную юноше клонит
на грудь?
это Зиона несчастного
третья дочь
с белоголовым из дома сбежала
героем
странствуют так они долго уже
под землей
пьют из случайных источников
спят согревая друг друга

я же не мог оторвать свой
растерянный взгляд
от ускользающих складок
пурпурного платья
кто эта женщина? я спросил
и учитель сказал
но налетел этот вихрь этот
смерч
и украл все слова у Вергилия
мы же зайдя в жестяное нутро
дальше рванулись
и дрожь моя стала заметней

II

зала другая предстала усталому
взору
в грохоте адском со свистом
исчезла змея
в черной дыре
только синее пламя осталось
дальше все дальше учитель меня
направляет
вазы вдоль стен без цветов и
лепные узоры
крепко свиваясь ползут по
раскрашенным аркам
мы ж по ступеням все ниже и
ниже идем
бледные тени за нами бегут
наклонившись
толпы снующих глухо одетых
людей
род горожан пораженных проказою
в сердце
навек здесь обречен
большую времени часть проводить

скорбь мне сдавила ладонями
горло
лучше бы я простоял год лицом
к стене
чем наблюдать этот топот
копыт эту давку
девку визжащую
мальчика с хитрыми рожками
так я подумал но спутника
плащ ускользал
ужас меня охватил и я прыгнул
через десять ступеней
но промахнулся и в юбки
торговки попал
той что неслась наклонившись
по лестнице вверх
с тяжким мешком на спине
смерть опалила меня

кислым ее перегаром
храбрый Вергилий вступился
и отнял меня у толпы
двери за нами сомкнулись
пол пошатнулся
и замелькали
в черных пролетах огни

III

в угол зажатые крепко
в свисте и реве неслись
спутник кричал мне на ухо
осилить стараясь
вой что страшней
одиссеевых древних сирен:
видишь вон ту оперенную
пышно и дико?
это гетера столетняя
ночи и дни проводила служа
Афродите
страшной болезнью ее покарала
судьба
медленно пламя гнилое ее
пожирает нутро
видишь как боль пробегает
лицо ее скорчив под
краской?
я же в испуге сильнее прижался
к учителю
этот же — он продолжал —
козлоногий
Бахусу служит и мозг его
выпит до дна
впрочем здесь добрая часть
горожан
ночи и дни в забытии пребывает
только сознание забрезжит
зальют его красным вином
мерзкого грязного сорта
видишь в углу
отрока сильно опухшего?
был он великим поэтом

пел и кричал нараспев и
смеялся
и бормотал кружевные слова
но отказался от вод Ипокрены
девы ему подносили то кубок
то чашу
Бахус обвинил его крепкой лозою
и Мнемозина оставила храм его
лба
полубезумен теперь и опасен
сей отрок
и Апполон от него отвернулся
в испуге

снова качнулись и распахнулись
двери
новые толпы ворвались и грудь
отдавив
стиснули так что душа моя чудом
сдержалась
сжатая в теле предельно
но мудрый Вергилий
плечи расправил
кого-то коленкой лягнул
«наглое племя» — промолвил
и воздух мне снова достался
(кстати о нем:
он был густ как туман
и клокотал как отравленный
сердце смущая)
деву какую-то крепко толпою
прибило ко мне
дева ничуть не смущаясь
к моей груди припадала
трогала складки одежды
и я умоляя глазами
друга просил от пытки избавить
меня
он же бессильный помочь
жирную тушу
сдерживал мощно чтоб выжить
бесы юлили рогами бодаться
и крылья шуршали

силы меня покидали
и дева вела недостойно
мрак на чело опускался...

Эдуард Лимонов всегда был честолобив и странен. Он был, если можно так выразиться, силен в своей слабости и последователен всю свою жизнь. Мне он напоминал героев Бальзака, Стендаля, этих молодых людей, приезжающих из провинции завоевать Париж. И что самое любопытное, ведь удалось, ведь завоевал... русскую словесность. И начинал тогда очень ярко, из стихов явственно выглядывала личность.

(Г. С.)

Эдуард ЛИМОНОВ

На улице идет Кропоткин
Кропоткин шагом дробным
Кропоткин в облака стреляет
Из черно-дымного пистоля

Кропоткина же любит дама
Так километров за пятнадцать
Она живет в стенах суровых
С ней муж дитя и попугай

Дитя любимое смешное
И попугай ее противник
И муж рассеянный мужчина
В самом себе не до себя

По улице еще идет Кропоткин
Но прекратил стрелять в облаки
Он пистолет свой продувает
Из рта горячим направленьем

Кропоткина же любит дама
И попугай ее противник
Он целый день кричит из клетки
Кропоткин — пиф! Кропоткин — паф!

Был вот и друг у меня
А теперь как скончался он будто
Нету друзей никаких
Я один на дикой земле

Только стараюсь внести
В быт свой некий порядок
Туфли почистить я взял...
Снова поставил туда...

Все-таки он отчего
Вдруг и покинул неясно
Что-то я тут не пойму...
Очень окутан предмет
Станным уму моему
Чувственным синим туманом...

Уж не завидует ли мне?...
... Что я! чему тут зави...

Только кухню мою вспоминаю
А больше и ничего
Большая была и простая
Молока в ней хлеба полно

Темная правда немного
Тесная течет с потолка
Но зато как садишься кушать
Приятно дивится рука

Гости когда приходили
Чаще в зимние вечера
То чай мы на кухне пили
Из маленьких чашек... жара

А жена моя там стирала
Около года прошло
Все кухни мне было мало
Ушла она как в стекло

Сейчас нет этой кухни
Петр Петрович приходит ко мне
Сидит в бороде насуплен
Нет говорит кухни твоей

Ну, Генрих Сапгир мне знаком, можно сказать; знаю его с рожденья. Одно для меня удивительно: все время он меняется. Вот таким он, то есть — я, был тридцать лет назад.

(Г. С.)

Генрих САПГИР

О. Рабину

БОРОВ

Сидоров
решил резать Борова.
Боров
При виде Сидорова
Все понял —
Закричал от страха.
Побежал,
Волоча по снегу брюхо.
Сидоров — за ним:
— Убью,
Мать твою!..
Боров
Припустил вдоль забора.
Верещит отчаянно.
Удирая от хозяина,
Сало
Забежало

Во двор Егорова.
Сидоров и Егоров
Ловят борова.
Сидоров со свиньей
Разговаривает,
Держит нож за спиной,
Уговаривает:
— Мой хороший,
Мой родной..
Егоров по башке — поленом.
Хряк
Брык
В снег.
Сидоров прижал коленом
Брюхо.
В душу погрузил клинок,
Располосовал от уха до уха!
Вот как у нас!..
Кровь хлещет в таз.
И лежа в луже крови,
Похрюкивает боров.
Доволен другом Сидоров —
Помог ему Егоров.

1960

Льву Кропивницкому

ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ НОЧЬ

Пахнет пирогами. Тихо.
Прилегла и спит старуха.
Из-за ширмы вышел зять,
наклонился что-то взять.
Мигом сын вскочил с постели
И стоит в одном белье —
Тело белеет.
Вдруг
Зять схватил уютюг.
Хряк! —
Сына сбил с ног.
(Крикнуть порывалась,

Но пресекся голос,
Встал отдельно каждый волос!)
Зять глядит зловеще:
«А ну, теща, отдавай мои вещи!»
Надвигается на тещу —
И не зять, а дворник —
И не дворник, а пожарник.
За окном кричат: Пожар!
Запевают пьяный хор.
В багровом отсвете пожара
За столом пируют гости.
Зять сидит на главном месте.
Рядом с ним соседка Вера
Хлопает стаканом водку.
Зять облапил, жмет соседку.
Целовать! Она не хочет,
Вырывается, хохочет.
Зять кричит: «Женюсь, ура!
А законную жену
Из квартиры выгоню
Или в гроб вгоню!»
Галдеж: «Давно пора!»
В комнате все жарче,
Ярче.
С треском лопнуло стекло.
Дымом все заволокло.
Лица,
Глаза, разинутые рты —
Все проваливается...

В солнце половина комнаты.
На столе блюдо —
Пирогов гряда.
Сын стоит в одном белье.
Из-за ширмы вышел зять,
Наклонился что-то взять:
— Эх, погодка хороша!
— С праздником вас, мамаша.

ГОРОД ВОЖДЕЙ

В старом и туманном Санкт-Петербурге, в окрестных его болотах еще бродит зловещий призрак вождя.

Когда осенней хлябистой ночью идешь по его прямым бесконечным улицам, припозднившись, возвращаешься из гостей — и не знаешь, куда идешь — трамвая давно нет — машины, обдав тебя душем холодных брызг, с визгом проскакивают мимо — и уже кажется, что идешь совсем не туда и никогда не придешь, куда тебе надо — может быть и не надо уже никуда брести с башмаками, полными воды, а забраться сейчас в любой подъезд — подняться по темной лестнице на чердак и прикорнуть там среди сухого и теплого войлока и мелкого шлака до утра — пусть стучит, пусть грохочет, пусть гремит ржавым листом железо — не доберется — и уже совсем сворачивая не туда и понимая, что сворачиваешь не туда, вдруг где-нибудь на маленькой площади или просто в сквере, высоко над мокрым желтым кустарником увидишь силуэт человека с указующей вдаль рукой: вот, куда надо идти, — проблуждав так еще с полчаса и поняв, что все равно идешь наугад, выйдешь на маленькую площадку перед огромным домом, где опять — *он*.

В руку зажата бронзовая кепка — вождь уверенно показывает тебе дорогу, но в другую сторону — и чертыхаясь про себя, как бедный Евгений — ты ведь еще и принял водки в гостях — ты идешь в ту сторону — может быть он, как всегда, прав — и указывает верный путь, хотя бы к стоянке такси — но твой длинный путь под длинным дождем вдоль очень длинных желтых зданий (начала прошлого века) приводит тебя только к очередному двойнику, который указывает тебе путь своим указателем совершенно в другую сторону, где в тупике, уютно прислонившись к стене, стоит маленький, покрашенный серебряный вождь и показывает определенно — назад.

И так они водят, водят тебя по ночному пустынному городу — и кажется: никого живого, только они — памятники живут в нем и передвигаются перед тобой, чужим и едва терпимым — город кружится, как огромная сцена — то большой, то малый, то бюст, то торс (голову еще не поставили

или отбили) — то в руке кепка, на голове — другая; то малыш, одетый как девочка, то с характерным преувеличенным лбом — и ты, совсем растерявшись, присаживаешься на влажную решетчатую скамью — и вдруг обнаруживаешь себя лицом к лицу с Маяковским.

Сначала ты не веришь: неужели эта черная базальтовая голова — не его голова — тоже ведь лысая, как колено — но это-то Владим-Владимыча — а раз это голова Маяковского, то рядом улица Некрасова и твоя обитель — служебный вход в театр — на пятом этаже гостиница для актеров.

... И уже поднявшись, чтобы идти, я вижу под памятником какой-то черный ворох — ворох поднимается, под ним бледное личико не то девочки, не то старушки. Из-под вороха выпростывается тоненькая спичка-ручка (в свете фонаря блестит бутылка) — и девочка-старушка делает несколько глотков. Глотки длинные, как те здания начала девятнадцатого века, вдоль которых я шел. Она глядит на меня темными серьезными глазами — и я вижу, что она совершенно пьяна.

— Хочешь выпить? — предлагает она. И тут же без всякого перехода. — Дуфак, шифофреник, свистофуля (тут она назвала фамилию известного писателя), прогнала, пусть уфирается... уфетывает в свое Фомарово... Эфетрички, видите ли, не ходят... эфетно, эфетно... (нарочно или такой дефект речи? — не могу понять!) — и далее ее пузырящееся бормотание отодвинуло время назад — и я увидел себя перед дверью в Дом Литераторов, входящим вслед за этой странной парой: она и дуфак.

Мраморные ступеньки, закутки гардероба, тетеньки в синих халатах — все пыльное, полузабытое, вытасченное из какого-то реквизита — и, увы, продолжающее служить. И эти чудовищные, много пьющие посетители — Бог знает, что творится у них в мозгах — их тщеславие тоже из бабушкиного сундука, давно сложенная материя, пожелтевшая на сгибах, которая если и разворачивается, то для того, чтобы опять сложить ее в зеленый сундук, обитый крест-накрест жестяными золотыми полосками.

В тесной передней стоял — с каких времен? — Маяковский, особенно неповоротливый и большой — гипсовый. Почему он здесь стоял, никому не было ясно, да никто из писателей и не задавался этим вопросом. На дворе была советская власть, значит в холле стоял Маяковский, вот и все. Его так должны были не любить в этом доме, но он настоял

на своем уже давно — и все сделались более чем равнодушны. Его просто не замечали. И боюсь, скажи кому-нибудь из питерских: а как у вас там Маяковский в Доме Литераторов? — на тебя посмотрят с недоумением: какой Маяковский?

Я-то знал, он давно превратился в другого — в него. Он стоял там, как стоял на многих площадях и скверах — во дворе. И он стоял там в углу, у начала витой лестницы, привычно расставив ноги, держа руки как-то по-грубому в карманах или сжимая свою гипсовую кепку. И то, что он сначала был Маяковским, его нисколько не смущало — он был с самого начала такой же нахрапистый, авантюрный, не слышащий никого другого (кстати, отличительная черта), он был здесь на своем месте, как во всех других местах. С высоты своего роста (при жизни не так уж был высок) он мог теперь следить за всеми пробегающими лысынами и шевелюрами, этой скользкой литературной мелочью.

— Оглушить бы вас трехпалым свистом! — говорил вождь.

Но его не слышали, потому что слушали и слушали только себя — и пробегали в мутный зал бывшего дворца, пахнувший давно едой и пластиком, — к вожделенной выпивке.

Кстати, мы с девочкой-старушкой допивали ее бутылку и как-то отрывочно общались, тоже не слушая друг друга под черной гладкой головой — уж теперь не скажу, потому что не уверен — Маяковского ли? — да я бы не соблазнился: горло пересохло под этим бесконечным дождем...

Рассказывают, что призрак вождя видали девушки на болотах — по клюкву ходили (говорят, где-то еще растет — радиоактивная), призрак шалаша видели тоже. Двух подружек (я слышал) завел вождь прошлой осенью в глушь и хлябь — и утопил. Бедные девушки, уж и метались, и бросались от осинки к осинке, а он им все призрак шалаша подсовывал: вот мол, и дорожка верная — к шалашу моему ведет, только шалаш этот — дьявольский мираж и дорожка тоже — как ступишь — в черное, бездонное провалишься — и уж не докричаться, не дозваться — засосет, сладострастно затянет — он и при жизни такой был: заманит, закартавит, заговорит — докажет парнишке, что ему умирать за что-то необходимо, что умереть ему хочется, что умирать это правильно — и все рукой показывает: туда, туда идти, там уж точно тебя убьют...

ТЬФУ, ТЬФУ, НЕЧИСТАЯ СИЛА!

Игорь Сергеевич Холин — очень самостоятельный поэт, даже наружность его соответствует творчеству. Стихи очень экономны, все только самое нужное; часто остроумные и всегда современные — вперед в будущее. Но вот его проза конца 60-х. Это отрывок из романа «Кошки-мышки», который сам по себе составляет отдельный рассказ вроде повести о капитане Копейкине. Роман еще нигде не напечатан. Стихи только начинают публиковать в периодике, но в самиздате был известен многим...

(Г. С.)

Игорь ХОЛИН

БЕДНАЯ ЧЕРЕПАХА

(фрагмент из романа «Кошки-Мышки»)

Проснулся я в семь. Встать, хоть убей, неохота. Перевернулся. Полежал немного на другом боку. Убедился окончательно: больше не уснуть.

Мочевой пузырь разрывается на части.

Оооо!

Аааа!

Пузырь вздут, как воздушный шар. В сортир, однако, идти неохота.

Лежу.

Терплю.

Живот трещит.

Теперь вот мне уже 46 лет, а в уборную, как и в детстве, встать трудно.

Закрыв глаза, фантазирую: почему люди не изобрели до сего времени приспособления, чтобы не нужно было подниматься, встать, идти в коридор, а можно было бы совершать весь этот процесс не вставая, лежа в постели?

Уборная напротив.

Дверь в дверь.

Можно сбегать в одних трусах.

Утром (замечали?) чувствуешь себя полуживым, раздавленным, расчлененным на две половины.

Взаимодействие меж этими половинами отсутствует.

Голова диктует одно, туловище — другое.

Голова подает сигнал: «Вставай, надевай порты, рубаху, открывай дверь, открывай вторую дверь, входи в сортир, вынимай свою штуку, дуй в унитаз, чтобы струя звенела и пела».

Туловище, как бревно, ни-ни, ни одного движения, ни одного еле заметного шевеления.

Человек — мертв!

Мозг работает судорожно, импульсивно, с удвоенной энергией ищет выход из создавшегося положения.

Выхода нет!

В таком состоянии перевернуться на другой бок — проблема.

В постели тепло.

Удобно.

Уютно.

Все бугорки и ямки свои, боками обжитые.

Комната небольшая, 10 квадратных метров. Хозяйка старенькая, но интеллигентная: пенсию получает, комнату сдает таким, как я, — бездомным.

Прежде — секретарша у министра, теперь никому не нужна.

«Слава Богу, — говорила она, — министр Владислав Петрович похлопотал, дали вот эти две комнатки. Жить можно».

Старушка старенькая, подслеповатая порядком. Старенькая старушка, но живая: топ-топ-топ, потопала на кухню, топ-топ-топ, в ванную, топ-топ-топ, покатила в магазин.

В квартире слышимость идеальная. Слышно все: что делается на кухне, что в ванной, что в уборной.

Люди привыкают и перестают стесняться друг друга.

Другая соседка, молодая, частенько в туалете не закрывает дверь на задвижку.

Нарвешься, когда она пускает струю, забравшись с ногами на толчок и вывернув свое волосатое лоно, только вскрикнет, а дверь не запрет.

Плату старушка с меня берет умеренную, всего 30 р. То, что она несколько глуховата, мне на руку. Не подслушивает, когда приходят гости.

Мне она не надоедает.

Заходит один раз в месяц, чтобы получить деньги за постой

Мне кажется, что Автора несколько коробит от моего слишком натуралистического рассказа. Он поторопился пред-

ставить меня неким литературным героем, который не ест, не пьет, за женщинами не утрепывает. А я живу, как все, без романтических бредней. За молодой соседкой подсматриваю, когда она в своем драном халате с одной пуговицей на животе выскакивает на кухню. Халат, между прочим, она надевает прямо на голое тело.

Весьма эротичная особа. Кажется, прямо бы на кухне повалил ее на линолеумный пол... Догадывается, бестня, что нравится, норовит нарочно так повернуться, чтобы все тело обнажилось до самого пупа!

Проснулся я в семь.

Уборная рядом. Слышно, как булькает призывно унитаза. Звуки далеко не музыкальные.

А мысли сами лезут в голову, как солдаты, продираются сквозь кущи, сквозь рогатки, которые я пытаюсь выставить на их пути.

Здравствуй!

Приперся 38-й год.

Был я в те времена юношей неотесанным, забитым. Ходил в заплатанных на заднице брюках.

Стыд.

Какие тут девушки!

Танцульки!

Голый стыд.

И голая задница.

Однажды знакомые ребята постарше затащили в пьяную компанию.

Девушка подсела.

Уже опьянел.

Не соображаю, что делаю, принялся обнимать ее, целовать. Все смеются надо мной. Над тем, как я все это делаю неумело.

Оказались вдвоем в беседке.

Только у меня ничего не получилось. Остался невинным, несмышленным мальцом.

С другой — в Костроме.

Уже во время войны, в 1942 году.

Успел побывать на фронте.

Получил свою пулю. Хорошо, что в руку.

Отморозил обе ноги. Чуть не отрезали. Но все обошлось.

Госпиталь.

Запасной полк.

Курсы для офицеров «Выстрел».

Не очень приятные воспоминания, скука смертная. Ходили полуголодные.

Потом учебная бригада в лесу. 20 км от Костромы.

Познакомились на переправе через Волгу.

Она — матрос на пристани.

Несколько пристальных взглядов, несколько случайных слов. И — знакомство состоялось.

Некрасива.

Это увидел сразу.

Приземистое, нечистоплотное существо.

Что поделаешь? Влечение огромное. На козу полезешь.

Эта лошадка быстренько обучила меня всем нехитрым премудростям любовных утех.

Жутковато без привычки, неприятно, хочется рвануть от нее, куда глаза глядят.

Затем привыкаешь, втягиваешься.

Ужасно — если женщина нечистоплотна.

Первый раз, после свершившегося, удрал в окошко. Она на кухню, а я — вниз. Едва не сломал ногу.

Через неделю — снова у нее. Простила после небольшой перепалки.

Потом я приятеля прихватил.

Подыскал подружку и для него. Та — постарше, но малость посимпатичней.

Завертелось все, закружилось.

Вакханалия.

Ходим голыми по квартире. Забыли уже, кому из нас которая принадлежит.

Форменное скотство.

Так, впервые в жизни, я увидел нагое женское тело на 22-м году жизни.

Вскоре и меня, и дружка отправили на фронт. Кто-то донес, что шлялись в город к полюбовницам. Так и написали: «Шлялись к полюбовницам».

Да, впрочем, мы не горевали. Сами были не прочь улизнуть из этого «милого» города, хоть в пекло.

Про этих рабочих скотинок больше не вспоминал. Теперь вот только вспомнил. Всплыло в сознании все тогдашнее. Лица у этих женщин в картине воспоминаний — плоские, как деревянные лопаты: ни глаз, ни носов, но тела — грудастые, жопастые, сильные и молодые.

Все мое существо восставало против подобной «любви». Потом, уже с годами, убедился, что, в сущности, все женщины одинаковы. А если и есть разница, то она микроскопически невелика.

Прежде, в юности, мне казалось, что любовь — возвышенное, неповторимое, исключительное чувство.

Спасибо тебе, костромская лошадка, за этот прекрасный урок!

Где ты теперь?

Может, еще жива?

Может, до сего времени вспоминаешь случайного лейтенанта, промелькнувшего, как неясное видение?

Тем, которые начинают жить с женщинами лет с 15, легче. Они привыкают ко всему, не вникая в суть.

Мне было 22.

Ждал чего-то особенного, а напоролся на обыкновенное скотство.

Третья — тамбовская.

Лежал в госпитале.

Пуля угодила чуть ли не в рот.

Раздробила нижнюю скулу.

Ранение — тяжелое, сопровождавшееся не менее тяжелой контузией.

Перед самой выпиской сижу в столовой.

Обедаю.

Полушутя говорю официантке, что деваться в незнакомом городе некуда: знакомых нет. Придется ночевать на вокзале.

Предложила свои услуги.

Во время войны нравы упрощены.

Не посмел отказаться.

Женщину эту тоже забыл, какой-то мелькает неясный образ в тумане времени.

Тамбов тоже забыл.

Пришел к ней.

А она отправила меня погулять. Какие-то дела у нее оказались в городе.

Предложила:

«Хотите, посидите дома; хотите — сходите в кино».

Выбрал последнее. Дома не больно охота одному.

Пошел в кино.

Перед сеансом танцульки.

Играет военная музыка.

Солдаты на сцене с медными трубами. Вдоль стены стоят девушки. Посматривают на музыкантов. В особенности на чернявого трубача. Чувствуется, что все влюблены в него до ужаса.

Танцевать я не стал.

Полагал себя не совсем окрепшим.

Трубачу девушки строят глазки. Кокетничают направо. На меня ноль внимания, хотя я офицер, лейтенант.

Трубач — чернявый, в новенькой, подогнанной по кости шинели. Шапка — ушанка, перекроенная под кубанку. Мода военного времени в глубоком тылу. Чуб вьется из-под этой кубанки. Знай наших!

Герой, да и только.

На мне — солдатская шинелька, местами пятна запекшейся крови, оставшиеся после ранения. В этой самой шинельке старшина мой и ординарец, дай Бог им здоровья, из боя меня раненого выносили на Дону. Снайпер, как тетерю, подловил, целил в лоб, а попал в скулу, в челюсть. Я в это время из бинокля рассматривал вражескую позицию.

Стекло блеснуло.

Паразит этот взял меня на мушку, и... Результат — несколько месяцев провел в госпитале.

Досталось моим спасителям.

Траншея — узкая.

Солдат в ней — битком.

Волокли по дну траншеи.

А неприятель лупит из минометов.

А я, как колода.

Дон.

Лед.

Кровь.

Мина — ах!

Пошли солдаты под лед. Не выплыть. Амуниция тяжелая, тянет на дно.

Декабрь.

Мороз.

Вода ледяная.

Больше одной минуты на поверхности не продержаться.

Лед хлипкий, а тут еще ахают мины одна за одной и тут и там,

бам,

бам,

бам!

В юности я был юноша застенчивый. Это теперь я обнаглел. В молодости боялся к девушкам подходить, робел и стушевывался.

А потом!..

Однажды в походе мы с помощником оказались у казачек. Напились сами и их напоили.

Девки — здоровенные. Завалились с ними.

Та, с которой пришлось мне, по голому телу перепоясалась веревкой из мочалы. Так и отдавалась. Не позволила снять.

Примета, что ли, такая?

Полк догнали на марше. Проснулись утром, а в станице — ни души.

Где полк?

Один старикан указал дорогу, куда ушли войска.

Командир полка — хороший мужик — в трибунал не отдал, отругал хорошо.

Как устроен мир? Сколько тогда всего происходило, сколько мелькало перед глазами людей, с которыми хлебали из одного котелка. Ничего не осталось в памяти. Одни эмоции.

Где вы, ребята?

Живы?

Здоровы?

Я рад, что сбросил с себя груз воспоминаний. Ну его к шуту!

Доброго вам здравия, дороге, позабытые друзья-однополчане! Потерло нас, покачало, побросало из стороны в сторону достаточно. Сколько крови людской, сколько крови-то утекло? Большого вам счастья, живые и мертвые!

Вы ведь, друзья мои, заслужили частичку счастья, не так ли?

Женщин потом в моей жизни было предостаточно. Были и те, которых любил, и любовницы на одну ночь.

Не очень-то прилично, понимаю, рассказывать о своих связях с женщинами, но что поделаешь, таковы свойства писательского ремесла.

Вот они:

1. Истеричка.

2. Неповоротлива даже в постели.

3. Приходила. Заводила радиолу. Раздевалась догола. Танцевала. Удивлялась, когда предлагал лечь в постель.

4. Всегда спешила.
5. Грязное белье. Волосы расчесывала редко.
6. Деловита. Все рассчитывала по часам.
7. Красилась так, что после нее в прачечной не могли отстирать белье.
8. Всегда опаздывала.
9. Алкоголичка.
10. Говорила каждый раз одно и то же: «Посмотри, какие у меня красивые ноги, милый!»
11. Родинка на правой ноге, возле самого бедра.
12. Изменяла даже с телеграфным столбом.
13. Говорила, что безумно любит мужа.
14. Считала себя интеллектуалкой. Когда-то прочитала роман Льва Толстого «Война и мир».
15. Допытывалась, что я говорю женщинам перед тем, как лечь в постель?
16. После соития прыгала минут 20, чтобы не забеременеть. Уверяла, что помогает.
17. Неизвестно для чего приходила.
18. Любила подарки.
19. Непомерно огромные груди. При всяком удобном случае выставляла их напоказ.
20. Что ни день, то новая прическа. К остальному относилась наплевательски.
21. Называла меня — Лапа.
22. Называла меня — Рыбонька.
23. Невероятно худа. Морила себя голодом.
24. Любила рассказывать, как ее любили предыдущие мужчины.
25. Умело приготавливала кофе.
26. Молчала.
27. Ходила нагишом по всей квартире, чем приводила соседей в неопикуемый ужас.
28. Не сводишь в ВТО — ночевать не останется. Ни разу не уклонялась от этого правила.
29. Приезжала только на такси. Представляете, во сколько мне это обходилось?
30. Ни за что не соглашалась раздеваться. Ложилась в постель в верхней одежде.
31. Любила выражение: «Я этого не понимаю!», употребляла его во всех случаях жизни.
32. Ела и пила за троих. В ресторан водить накладно.
33. Всем курортам предпочитала Гагры.

34. Спрашивала: «Ты еще меня любишь?»
35. Жила в высотном доме на 28 этаже.
36. Ходила во всем красном; называл ее: «Взбесившаяся Свекла».
37. За любовь старалась получить деньги. Иногда у нее это получалось.
38. Рыдала по делу и без дела.
39. Волосатые ноги.
40. Познакомились на «Плешке», возле метро «Площадь Революции».
41. О Федоре Михайловне Достоевском отзывалась так: «Он — ужасный иднот!»
42. Требовала, чтобы уходил от нее через окно. Хорошо, что жила на 1-м этаже!
43. Помешана на театре.
44. Зла, как кошка. Даже корябалась.
45. Кажется, любила пирожные «Эклер».
46. Крашенная блондинка.
47. Жена хорошего знакомого.
48. Кроме меня имела трех любовников.
49. Знала английский язык.
50. Танцевала даже в постели.
51. Ржала, как лошадь.
52. Об этой неприлично говорить.
53. Не могу вспомнить, что она любила?
54. Цистерна.
55. Вроде бы мы любили друг друга.
56. Близорука.
57. Невероятно музыкальна. Пела в самый неподходящий момент.
58. Никогда не оставалась ночевать.
59. Металлические зубы.
60. Приходила со своими простынями.
61. Уверяла, что впервые изменила мужу.
62. Что-то я от нее подцепил?
63. Дрянь, каких свет не видывал!
64. Если бы еще один горб, можно было бы сравнить с двугорбым верблюдом.
65. Любила стихи. Но ничего в них не смыслила.
66. Вozил в Ялту.
67. Требовала, чтобы разошелся с женой.
68. Украла часы.
69. Приглашала в «кабак».

70. Хотела иметь от меня ребенка.
71. Думала, что у нее красное тело.
72. Не знала, что я женат. Допытывалась непрестанно.
73. Сексуальная маньячка, пояснять неудобно.
74. Ругалась, как сапожник.
75. Всегда не хотела уходить. Приходилось выставлять силой.
76. Хозяйственная. Любила наводить чистоту и порядок.
77. Бешеная собака. Разговаривал при помощи палки. Изредка помогало.
78. Нежна до неприличия. Повторяла: «Можно я поцелую тебя в лобик?»
79. Раздевалась — мгновенно. Одевалась — часа два.
80. Паскудина.
81. Ничего себе.
82. Ресторан называла «кабаком», мужчину — «чуваком».
83. Работала в доме моделей или в литературном журнале?
84. Похожа на эскимоску.
85. Считала, что неотразима. Однако, кроме меня, никто на нее не польстился.
86. 28 лет. Четверо детей. Все от разных мужчин. С мужем отношения хорошие.
87. Этой казалось, что Николай Васильевич Гоголь — игрок футбольной сборной страны.
88. Умоляла, чтобы я не рассказывал о наших отношениях. Сама же трепалась о них на каждом перекрестке.
89. Самая короткая встреча. Зашел к знакомому. Вместо него в квартире оказалась девушка. Повалил на диван. Через 10 минут попросила, чтобы ушел: мог появиться знакомый. Больше не виделись.
90. Употребляла духи «Москва».
91. Туфли на очень высоких каблуках.
92. Громыхала, как грузовик.
93. Засыпала на самом интересном месте.
94. Каждый раз приходилось все начинать сначала: клясться в вечной любви, говорить, что она единственная.
95. Самая продолжительная связь — 1,5 месяца!
96. Любовница-утешительница. Появлялась в трудную минуту.
97. Эта действительно была красива.
98. Скрипучий голос.

99. Что-то мягкое, что-то теплое. Сомневаюсь, она ли это?

100. Встречались ночью. Лица не разглядел.

101. Был пьян. Кажется, была женщина.

102. Без конца выясняли отношения. Больше в памяти ничего не осталось.

103. Была ли она женщиной?

104. Своего добила. Познакомилась с мужем.

Сколько народу погибло тогда, сколько еще костей не убранных, не захороненных валяется по лесам и долинам, не счесть!

Про себя знал — останусь жив. Сослуживцы не верили, когда об этом заходил разговор. На рожон я не лез. Трусом тоже меня не считали. Делал свое дело спокойно, без спешки, как надо. Опыт большой: летит снаряд, а ты предполагаешь, где он приземлится, определяешь по звуку. Хотя, как говорят сведущие люди, свой не услышишь. Погибали, в основной массе своей, новички, новобранцы, несмышлениши. Видел я немало таких — пушечного мяса.

Мне везло.

Рота автоматчиков, которой я командовал, почти всегда при штабе полка. Так, иногда бросят в бой, от случая к случаю.

Проснулся я в семь.

Где это носило меня вчера? Заходил, что ли, в «Националь»? С кем-то вчера о чем-то договаривался? Куда-то меня приглашали?

Полежу.

Может, вспомню.

Попал в какую-то круговерть: с кем встречаешься, о чем говоришь, спроси через час — не ответишь!

Тоска.

Непроходимая скука. Хоть вешайся или стреляйся.

Деваться некуда, вот и торчишь в «Национале» с Голевыми и Далацкими.

Когда мы с помощником отстали от части, тогда все обошлось. В трибунал не загремели.

В бой полк бросили прямо с марша.

Вызвал командир полка. Ну, думаю грешным делом, мораль будет читать. А у него нечто вроде военного совета.

За столом важный генерал. Рядом с ним наш полковник и другие чины.

Командир третьего батальона красавец-грузин стоит невытяжку. Выслушивает приказ.

Вижу, про меня забыли. Присел в уголок. Прикорнул.

Или я тогда в Тамбове в кинотеатре задремал?

В Тамбове — девушки. Тут одни военные: полковники и генералы. Один я — лейтенант, да грузин-комбат, который застыл перед генералом, как гончий пес.

Про меня забыли.

Соображаю: во сколько я должен к этой женщине зайти?

Чувствую, однако, что наутро готовится крупное наступление.

Наконец и про меня вспомнили. Командир полка говорит:

— Вот еще командир роты автоматчиков вызван, товарищ генерал!

Меня кто-то растолкал.

Подняли.

Стою.

Спросонья соображаю плохо.

Сунул генерал карту мне под нос:

— Вот тут правый фланг вашего полка, видишь?

— Вижу.

— Прикроешь своей ротой!

— Есть!

— Можешь идти!

— Есть!

— погоди!

— Есть!

— Держи связь с соседним батальоном!

— Есть!

Комбат соседнего батальона — в ямке на берегу Дона.

Залез к нему.

На двоих места хватает.

Наступление на рассвете.

Сигнал: три зеленые ракеты.

Подремали часок.

«Вперед, сукины сыны!

Кому говорят, вперед!

Спускайся на лед!

Опускайся под лед на дно Дона в студеную воду.

Смелей!

За мной!

В атаку!

Ураааааа!

Бей ураганным огнем!

Круши!

Кроши!

Ложись, вашу мать!

Вперед!

Назад!

Вход — выход!

Вдох — выдох!

Ложись!

Держись!

Патроны давай, давай патроны!

Снимай кальсоны!

Залезай в вагоны!

Ползи вперед,

скользи под лед!

Алло, алло! Кто у телефона? А я говорю, всех перебьют: впереди проволочное заграждение и рогатки.

Тащи рогатки! Растаскивай их в стороны!

Саперы!

Где саперы?

Саперы — вперед!

Если нет ножниц, грызи колючую проволоку зубами, в душу вас и в печенку!»

«Товарищ командир, там одни трупы!»

«Грызи трупы, тетя твою в треть!»

Рота бежит в овражек. Иначе всех перебьют.

Потихоньку, помаленьку в овражек забирайся, к высоте подбирайся.

Огонь!

Огонь!

Огонь!

Гонь в загонь!

Пали из всех стволов.

Головы не поднимать: в гать!

Новобра... бра... бра! Жопы не поднимать!

Патроны береги! Вперед беги!

Назад не моги!

«Товарищ второй, высоту взяли. Дела неважные. Потери огромные. В одной моей роте... А про остальных говорить не приходится. Остальные...»

Как бра... бра... новобра...

Мои ухитрились забраться в овражек.

Сидят.

Лежат.

Все в порядке, товарищ второй, все в порядке. Взятки ведь с нас — гладки!

Только вот фрицы ухлопали моего зама лейтенанта Чеснокова, где мне теперь найти такого? С которым мы у баб...

Что вы говорите, все оживут?

Чудеса!

Очень рад!

Фрицы проклятые — жмут. Если будет так продолжать-ся, они нас с высоты, которую мы с таким трудом... попрут. Что они уже и делали не один раз.

Мы, товарищ второй, овражек заняли, лежим в обнимку с «бабами», в обнимку. Говорю: с «бабами»!

«С какими бабами?»

«С какими!»

Автоматы мои солдаты называют «бабами», и ласкают их, и лелеют. Что еще им остается?

Вот сейчас дам команду и солдатки мои все, как один, помчатся вперед!

Есть держаться до последнего патрона! До последнего живого солдата! А может, и мертвые пригодятся?

Товарищ полковник, я говорю из медсанбата, я держусь за нежную ручку не автомата, а медицинской сестры. Ужасно симпатичная девушка, загляденье. У нее такие же глаза, как у немца, которого я в упор... Весь диск всадил в него.

Решето.

Решето, говорю!

Говорю, что этот бедняга немец превратился в решето.

Ну и немцы, ну и фрицы, лупят из всех минометов и пулеметов сразу!

Может, это не немцы, а итальянцы или испанцы?

Говорили, что тут занимает оборону испанская «Голубая дивизия».

Окопчик вперед — узкий и длинный. Сотни две набились в него. Мои — в овражке.

Спят.

«Почему спят?»

Да потому спят, что не спали три ночи подряд, когда нас по окрестным дорогам, как проклятых, неизвестно для чего таскали!

Со мной старшина и ординарец. Как фамилия этого ординарца?

Черный?

Черногрудый?

Червонный?

Или Чернаго?

Или Днего?

Теснота в окопе! Как только они меня раненого будут из этого ада выносить?

Тяп!

тяп!

тяп!

Мины тятают.

Тяп!

тяп!

тяп!

Человек сто: кого на тот свет, кого в медсанбат.

Вот мина угодила в самую гущу человеческих тел!

Взззы!

Это не моя кровь.

Я еще жив!

В медсанбате хорошо.

«Сестричка, можно я вас поцелую? Я не ощущал запаха женщин уже около года, можно? Дайте мне прикоснуться к вашей невообразимой ручке!»

Привет!

Всем, кто погиб, привет!

Доктор. Рана у вас, лейтенант, на удивление, удачная. Еще бы несколько миллиметров и сонную артерию к черту! Вы ведь не маленький, надеюсь, понимаете, что такое сонная артерия? Снайпер, видимо, был джентльмен.

— А я, доктор, в этого немца, итальянца или испанца всадил диск. Изрешетил его влух!

Доктор. Не может быть!

— Клянусь!

Доктор. Интересная операция!

— Что вы, доктор, от него ничего не осталось. Семьдесят один патрон в диске, представляете?

Медсестра. Что прикажете, местную анестезию?

Доктор. Да, да, пожалуйста. Пуля застряла чуть ниже лопатки. Видите, вот в углу рта входное отверстие. Затем — шея, как она ему сонную артерию не расколошматила; тогда

бы конец, раз — и нет человека! Так что повезло вам, молодой человек, повезло! Можно сказать, уникальное ранение!

Доктор. Вот народ, что за народ, о чем они только думают на передовой!

— А что?

Доктор. Возят в медсанбат мертвецов!

— Вы считаете меня мертвецом?

Доктор. Да не вас. Час тому назад привезли мертвого полковника. Спрашиваю, зачем? Говорят, скоты, что нужно сделать операцию. Какая там операция, если он — мертвяк! Если ему бомба угодила в голову, если от него ничего не осталось! Не могли, лентяи, похоронить на месте!

— Я знаю полковника. Это наш командир полка. Бомба разорвалась в нескольких шагах от него. Может, это не его сапог и подбородок? Там была такая каша, полегло несколько сот человек. Злополучная переправа!

Доктор. Всех бы и хоронили в братской могиле, как полагается, чего тут рассуждать. Мы не успеваем управляться с живыми. Мой помощник, военврач третьего ранга, смоталась к мужу.

— Жена нашего полковника?

Доктор. Да!

— Бедная черепаха!

Доктор. Какая черепаха?

— В окопах у немцев, итальянцев или испанцев нашли черепаху. Она была мертва.

Доктор. Черепаха?

— Нет, полковая аптечка! На переправе погибла уйма народу. Если бы вы только видели, что там творилось.

Самолеты, дело случая, выскочили из-за высоты, никто не успел укрыться. Не могли, черт побери, немцы, итальянцы или испанцы знать, что в этом месте скопление наших войск. Нелепое происшествие.

Черепаха оказалась мертва.

Не кормили они ее совершенно. Затем ударили сильные морозы. Черепаха — существо нежное, морозов боится.

Немцы, итальянцы или испанцы драпанули.

— Женщин у нас в полку не было. А у вас, какая у вас нежная рука, сестричка, какая приятная рука. Как замечательно пахнет ваша бесподобная кожа! Я никогда не встречал...

Доктор. Это моя рука. Оставьте ее в покое. Сестра занята. Она пришивает сапог полковника к подбородку. Нужно что-то делать.

— Простите, доктор, во Владимире, в соборе похоронен палец Александра Невского. Почему бы не похоронить подбородок полковника? А если есть еще и кусок сапога, то этого больше чем достаточно.

Какой я, однако, балда: нужно было похоронить живот этого немца, итальянца или испанца. Бедный немец, бедный итальянец, бедный испанец.

Жаль мне их, очень жаль! Они на морозе гибнут, как черепахи. Совершенно не приучены к холоду.

— Доктор? Может человек погибнуть от царапины? Может? А если я ему оцарапал живот, если всадил весь диск, 71 патрон?

Там и хоронить, честно говоря, нечего.

Как только бомба шмякнула в человеческие тела, так все и потекло в разные стороны:

Шмяк!

Шмяк!

Шмяк!

Всего одна штука. А какая куча мяса, какая куча!

Мудреное дело, каким образом удалось разыскать кусок сапога и подбородок полковника?

Доктор. Опознала жена. Как не опознать, сколько раз ей приходилось целовать это место.

— Ясно!

Пришел я в Тамбове к этой женщине. Она уже дома. Публика из кинотеатра разошлась, как только прекратилась музыка. Картину смотреть не стали. Ее показывали 25 раз. Девушки приходили только затем, чтобы поглазеть на музыкантов.

Бомба ведь, которая угодила в полковника, могла ухлопать кинотеатр?

Такие случаи во время войны бывали не раз. В Тамбове все обошлось благополучно.

Только музыка смолкла, девушки ринулись на сцену.

Целуют чернявого.

Оказывается, все они, как одна, в него влюблены, только ради него и приходят в кинотеатр... Стоят возле стены, а потом, как по команде, бросаются на сцену: «Уррра!»

В атаку!

Что им остается делать, если в Тамбове, кроме случайных, вроде меня, одни музыканты и есть.

Чернявый — что надо! Красавчик.

Он даже шестимесячную завивку себе накрутил. Знает, бестня, что девушки приходят на него пялить зенки. Рад.

На меня, хоть я офицер, девушки не обращают внимания, все уставились на чернявого.

Кинулись они на него.

Пуговицы.

Воротник.

Хлястик.

Петлицы. Ключья белья.

Одна оторвала нос, другая — ухо, третья — кусок щеки.

Зал замер.

Прибежала милиция.

Поздно.

От чернявого остался один шестимесячный чуб.

От греха подальше я смылся из кинотеатра. Говорят, что он к утру сгорел.

Вот вам и бомба.

Сколько народу сгорело, если он вспыхнул во время показа картины?

А ведь скорей всего так и было

Самая рьяная поклонница прижала чуб чернявого к груди и рыдала на весь город.

Добежали с ординарцем и старшиной до окопа, а там уже наших полно. Откуда они взялись? Втиснуться невозможно

Немцы, итальянцы или испанцы шпарят из всех минометов на чем свет, долбят, как кувалдой по башке.

— Какая вы приятная, хоть и официантка из госпиталя!

— Прежде я была женой офицера. Такого, как вы. Он у меня был лейтенантом. Мы перед войной служили на самой границе. Как только они напали, муж отправил меня в Тамбов вместе с мальчиком. Очень трудно приходилось поначалу. Чуть не погибли с голода. Потом встретила знакомого врача, он и устроил в госпиталь. Я — член тамбовского городского совета, депутат.

— Какие у вас мягкие волосы, какие упругие груди.

— Тише, вы меня задушите!

— От вашего тела так приятно пахнет. Та, в Костроме, была не такая. Та — рабочая лошадка. И запахи от нее

соответствующие, дегтем и потом. А у вас такие приятные глаза, такие поразительные ноги. Вы у меня всего только третья.

— Милый, охота тебе заниматься подсчетом, терять понапрасну время!

— Но я не знаю... не знаю, что нужно в таких случаях делать?

— Целуй меня, крепче целуй, только не задуши!

— Можно я?..

— Нет, уже поздно. Проснулся сын. Я уйду к нему.

— Но я...

— Какой ты еще зеленый, совсем мальчик, как мой сын, хоть такой большой.

— Но вы у меня всего только...

Я был на войне.

Я остался жив.

Я знал, что не погибну на войне.

Если бы я в свое время не ушел от полковника, я бы тоже лежал в общей могиле, и доктор обдумывал бы, как лучше пришить мой подбородок к остаткам сапога.

Женщина ушла на другую кровать.

Я настаивать не стал, я — устал.

Я был еще, в сущности, очень слаб. Ничего не мог сделать для женщины, которая пригласила меня к себе.

Я робел.

Я не знал, что говорить.

Я был еще...

Потом все происходило на удивление просто, я говорил женщинам: «Раздевайся, ложись...»

И женщины раздевались, ложились, как по команде.

Та, в Костроме, сама затащила меня на себя.

Утром женщина ушла на работу.

Боже мой, как она на меня посмотрела!

Город без мужчин, а я — идиот, кретин. Я не знал... Впрочем, зачем оправдываться, зачем?

Она пригласила меня за тем, чтобы я с ней... Ей нужен был мужчина, а не зеленый юнец.

На фронте я приходил в деревню, тащил женщину на сеновал. Слова не скажет. Дашь банку тушенки или буханку хлеба — рада безумно.

В атаку ходил я три раза.

Первый раз в декабре 1941 года, под Москвой, будучи курсантом пехотного училища. Немцы не выдержали, побежали или отошли, чтобы не нести чрезмерные потери. В другой — на Дону, в тот самый день, когда был убит мой полковник. Бомба трахнула его по голове. Опустила жена. Но она могла ошибиться. Хоть, если рассудить здраво, должно же что-то остаться от человека, чтобы можно было отдать последние почести. Третий — Днепр. Без особого энтузиазма:

Бежали.

Лежали.

Стреляли!

Женщины во время войны согласны на все. В этом спасение нации, повышение деторождаемости.

Что мы вытворяли тогда у казачек!

Бедный мой зам. Чесноков! Ухлопали его немцы, итальянцы или испанцы.

В госпитале я эту официантку поначалу не замечал.

Разговорились в последний день.

Как ей хотелось иметь мужчину хоть на один день, на одну ночь.

Я был непроходимо глуп.

Глуп — вот и все!

Да и ранение тяжелое. Провалился в госпитале месяца три.

Ослаб.

Первый раз, как вышел на улицу, шатался из стороны в сторону. Два шага ступил и присел на лавочку, как старичок.

Ранение было тяжелое.

До чего во время войны не любили автоматического оружия! Автоматические винтовки бросали, предпочитали обыкновенные, а перезаряжать их зимой, в мороз чрезвычайно трудно. Убедился сам, когда под Москвой в 41-м ходил в атаку.

У моих в роте — автоматы, я их приучил, доказал, что это выгодно и удобно.

Артиллеристы тогда сделали из высоты отбивную котлету в буквальном смысле этого слова. Одна стрелковая рота ворвалась в неприятельские окопы прежде времени, так вся там и осталась.

Накрыли свои.

А мы с Чесноковым у казачек подхватили по «трепаку». Триппер не страшен.

Черт с ним с триппером! Ходили к одному врачу.

Доктор. Вы думаете, у военного врача одна забота — лечить ваших триппера? Ошибаетесь. У нас есть приказ: всех, заболевших этой непотребной болезнью, отправлять в штрафбаты!

Полковник. Вам кажется, что в штрафбатах не люди?

Доктор. Здравствуйте, полковник!

Полковник. Вы не ответили на мой вопрос, милостивый государь, потрудитесь отвечать!

Доктор. Спокойно, полковник, ничего мне не кажется. Я не об этом. Ваша жена до сего времени не является на службу. Куда она могла запропасться?

Полковник. Нужно же человеку немного поплакать. Вы сухарь, доктор, а она женщина чувствительная, нежная. Раз муж погиб, нужно оросить могилу обильными слезами.

Доктор. С вашим лейтенантом ничего плохого, пуля прошла его насквозь. Как только он ухитрился остаться в живых? Чудеса!

Полковник. Вы говорите о моем бывшем адъютанте?

Доктор. О нем.

Полковник. Неплохой юноша. Но непроходимый глупец. Все время рвался на передовую. Будто там кормят медом!

Доктор. Все они теперь такие, непоседливые.

Полковник. Что он, спрашивается, потерял на передовой? Война ведь заключается не только в том, чтобы бежать вперед, кричать во всю глотку «ура»! Он, этот паршивый мальчишка, так мне был нужен, так нужен! Кто знает, может быть, возле него меня бы не убили, не разорвали в куски авиабомбой?

(Да, я уже говорил, что я обладал способностью чувствовать опасность заранее и ухитрялся от нее уклоняться.)

Полковник. Вижу, добрая половина моего полка здесь, со мной, на том свете.

Доктор. Там — веселей!

Полковник. Какое там веселье, если они: один без ноги, другой без обеих рук, а третий и вовсе — без головы!

Доктор. Ну и что, каждый может веселиться, как может!

Полковник. Из твоей роты, лейтенант, тоже достаточно народу. Сейчас прикажу всем построиться. Произведу перекличку. Пересчитаю всех до одного.

Доктор. Не надо, полковник, не считайте. Это вас взволнует, а вам нельзя волноваться. Вам нужно дышать глубоко.

Полковник. Как я могу дышать одним подбородком?

Доктор. На фронте, как вам известно, случаются вещи почище. Иногда от человека остается всего одна медная пуговица. И с этой пуговицей приходится возиться.

После медсестры из медсанбата, которая вторично наградила меня триппером, в деревне я встретил еще одну бабу. Ну и здорова была! Отродясь не видывал таких толстых баб.

Сама, как печка.

Залезла на печку.

Я залез на нее. Да так всю ночь и не слезал.

Сопим.

Пыхтим.

Ерзаем по горячим кирпичам. То она на мне отдыхает, то я на ней, весело получается.

Полковник. Из противотанковых ружей стрелять по «тиграм», да ведь это чистой воды безумие! Говорю, чтобы прислали противотанковые орудия нужного калибра. У этих «тигров» лобовая броня около 22 сантиметров, а бок он не подставит, не дураки у них ведь в танках сидят!

Доктор. Сколько вам лет, полковник?

Полковник. Сорок четыре.

Доктор. Для своих лет, черт возьми, вы выглядите, милый полковник, прекрасно. И у вас ужасно симпатичная жена.

Полковник. Мы живем с ней уже 4 года. Ей на прошлой неделе исполнилось 28 лет.

Доктор. Какая женщина!

Полковник. Так только кажется. В постели она... даже... Я бы сказал... Ну, впрочем, не будем об этом! У нее есть один малозаметный... Впрочем, вы сами скоро об этом узнаете, убедитесь сами!

Доктор. Каким образом?

Полковник. Теперь, наверное, вы наконец с ней переспите. Вы ведь недавно ей на это намекали пространно...

Проснулся я в семь.

Не могу вспомнить, что делал вчера вечером?

Больше, однако, не уснуть.

Знаю.

Всегда так.

В последнее время в особенности. Нужно сходить к врачу.

В уборную вставать неохота.

Протянул руку.

Включил приемник.

Потер бока и пальцы рук.

Отлежал.

Куда девалась девушка?

Кажется, вчера пришел домой не один. Девушка говорила, что ей рано вставать на работу. Неужели я так крепко уснул, что не слышал, как она ушла?

Может, девушки не было? А я видел сон, в котором ко мне приходила девушка?

Доктор. Потери убитыми и ранеными...

— Кто говорит о потерях? Война давно закончилась, а пропала всего одна девушка. Исчезла из моей постели.

Доктор. Во Вьетнаме американские захватчики предприняли новое наступление, но оно закончилось полным поражением... В районе реки Меконг... На переправе... Погибло...

Самолет...

Недолет...

Перелет...

Полковник. Милая Джойс, ты будешь меня ждать? Я вернусь, я обязательно вернусь!

— В чем дело, полковник?

Полковник. Не знаю.

— Почему вы не включили катапульту?

Полковник. Отказала автоматика. Механики — портачи. Только и знают, что таскаются в Сайгоне по борделям!

— Теперь вам дадут медаль за храбрость. Все видели, как вы сгорели в своем «Громовержце». Вы — храбрый человек, полковник. В газетах напишут большую статью о вашем героическом поступке, о вашей отваге. Большую статью, в которой укажут, что вы погибли смертью храбрых!

Полковник. Я — за точность информации. Я погиб не во Вьетнаме, а на Дону, в 1942 году. Бомба упала рядом. Мой лейтенант, к которому я относился, как к сыну, остался жив. Теперь он уже взрослый человек.

Над Вьетнамом сгорел другой полковник, полковник американской армии. Классный пилот, отважный человек, хо-

роший и отзывчивый товарищ. Принимал активное участие в общественной жизни страны, член партии, командир авиационного подразделения. Мог бы сам не летать. Но его понесло, не выдержали нервы.

Да, полковник мог не присутствовать на Дону, на переправе. Что поделасешь, каждому хочется быть примером для подчиненных офицеров и нижних чинов! Показать, как честные командиры погибают в бою.

— Интересно, полковник, вам тоже не хотелось по утрам вставать в туалет?

Полковник. Вы обо мне?

— Нет, об американском летчике.

Полковник. О нем я ничего не знаю.

— Бедняга этот пилот, он, как и я, был лунатиком. Ходил ночью по всему Вьетнаму. В детстве лечился в психиатрической больнице.

Полковник. Я был сбит над джунглями. Ракета зацепила левое крыло. Самолет потерял управление. Я ничего не мог поделать, чтобы спасти положение.

— Глупости! Я не верю, что теперь, как тогда, убивают людей. Нет! Нет! И нет!

Полковник. Но их убивают!

— Каким образом?

Полковник. И в бою, и по приговору военного трибунала. Тех, которые отказываются воевать или бегут с поля боя, расстреливают на месте, без суда и следствия.

— Какой ужас, какая дичь! Теперь стало совершенно невозможно ходить в это кафе. Что они там вытворяют!

Полковник. Кто?

— Музыканты! Ударник лупит в барабан, словно на него натянута шкура слона или носорога по меньшей мере, а не папиросная бумага.

Полковник. Не верю, чтобы самолеты делались из папиросной бумаги.

— Но их делают!

Полковник. Ты ошибаешься, ты еще не проснулся, лейтенант, ты еще спишь...

Проснулся я в семь.

Поворочался с боку на бок.

Живот трещит, как барабан, обтянутый папиросной бумагой.

Терплю.

Думаю, полежу еще часок.

В детстве, как и теперь, по утрам не хотелось вставать в туалет.

Терпел.

Мерзли коленки.

Плохо топили печи, не было дров.

Откуда во Вьетнаме дрова? Там ведь кругом сплошные джунгли, а в них, вместо деревьев, сбитые самолеты.

У нас на Украине топят печи соломой, а во Вьетнаме жара доходит до 50 градусов. Почему же мерзнут коленки?

Еще бы: я стою по колено в ледяной воде Дона.

Нужно сходить в туалет. Для этого необходимо перейти на другой берег реки.

Нужно выбить немцев, итальянцев или испанцев с высоты!

Хорошо, когда тебе 20 лет и ты не застенчив, как я.

Старшина Алексеев. Вот теперь я могу сказать наверняка: автор вместе со своим мертвяком сходит с ума. Я знаю в точности, как это происходит. Писатель Сундуков не раз на моих глазах разыгрывал эту комедию. Нужно срочно вызывать тачку из дурдома.

Маня. Не верьте старшине. Николай Сергеич хоть и мертв, но он ухаживал за мной на дне рождения, и я не позволю его обижать! Я его обожаю!

Старшина Алексеев. То, что мы называем винденцией, на самом деле есть — милицейская португепя.

Я — не Наполеонов, я — патефонов и самоплафонов!

Автор. Цвира,

мура,

радекура,

Зима ура: ца-ца-ца!

Старшина Алексеев. Если теперь заказать треуголку, то она будет готова только в 3970 году...

Петр Петрович. Наши люди заняты строительством счастливой жизни. Им некогда шить для вас треуголки! Они — выполняют план! План нужен для выполнения плана. А если плана не будет, то он не будет выполняться...

Настасья Петровна. Пойдем, пойдем в другую комнату, я тебе не всю историю досказала!

Петр Петрович. Оставь меня в покое: мумра,

гумра,

Мамра,

Дамра!

ОБ АВТОРАХ

Владимир СМРЕНОВ. Родился в 1956 году. Получил гуманитарное образование, работал токарем, учителем, сторожем. Ныне занимается продажей газет и книг. Проза публикуется впервые.

Юрий ЦЫГАНОВ. Родился в 1955 году, закончил среднюю художественную школу в Москве, служил в армии. Работает художником, принимает участие в выставках. Проза публикуется впервые.

Пекка ПЕСОНЕН. Родился в 1947 году. Профессор кафедры славистики университета в Хельсинки. Автор книги об Андрее Белом. Публикуемая статья написана специально для «СОЛО».

Желающим получать журнал «СОЛО» необходимо перевести 99 руб. за один номер почтовым переводом по адресу: 109652, Москва, ул. Подольская, д. 25, кв. 212, Ермаковой М. А. В графе «Для письменного сообщения» указать: «За журнал «СОЛО» № . . .». На тех же условиях можно получить №№ 1—9.

Редакция не имеет возможностей давать письменные рецензии на предлагаемые тексты, вступать в переписку с авторами и возвращать почтой рукописи не заказанные редакционной коллегией журнала.

Владимир СМРЕНОВ

Я легко убил первого, затем второго. С третьим вышла некоторая возня, потому что он оказался женщиной...

Юрий ЦЫГАНОВ

Я так и сказал ему: э, мужик, ты тут не стоял, в натуре!

Александр ШАРЫПОВ

... наша революция — явление сложное, и среди ее участников то и дело встречаются сексуальные элементы, которые ничего не понимают и стремятся устраничься, а между тем являются не только пособниками, но и организаторами революционных событий.

Пекка ПЕСОНЕН

В этой картине мира объектами пародии становятся от-правные точки собственного мировоззрения А. Белого, уче-ния Вл. Соловьева, И. Канта, Р. Штайнера.

Генрих САПГИР

В Лианозово стали ездить многие в те 50—60-е годы — из Москвы, из Питера.